ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Кожин Евгений Геннадьевич

ВЛИЯНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА В АТР НА МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА (МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Специальность – 23.00.04 –
политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Никитина Ю.А.

Москва – 2019

Содержание

Введение 4

Глава 1. Институциональный регионализм: концепции и моделирование 26

1.1 Понятие, сущность и характеристика институционального регионализма……..27

1.1.1 Регионализм, регионализация, региональная интеграция с точки зрения системного анализа……33

1.1.2 Онтологический статус регионального / международного института и подходы к его моделированию в качестве элемента системы. 43

1.1.3 Формы сотрудничества и соперничества в региональных процессах. 49

1.2 Институциональный регионализм как измерение региональной подсистемы и объект моделирования……57

1.2.1 Объяснительные и прогностические модели. 62

1.2.2 Модели «Институт — среда» и «Институт — государство — среда». 64

1.2.3 Конкурентные и кооперационные модели. 67

1.2.3.1 Институциональный регионализм в реалистской исследовательской перспективе. 72

1.2.3.2 Институциональный регионализм в либеральной исследовательской перспективе. 76

Глава 2. Модели институционального регионализма применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону как подсистеме 80

2.1 Институциональное измерение Азиатско-Тихоокеанского региона как подсистемы…….91

2.1.1 Военно-политический аспект. 92

2.1.2 Экономический аспект. 96

2.2 Азиатско-Тихоокеанский институциональный регионализм как объект моделирования…101

2.2.1 Сущность и характеристика Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма. 104

2.2.2 Конкурентные модели Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма. 109

2.2.3 Кооперационные модели Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма. 112

Глава 3. Процессы сотрудничества и соперничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма 117

3.1 Закономерности применения инструментов сотрудничества и соперничества в подсистеме Азиатско-Тихоокеанского региона……...117

3.1.1 Сравнительное преимущество в свободной торговле как инструмент достижения регионального лидерства. 124

3.1.1.1 Трехсторонняя зона свободной торговли КНР—РК—Япония 126

3.1.1.2 ВРЭП 133

3.1.1.3 Соглашение о ТТП 136

3.1.2 Сравнительное преимущество в инфраструктурных проектах как инструмент достижения регионального лидерства. 143

3.1.2.1 Инфраструктурное измерение инициативы «Один пояс, один путь» 145

3.1.2.2 Институциональное измерение инициативы «Один пояс, один путь» 152

3.2 Потенциал дальнейшего становления Азиатско-Тихоокеанского региона как единой региональной подсистемы……160

Заключение 166

Список литературы 171

Приложения 199

Приложение 1. Аппроксимации моделей институционального регионализма 199

Приложение 2. Список сокращений 212

Приложение 3. Словарь терминов 213

Приложение 4. Список иллюстративного материала 215

Введение

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР)[1] наращивает свое значение как географическое пространство, на территории которого формируется политическое, экономическое и, в некоторой степени, социальное сообщество. Экономики региона создают все более сложные структуры взаимодействия как на внутрирегиональном, так и на трансрегиональном уровне путем участия в двусторонних и многосторонних переговорах. К конкуренции между успевшими занять лидирующие позиции региональными державами за доступ к внутренним и внешним источникам роста присоединяются страны, еще недавно демонстрировавшие слабые показатели экономического развития и низкую вовлеченность в региональные дела. Продолжает расти и значимость региона для целостности и глобальных цепочек поставок, устойчивости финансовых рынков, в то время как глобальные эффекты от экономических и политических пертурбаций, происходящих в АТР, со времен Азиатского кризиса 1997–1998 гг. только увеличились в своем масштабе. Существенные изменения произошли как в региональной конъюнктуре, так и внутри самих стран АТР, причем процессы регионального значения и тренды государственного развития оказываются взаимно обусловленными.

С вступлением в силу Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для Транстихоокеанского партнерства (ВПСТТП) в АТР появился первый многосторонний институт преференциальной торговли,[2] несмотря на выход США опередивший переговорный процесс по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП). Поставив задачу создания «среднезажиточного общества», Китай опасается попадания в ловушку средних доходов и предпринимает колоссальные усилия как по расширению и углублению своего присутствия на международных рынках, так и по созданию новых источников роста, для чего руководство страны делает ставку на инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП). Формально самоустранившись от роли стратегического лидера по созданию режимов свободной торговли в регионе, США при администрации президента Д. Трампа стремятся не допустить окончательного перехода этой роли Китаю, действуя через посредников, региональных союзников, и создавая препятствия росту китайского рынка путем мер, ставших содержанием американо-китайской торговой войны. Страны АСЕАН в поисках более эффективных механизмов взаимодействия, необходимого для защиты от враждебных действий

[1] В данной диссертации Азиатско-Тихоокеанский регион понимается как региональная подсистема международных отношений, включающая пространство Большой Восточной Азии и Тихого океана, в рамках которой идут процессы институциональных взаимодействий между государствами, жизненно важные интересы которых определяются географической близостью к Тихому океану. Подробно проблематика состава АТР через вовлеченность государств этого в процессы институционального строительства рассмотрена в главе 2: Модели институционального регионализма применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону как подсистеме.

[2] Не считая Договора о торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вступившем в силу в 1976 г.

претендентов на региональное лидерство, вышли на путь по созданию экономического, политического и социального сообществ; что характерно, наибольших успехов им удалось добиться лишь в создании первого — Экономического сообщества АСЕАН (АЕС). Наиболее развитые экономически страны Северо-Восточной Азии, — Китай, Япония и Республика Корея, — добились подписания договоров о зонах свободной торговли, с одной стороны, с АСЕАН, а с другой — между собой, за исключением Южной Кореи и Японии. При этом РК, не желая утратить инициативу, пытается договориться о создании этой зоны; не достигнув успеха на двухсторонней основе, она стремится возродить переговоры в рамках Саммита трехстороннего партнерства, который дважды прерывался на длительные сроки в немалой степени из-за действий Японии. Одновременно с этим как члены АСЕАН, так и державы Северо-Восточной Азии пытаются обогнать своих конкурентов в переговорных процессах по созданию зон свободной торговли со странами Персидского залива.

Все эти мероприятия обогащают региональную повестку, придают растущую сложность структуре отношений внутри АТР как региональной подсистемы. Эти процессы сопровождаются созданием новых институтов, упрощающих сотрудничество. Однако в то же время не только обостряются традиционные противоречия и вызовы, но и возникают новые. Попытки возобновить Шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной программе, несмотря на наличие совместимых позиций и интересов у всех участников этого переговорного процесса (за исключением КНДР) не увенчались успехом.[3] Более того, несмотря на исторические встречи Д. Трампа с Ким Чен Ыном и на уровне руководителей Северной и Южной Кореи, северокорейский ракетно-ядерный кризис достиг пика на рубеже 2017 и 2018 гг.[4] Отсутствие прогресса угрожает региональной стабильности, тем самым легитимизируя вовлечение Южной Кореи и Японии в американскую систему ПРО. Начиная с 2012 года, взаимные претензии стран, вовлеченных в территориальные споры относительно участков Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, особенно Китая и Японии, являются источником непрерывной эрозии атмосферы доверия в регионе. В специализирующихся на Восточной Азии и АТР в целом изданиях все чаще публикуются статьи, выдержанные если не в алармистском, то как минимум настороженном тоне. Так, например, “The Diplomat” оценивает возможность крупномасштабной войны в Азии довольно высоко,[5] а в качестве одного из

[3] Emott, R., Evans, D. China sees chance of six-party talks with North Korea [Электронный ресурс]. / R. Emott, D. Evans // Reuters. — 2017. — Режим доступа: http://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-missiles-china-idUKKBN15W27H (дата обращения: 09.05.2019)

[4] Trump says North Korea nuclear crisis 'long way from conclusion' [Электронный ресурс]. / The Guardian. — 22 April 2018. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/trump-north-korea-nuclear-crisis (дата обращения: 09.05.2019)

[5] Gady, F.-S. The Coming War in Asia: Why We Need Better Analysts [Электронный ресурс]. / F.-S. Gady // The Diplomat. — 2017. — Issue 28. — Режим доступа: http://magazine.thediplomat.com/#/issues/-KdYNdv6QWeKhsKfC5hO/preview/-KdYNfDSkGCs8arLtM8Q (дата обращения: 09.05.2019)

возможных очагов называет замороженный тайваньский конфликт;[6] “Foreign Affairs” выявил признаки торговой войны между КНР и США за полгода до ее начала[7] обозначил угрозы, которые несут в себе территориальные споры.[8] Специалисты RAND Corporation опубликовали в своем вестнике вывод о модернизации и ускоренном развитии средств ядерного сдерживания Китая.[9] Наконец, “World Politics Review” указал на высокие риски разворачивающейся гонки вооружений в отношениях между США и КНР.[10] Новая угроза лежит в экономической плоскости: растущая долговая масса партнеров Китая по ОПОП делает эти страны уязвимыми для китайского влияния,[11] в то время как китайская сторона в ответ приводит аналогичные обвинения.[12] Сама экономика КНР столкнулась со значительным внутренним долгом,[13] и неосторожный подход к управлению им, как и отрицание проблемы, неизбежно нанесут ущерб не только странам АТР, но и всей мировой экономической системе. Таким образом, международно-политические аспекты ситуации в АТР становятся сложнее, чем в предшествовавшие годы и даже десятилетия.[14] При этом экономический рост стран региона подразумевает рост взаимозависимости, который, в свою очередь, требует создания режимов и механизмов упорядочивания складывающейся конфигурации отношений. Оптимизация возникающей из нового качества отношений сложности невозможна без институтов,

---

[6] Thompson, N. Is Trouble Brewing in the Taiwan Strait? [Электронный ресурс]. / N. Thompson // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/is-trouble-brewing-in-the-taiwan-strait (дата обращения: 09.05.2019)

[7] Lind, J. Asia's Other Revisionist Power [Электронный ресурс]. / J. Lind // Foreign Affairs. — 2017. — March/April 2017 Issue. — Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2017-02-13/asias-other-revisionist-power (дата обращения: 09.05.2019)

[8] Rapp-Hooper, M. Parting the South China Sea [Электронный ресурс]. / M. Rapp-Hooper // Foreign Affairs. — 2016. — September/October 2016 Issue. — Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-07-22/parting-south-china-sea (дата обращения: 09.05.2019)

[9] China's Evolving Nuclear Deterrent. Major Drivers and Issues for the United States [Электронный ресурс]. / E. Heginbotham, M. Chase, J. Heim [и др.] // RAND Corporation. — 2017. — Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1628.html (дата обращения: 09.05.2019)

[10] Heath, T.R. Taking Stock of the U.S. Rebalance and the Contest for Influence in Asia [Электронный ресурс]. / T.R. Heath // World Politics Review. — 2017. — Режим доступа: http://www.worldpoliticsreview.com/articles/20949/taking-stock-of-the-u-s-rebalance-and-the-contest-for-influence-in-asia (дата обращения: 09.05.2019)

[11] Hornby, L.; Zhang, A. Belt and Road debt trap accusations hound China as it hosts forum [Электронный ресурс]. / L. Hornby, A. Zhang // Financial Times. — 24 April, 2019. — Режим доступа: https://www.ft.com/content/3e9a0266-6500-11e9-9adc-98bf1d35a056 (дата обращения: 09.05.2019)

[12] Li Shipeng, Zheng Dongchao. The Belt and Road Initiative does not lay debt traps [Электронный ресурс]. / Li Shipeng, Zheng Dongchao // China Watch. — 4 April 2019. — Режим доступа: https://www.telegraph.co.uk/china-watch/business/belt-and-road-debt-trap/ (дата обращения: 09.05.2019)

[13] Credit Trends: Demystifying China's Domestic Debt Market [Электронный ресурс]. / S&P Global. — 15 February 2019. — Режим доступа: https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/credit-trends-demystifying-china-s-domestic-debt-market (дата обращения: 09.05.2019)

[14] Островский А.В. Экономическая глобализация и особенности интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. — С. 160

принимающих форму организаций и договоренностей регионального масштаба и международного значения.

Актуальность темы

Формирование региональных и макрорегиональных сообществ[15] имеет высокое влияние как фактор мировой политики; опыт Евросоюза первым показал, что подобные сообщества сами по себе способны становиться одним из центров притяжения в многополярном миропорядке. Подобные сообщества формируются вокруг таких организаций, как ЕС, АСЕАН, ЕАЭС, и становятся в один ряд с традиционными носителями функции создателей регионального порядка — государствами.[16] Интерес к возможностям и роли региональных сообществ вывел на передний план регионализм как политическое явление и объект анализа.

Как субъекты региональной интеграции, регионализации, регионализма в АТР стремятся к лидерству?[17] Что мешает одному из них выйти на ведущие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионализме? Какой путь окажется наилучшим, чтобы встроиться в существующий порядок? Государство может присоединиться к имеющимся институтам как его новый участник; создать новый институт на базе уже имеющегося; пригласить некоторых участников уже имеющегося института для создания нового; создать альтернативный институт, который будет прямым конкурентом существующих. Каждая тактика, в зависимости от обстоятельств, имеет свои преимущества и недостатки, из-за которых вероятность положительного исхода ее применения может существенно варьироваться.

Вопросы сотрудничества и конкуренции между государствами, вовлеченными в процессы интеграции АТР, как и сама растущая роль этого политического, экономического, социо-культурного пространства с каждым годом сдвигаются в центр как академического дискурса, так и политической активности большого количества государств и международных организаций. Вне зависимости от того, насколько оправданы ожидания политического и

---

[15] В данной диссертации под сообществом понимается институционализированная группа правительственных и неправительственных акторов, способная выступать как единое целое при решении задач, преодолении вызовов и угроз, воспринимаемых участниками данной группы в качестве общих. Состав сообщества может определяться в зависимости от природы адресуемых проблем, вызовов и угроз (например, сообщество безопасности), а также исходя из локализации участников (например, мировое сообщество). Нередко сообщества определяются и по географическому, и по функциональному признаку (в частности, восточноазиатское экономическое сообщество, соответствующее одноименному институту в составе ВАС). Данная работа посвящена проблемам институционализации регионального сообщества АТР в целом. Различные подходы к определению сообществ, включая региональные, рассмотрены в главе 1: Концепция институционального регионализма и его моделирование.

[16] Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. — С. 23

[17] Анализ подходов к определению региональной интеграции, регионализации и регионализма рассмотрен в главе 1: Концепция институционального регионализма и его моделирование. Разработанные рабочие определения, соответствующие предмету и объекту данного исследования, даны в той же главе и продублированы в Приложении 3 (словарь терминов).

экономического характера по отношению к АТР, происходящие в нем региональные процессы привлекают внимание экспертов. Страны данного региона представляют разные экономические системы, подходы к организации политических институтов, религии, языки, культуры, которые проявляются в совместной деятельности по созданию общерегионального режима сотрудничества, организации процессов интеграции. В совокупности все инициативы по экономическому, политическому, социетальному сближению между ними образуют региональное пространство интеграционных взаимодействий, уникальное для каждого региона.

С помощью региональных институтов происходит агрегирование интересов участвующих игроков. Если требуется выяснить расклад сил и интересов между государствами региона (или экономиками, как они называются в случае с АТЭС), следует рассмотреть сложившуюся систему взаимоотношений и развитие создаваемых ими институтов. Институты являются как инструментами сотрудничества и соперничества создавших их государств, так и сами по себе способны сотрудничать и конкурировать друг с другом, и это взаимодействие между институтами является набирающей обороты тенденцией, особенно в Восточной Азии и Тихом океане. Например, АСЕАН нередко выступает как единый актор по некоторым вопросам международной повестки, делая совместную переговорную позицию входящих в нее стран большим, чем сумма ее составляющих.

Одни и те же государства способны одновременно соперничать и сотрудничать друг с другом. Необходимо создание инструмента, позволяющего эффективно сопоставлять и увязывать между собой кооперативные и конкурентные тенденции. Это позволит увидеть их соотношение в политике отдельных государств и развитии региональной подсистемы в целом, позволяя понять, при каком сочетании условий актор будет склонен к той или иной модели поведения.

В противовес сложившейся к концу 1980-х – началу 1990-х годов европоцентрической традиции анализа региональных процессов вообще и интеграции в частности, исследователи в последующие 20–30 лет делали акцент на уникальности изучаемых ими пространств. Это создало предпосылки для возникновения точки зрения о том, что объяснительные модели, построенные на эмпирическом материале одного региона, принципиально неспособны обладать объяснительной ценностью применительно к эмпирическому материалу других регионов. Иными словами, появилась тенденция к «фрагментации» региональных исследований: «…в самом регионоведении доминируют научные дисциплины с низким интересом к теоретизированию, эффективно используя концепцию уникальности как повод к тому, чтобы не

теоретизировать».[18] Между тем, ни европоцентризм в сфере изучения региональной политики, ни реакция на него в виде возведения в абсолют «специфических особенностей» не обладают исчерпывающей объяснительной способностью. Данное исследование нацелено на выявление ключевых характеристик моделей институционального регионализма в АТР с изучением потенциала создания на их основе моделей, применимых к анализу других регионов.

Модели институционального регионализма в АТР составляют **объект** исследования.

Предметом исследования является влияние сотрудничества и соперничества на процессы региональной интеграции, регионализации и регионализма в АТР в институциональном измерении.

Цель исследования заключается в выявлении результатов влияния сотрудничества и соперничества на модели институционального регионализма в АТР.

Поставленная цель подразумевает решение ряда исследовательских задач:

- Определить онтологический статус институционального регионализма как международно-политического аспекта и исследовательской единицы.
- Выявить структуру и существенные характеристики Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма.
- Разработать дескриптивные и прогностические модели институционального регионализма в АТР, отражающие кооперативные и конкурентные стратегии вовлеченных государств.
- Выявить закономерности применения сотрудничества и конкуренции в эволюции институтов регионализма, регионализации и региональной интеграции АТР.
- Оценить потенциал становления АТР как единой региональной подсистемы в ее институциональном измерении.

Исследовательский вопрос

Почему возможно стабильное и поступательное развитие региональной интеграции, регионализации и регионализма в АТР в условиях присутствия множества претендентов на региональное лидерство, чьи притязания носят взаимно исключающий характер?

Хронологические рамки

Выполнение данного исследования производится на материале интеграционных взаимодействий на уровне региональных институтов, происходивших между 2000 г. и началом

[18] Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Становление концептуального поля мирового комплексного / зарубежного регионоведения и мировой политики // Мировое комплексное регионоведение…, С. 63

2019 г. Поскольку история институционализации региональных процессов в АТР берет начало в эпохе холодной войны, изучаемые процессы в отдельных случаях развиваются за счет импульса, полученного ими в те годы, а ряд институтов, упомянутых в данной работе, был создан задолго до XXI века, для лучшего понимания контекста исследуемых явлений, где необходимо, предоставлена их историческая ретроспектива в кратком изложении.

Теоретические и методологические основы исследования

Поскольку исследовательский вопрос относится к типу «почему?», то есть направлен на выявление, обобщение и объяснение устойчивых закономерностей, трендов, паттернов, релевантных проблематике настоящего исследования и раскрывающих его предмет, а также подразумевает разработку такой объяснительной модели, с помощью которой возможно получение ответа на поставленный вопрос, для выполнения работы была избрана ретродуктивная стратегия по Н. Блэйки.[19] Такой подход наиболее адекватен требованиям, поставленным перед исследованием, которое оперирует с ограниченно наблюдаемыми сущностями, структурами и системами. Она предполагает преодоление этих ограничений посредством создания отражающих выявляемый механизм и контекст его функционирования гипотетических моделей, способных порождать эмпирический материал, тестирования этих моделей на эмпирической среде, позволяющей учитывать контекст, и дальнейшего пересмотра этих моделей исходя из полученных результатов. Ретродуктивная стратегия допускает возможность работы с моделями во множестве итераций аналогично методу последовательных приближений.

Фундаментом проводимого исследования является системный подход. Существуют различные подходы как к самой теории систем, так и к ее применению в региональных исследованиях. В зависимости от выбора одного из подходов, его использования (включения базовых элементов системы и отношений между ними) могут варьироваться пределы объяснительной способности системной модели. Системный подход позволяет моделировать явления, обнаруженные и описанные в рамках различных школ и теорий международных отношений. Моделирование производится по нескольким направлениям. Во-первых, отличаются прогностические и объяснительные модели. Во-вторых, их содержание зависит от выбранной роли института: если сопоставляется группа институтов, испытывающих влияние среды, частью которой являются государства, то это система будет стремиться к уравновешивающей (изменение элемента А, изменяющее состояние всей системы, приводит к изменению в связанных элементах, возвращающее параметры прежнего состояния системы)

[19] Blaikie, N. Strategies for Answering Research Questions / Designing Social Research. The Logic of Anticipation. — Polity press, 2004. — Pp. 85–127.

и/или упреждающей (информация о готовящемся изменении элемента А, изменяющем состояние всей системы, приводит к изменению в связанных элементах) обратной связи; если в качестве элементов взяты и государства, и институты, скорее всего, система будет демонстрировать усиливающую (изменения элемента А возвращаются на вход системы и усиливают общее отклонение ее от равновесного состояния) обратную связь. В-третьих, разные подходы потребуются для конкурентных моделей и кооперационных моделей.

Из третьего пункта проистекает выбор теорий, в рамках которого сформулированы закономерности и логические связи, необходимые для моделирования подсистемы. Соперничеству соответствует реалистская исследовательская перспектива: теория баланса сил и теория гегемонистской стабильности эффективно применяются к объяснению процессов и последствий конкуренции ведущих региональных акторов за лидерство в регионализме АТР, однако не объясняют, в какие моменты государство соглашается идти на уступки партнерам при формировании зон свободной торговли, таможенных союзов и общих рынков — подходящий для этих тенденций методологический инструментарий предоставляют теории в рамках либеральной исследовательской перспективы. К ним относятся неофункционализм, с помощью эффекта «перетекания» позволяющий объяснить, каким образом АСЕАН трансформировалась из организации, существование которой было направлено на сдерживание коммунистического (в первую очередь советского) влияния на регион, в важного субъекта глобальных и региональных экономических отношений. Также используются теория баланса интересов и теория кооперативной гегемонии — нетрудно заметить, что они являются «симметричными» отражениями соответствующих концепций в реалистской перспективе, — и неоинституционализм, предметом которого являются роль институтов в экономических, социальных и политических процессах.

Разрабатываемые в данном диссертационном исследовании модели раскрывают и строятся вокруг процессов сотрудничества и соперничества, подробно рассматриваемых в русле концепции региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уивера. Особенностью и несомненным преимуществом для данной диссертации их подхода является его обратная совместимость с реалистской и либеральной исследовательскими перспективами.[20] Поскольку задачи и цель данной диссертации предполагают разработку инструментов, приводящих под «общий знаменатель» процессы, лежащие в различных структурно-функциональных областях, с помощью институционального строительства, логика развития этого процесса рассматривается именно через сочетание проявлений сотрудничества и соперничества.

[20] Киреева А.А., Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В. «Открытый» и «закрытый», «старый» и «новый» регионализм. Региональные комплексы безопасности // Мировое комплексное регионоведение… С. 112

Вторая предпосылка заключается в имманентном любой формирующейся региональной подсистеме свойстве стремиться к обеспечению баланса сил и интересов. Как уже говорилось выше, для теоретико-методологических основ этого диссертационного исследования подбираются такие инструменты, которые не приводят к конфликту между реалистской и либеральной парадигмами: принципиально важно поместить в одну систему и сотрудничество, и соперничество, продемонстрировав, как они сосуществуют. Между тем, в теории международных отношений соперничество традиционно было прерогативой реализма и неореализма, а сотрудничество — либерализма и неолиберализма. Поэтому процессы сотрудничества и соперничества, рассматриваемые вместе, определяются в качестве инструментов достижения относительного или абсолютного преимущества, с помощью которых государства меняют или восстанавливают баланс сил и интересов, неразделимых в рамках предлагаемой объяснительной системы.

Источниковая база

Согласно предположению, заложенному в основу данного исследования, регионализм АТР формируется за счет преобразования и строительства институтов регионализма и региональной интеграции. Этот процесс отражен в целом ряде документов: во-первых, государства формулируют свою позицию по отношению к созданию институтов и своему участию в них в своих внешнеполитических документах, во-вторых, взаимодействие между государствами на двух-, трех- и многосторонней основе невозможно без составления и принятия протоколов, договоров, коммюнике и т.д. Деятельность самих институтов отражается в решениях, постановлениях и рекомендациях, принимаемых комиссиями, комитетами, в той или иной работе секретариата, если рассматриваемый институт таковым обладает. Таким образом, эмпирическая работа сводится к анализу поведения ведущих акторов в институциональном строительстве, когда он направляет усилия на поддержку того института, который наилучшим образом отвечает его интересам и позволяет балансировать усиление конкурента.

В ходе подготовки диссертационного исследования были изучены доклады о состоянии регионального развития АТР, подготовленные профильными учреждениями ООН, ЕС, АБР, ВБ, Китайского банка, АБИИ и других, а также аналитическими центрами и региональными отделениями глобальных консалтинговых агентств. Для определения интересов и ожиданий этих участников от формирующегося регионального сообщества, региональной интеграции, регионализации и регионализма в целом были изучены концепции внешней политики, «белые книги» дипломатии и другие документы, разработанные министерствами иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Индии, Всекитайским собранием

народных представителей. Информационным бюро Национального совета КНР, Госдепартаментом, Конгрессом и Офисом торгового представителя США, Министерством промышленности и торговли Республики Малайзия, Департаментом по международным делам, обороне и безопасности Парламента Австралии, ответственными учреждениями других стран. Материалы официальных ресурсов таких организаций, как АТЭС, АСЕАН и его составляющие (Экономическое, Военно-политическое, Социо-культурное сообщества, АСЕАН+3, АСЕАН+6 и институты на их базе), Секретариат трехстороннего партнерства, Саммит трехстороннего партнерства, Форум международного сотрудничества «Один пояс — один путь», ВПСТТП и других были изучены с целью определения динамики и противоречий, возникших в ходе переговоров участников по созданию и модификации интеграционных институтов.

Степень научной разработанности темы

Существует немалое количество как российских, так и зарубежных работ, посвященных теоретическому осмыслению региональных исследований вообще и АТР как самостоятельной исследовательской единице в частности. В первую очередь следует привести пособия «Мировое комплексное регионоведение»[21] и «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики»[22] под редакцией профессора А.Д. Воскресенского. Всеобъемлющее и широкое осмысление институтов Азиатско-Тихоокеанского регионализма провел коллектив авторов ДВФУ в монографии «Организации и объединения стран Тихоокеанского кольца»,[23] где в числе прочих результатов осуществлена апробация концепта АТРАМ.[24] К другим существенным для подготовки данного исследования работам относятся «Сравнительная интеграция»[25] А.А. Байкова, «АСЕАН: четыре десятилетия развития»[26] Н.П. Малетина, «Международные отношения в Восточной Азии»[27] Л.Г. Арешидзе, «Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945-1995» А.Д. Богатурова.[28] Используемые и предложенные модели отражают и продолжают некоторые

[21] Мировое комплексное регионоведение… 416 с.

[22] Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. — 560 с.

[23] Организации и объединения стран Тихоокеанского кольца: монография / И.И. Меламед, Е.А. Терентьева, А.Л. Абрамов [и др.] — Владивосток: издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. — 624 с.

[24] Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия и Тихоокеанские страны Северной и Южной Америки

[25] Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии: науч. издание / А.А. Байков. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

[26] Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография / Н.П. Малетин. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — 312 с.

[27] Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды / Л.Г. Арешидзе. — М.: Международные отношения, 2007. — 296 с.

[28] Богатуров А.Д.. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945-1995. — М.: Сюита, 1997. — 352 с.

разработки, предложенные М.А. Хрусталевым в монографии «Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза».[29] Отдельно следует отметить научно-образовательный комплекс «„Большая Восточная Азия": мировая политика и региональные трансформации»,[30] содержание которого своим дидактическим и методическим подходом делает вклад в дальнейшее изучение региона АТР в России. Наконец, отдельные тренды, релевантные формированию Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма на момент 2018–2019 гг., были рассмотрены в сборнике статей «Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения»[31] и коллективной монографии «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России»,[32] а ценным фактологическим источником сведений о проведении инициативы «Один пояс, один путь» стало учебное пособие «Государственно-частное партнерство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона».[33]

Большой вклад в исследования АТР, в том числе с точки зрения его институтов, был внесен в ходе выполнения диссертационных исследований: «Модели регионализма и регионализации в Восточной Азии»[34] Севастьянова С.В., «Перспективы становления и развития интеграционных объединений в Восточной Азии»[35] Араповой Е.Я., «Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии)»[36] Казанцева А.А., «Стратегия КНР в интеграционных процессах в АТР»[37] Мишиной С.И., «Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии»[38] Киреевой А.А., «Глобальный регион как элемент мировой политической

[29] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. — М.: НОФМО, 2008. — 230 с.

[30] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 444 с.

[31] Приход администрации Д.Трампа и китайско-американские отношения / В.Я.Воробьев, И.Е.Денисов, А.Д.Дикарев, А.В.Лукин; МГИМО МИД России, Институт международных исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 66 с.

[32] Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В.Торкунова, Д.В.Стрельцова. М., Аспект Пресс, 2019. — 432 с.

[33] Государственно-частное партнерство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: учебное пособие/ О.В.Иванов, А.О.Иванова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. экономич. политики и государственно-частного партнерства. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 616 с.

[34] Севастьянов С.В. Модели регионализма и регионализации в Восточной Азии: автореф. дис. ... доктора политических наук: 23.00.04 / Севастьянов Сергей Витальевич. — М., 2009. — 40 с.

[35] Арапова Е.Я. Перспективы становления и развития интеграционных объединений в Восточной Азии: автореф. дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Арапова Екатерина Яковлевна. — М., 2012. — 28 с.

[36] Казанцев А.А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): автореф. дис. … доктора политических наук : 23.00.04 / Казанцев Андрей Анатольевич. — М, 2011. — 44 с.

[37] Мишина С.И. Стратегия КНР в интеграционных процессах в АТР: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Мишина Светлана Игоревна. — М., 2012. — 26 с.

[38] Киреева А.А. Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Киреева Анна Андреевна. — М., 2013. — 34 с.

системы XXI века (на примере Евразийского Союза)»[39] М.Л. Лагутиной, «Подходы КНР и США к развитию архитектуры безопасности в АТР»[40] Михневича С.В. Вообще, 2000-е годы отметились всплеском интереса российских ученых по отношению к проблематике АТР. Здесь следует отметить таких специалистов, как Хейсканен М.[41], Сафронова Е.И.[42], Михеев В.В.[43], Попов В.[44], Мамонов М.[45], Лукин А.[46], Колдунова Е.[47], Козырев В.[48], Головнин М. Ю. и Абалкина А.А.[49], Рязанцев С.[50] и др., публиковавшихся самостоятельно и в рамках таких изданий, как «Азия и Африка сегодня», «Проблемы Дальнего Востока».

Важным источником сведений служит массив научно-публицистических текстов, посвященных облику и динамике регионализма АТР. Институциональные изменения в перспективе внешних политик отдельных государств и общерегиональных процессов отражены в специализированных научных, публицистических и информационных изданиях. Среди них следует отметить «Международные процессы», «Проблемы Дальнего Востока», “Foreign Affairs”, “Asian Regional Integration Review”, “The Economist”, “Stanford Journal of East Asian Affairs”, “The Diplomat”, “Critical Studies of the Asia Pacific Series”, “Journal of Current Chinese

---

[39] Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского Союза): автореф. дис. … доктора политических наук : 23.00.04 / Лагутина Мария Львовна. — СПб, 2016. — 45 с.

[40] Михневич С.В. Подходы КНР и США к развитию архитектуры безопасности в АТР: автореф. дис. … кандидата политических наук : 23.00.04 / Михневич Сергей Владимирович. — М.,: 2017. — 36 с.

[41] Хейсканен М. Северо-Восточная Азия как субрегион Азиатско-Тихоокеанского региона в Евразии / М. Хейсканен // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 2. — С. 3-10

[42] Сафронова Е.И. Глобализация и взгляд на нее из КНР и развивающихся стран / Е.И. Сафронова // Проблемы Дальнего Востока. — 2003. — № 6. — С. 31-41

[43] Михеев В.В. Китай-Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире: монография / В.В. Михеев. — М., ИМЭМО, 2009. — 360 с.; Михеев В.В. Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии / В.В. Михеев // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 2. — С. 29-34

[44] Попов В. «Пекинский консенсус» и соревнование цивилизаций: «азиатские ценности» и отношения Китая и США в XXI веке. [Электронный ресурс]. / В. Попов // Российская экономическая школа. — 2013. — Режим доступа: https://pages.nes.ru/vpopov/documents/China%20-%20AsianValues-Politzhurnal.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[45] Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая. [Электронный ресурс]. / М. Мамонов // Международные процессы. — 2010. — Т.8, №3 (24). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/577/Mamonov-24.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[46] Лукин А. Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии. [Электронный ресурс]. / А. Лукин // Международные процессы. — 2010. — Т.8, №1 (22). — Режим доступа: https://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/772/Lukin-22.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[47] Колдунова Е. Дефицит лидерства в Восточной Азии: шанс для малых и средних стран. [Электронный ресурс]. / Е. Колдунова // Международные процессы. — 2011. — Т.9, №2 (26). — Режим доступа: http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/569/Koldunova-26.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[48] Козырев В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР. [Электронный ресурс]. / В. Козырев // Международные процессы. — 2006. — Т.4, №2(11). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/636/Kozyrev-11.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[49] Головнин М. Ю., Абалкина А.А. Финансовая интеграция в Европе и Азии // Информационно-аналитический бюллетень Центра проблем интеграции ИМЭПИ РАН. — 2005. — № 2

[50] Рязанцев С. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора. [Электронный ресурс]. / С. Рязанцев // Международные процессы. — 2012. — Т.10, №3 (30-31). — Режим доступа: http://intertrends.ru/old/thirtieth/Ryazantsev.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

Affairs", "The Japan Times", "Reuters", "Financial Times", "Ritsumeikan international affairs", "Xinhua" и другие.

Тематика Азиатско-Тихоокеанского регионализма пользуется пристальным вниманием академического сообщества всех стран, в которых изучаются международные отношения, мировая политика, мировое комплексное / зарубежное регионоведение. Детальный обзор и анализ современного положения в незападных теориях международных отношений, включая теории, применимые к региональным исследованиям, представлены в монографии «Незападные теории международных отношений» А.Д. Воскресенского.[51] Заслуживающие внимания из-за придаваемого в них значения институциональной среде работы были написаны М. Саттоном, рассматривающим в своей работе «Открытый регионализм и АТР»[52] ранние региональные институты, создавшие предпосылки для возникновения АТЭС и формирования современного регионального уклада; «АТР, регионализм и глобальная системе»[53] К. Дента и Й. Доша, в которой авторы, руководствуясь системным подходом, дают объяснение повышенному значению стран Латинской Америки для региональной подсистемы; «Создание региональной архитектуры АТР: вызов гибридного регионализма»[54] Р. Ху, в которой автор приходит к идее институционального баланса в региональных институтах; также «АСЕАН и институционализация Восточной Азии»[55] Р. Эммерса, в которой подробно раскрывается одна из поставленных здесь задач — состояние институционального регионализма в конкретный момент времени (работа написана в 2011 году). В числе авторов, чьи открытия позволили подойти вплотную к обобщению институционального регионализма как самостоятельной исследовательской единицы, — С. Ли[56], Ким Юн Хань[57], Дж. Ратус[58], Н. Нессельт[59], Ким Ке

[51] Voskressesnki A. D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. — 270 p.

[52] Sutton, M. Open regionalism and the Asia Pacific: Implications for the rise of an East Asian economic community / M. Sutton / Ritsumeikan International Affairs. — Vol.5. — Pp. 133–152

[53] Dent, C.M., Jörn, D. The Asia-Pacific, Regionalism and the Global System. / C.M. Dent, D. Jörn. — World University Network, 2012. — 304 p.

[54] Hu, R.W. Building Asia Pacific Regional Architecture: the Challenge of Hybrid Regionalism. [Электронный ресурс]. / R.W. Hu. — The Brookings Institution. — 2009. — Режим доступа: http://www.brookings.edu/~/media/research/files/papers/2009/7/asia-pacific-hu/07_asia_pacific_hu.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[55] Emmers, R. ASEAN and the Institutionalization of East Asia / R. Emmers. — Routledge Security in Asia Pacific, 2011. — 234 p.

[56] Li Xiangyang. The Regional Integration in East Asia: A Chinese Perspective. [Электронный ресурс]. / Xiangyang, Li. — Institute of World Economics & Politics, Chinese Academy of Social Science.— Режим доступа: http://www.esri.go.jp/jp/workshop/021118/021118paper1.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[57] Kim Young-Han. Regional Integration in East Asia. Prospects and Tasks from a Korean Perspective / Regional Integration in East Asia: From the Viewpoint of Spatial Economics. — Palgrave Macmillan. — 2007. — New York. — Pp. 121

[58] Rathus, J. China-Japan-Korea trilateral cooperation and the East Asian Community. [Электронный ресурс] / J. Rathus. — East Asia Forum. — 2010. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2010/06/15/china-japan-korea-trilateral-cooperation-and-the-east-asian-community (дата обращения: 11.05.2019)

[59] Noesselt, N. Chinese Perspectives on International Power Shifts and Sino-EU Relations (2008–2011). [Электронный ресурс] / N. Noesselt. — Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien. Institute of Asian Studies.

Сык[60], Чж. Цзюань[61], Х. Танака и А. Лифф[62], Л. Якобсон и Д. Нокс[63], М. Каваи и Г. Вигнараджа[64], Р. Сэлли[65], Р. Сахаси[66], С. Мори[67], Цз. Ян[68], В. Зальце-Лозак, Н. Мерчант-Вега, К. Ло, С. Александер[69], У. Белло[70], Б. Чжан[71], Ч. Юань[72], Ук Ча[73], а также многие другие исследователи, экспериментировавшие со смещением фокуса региональных исследований в сторону институционального измерения. Относительное и абсолютное преимущество, в изменении которых усматривается цель применения инструментов сотрудничества и соперничества в институциональном строительстве, были концептуализированы применительно к экономическим и политическим аспектам в ряде работ по теории свободной

Working Papers. — 2012. — №193. — Режим доступа: http://www.giga-hamburg.de/dl/download.php?d=/content/publikationen/pdf/wp193_noesselt.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[60] Kim Keeseok. Korea chooses ‘stable change’. [Электронный ресурс] / Keeseok, Kim. — East Asia Forum. — 2012. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2012/12/23/korea-chooses-stable-change (дата обращения: 11.05.2019)

[61] Zhang, Zh. ASEAN plus Three (APT) As a Socializing Environment: China's Approach to the Internationalization of APT / I Asian Regional Integration Review. — Bind 4. – 2012. — Tokyo: Waseda University Global COE Program, Global Institute for Asian Regional Integration (GIARI). — P. 46–65.

[62] Tanaka, H., Liff, A.P. Japan’s Foreign Policy and East Asian Regionalism. [Электронный ресурс] / H. Tanaka, A.P. Liff // International Institutions and Global Governance Program, Japan Studies Program. — Council on Foreign Relations. — 2009. — Режим доступа: http://www.cfr.org/content/publications/attachments/NEAsiaSecurityTanaka.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[63] Jakobson, L., Knox, D. New Foreign Policy Actors in China. [Электронный ресурс] / L. Jakobson, D. Knox // SIPRI Policy Paper. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2010. — No. 26. — Режим доступа: http://lindajakobson.com/wp-content/uploads/2014/12/Jakobson-Knox-New-Foreign-Policy-Actors-in-China-SIPRIPP26.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[64] Kawai, M., Wignaraja, G. Regionalism as an Engine of Multilateralism: A Case for a Single East Asian FTA. [Электронный ресурс] / M. Kawai, G. Wignaraja // Working Paper Series on Regional Economic Integration. — 2008. — № 14. — Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28471/wp14-east-asian-fta.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[65] Sally, R. Regional Economic Integration in Asia: the Track Record and Prospects. [Электронный ресурс] / R. Sally. — European Centre for International Political Economy. — 2010. — Режим доступа: http://paftad.org/files/33/Sally.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[66] Ryo, S. New thinking about foreign policy strategy in Japan. [Электронный ресурс] / S. Ryo. — East Asia Forum. — 2010. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2010/01/27/new-thinking-about-foreign-policy-strategy-in-japan (дата обращения: 11.05.2019)

[67] Sumiko, M. Japan's Public Diplomacy and Regional Integration in East Asia: Using Japan's Soft Power / USJP Occasional Paper 06-10. Program on U.S.-Japan Relations. — Harvard University. — 2006. — Pp. 52-53.

[68] Yang, J. China’s Diplomacy: Achievements, Experiences and Theoretical Thinking In 30 Years’ Reform and Opening-up / J. Yang // Shanghai Institute for International Studies. — International Review. — 2009. — Winter. — Pp. 1–16

[69] Regional Integration: Asia’s New Frontier in 2013. [Электронный ресурс]. / V. Salze-Lozac’h, N. Merchant-Vega, K. Loh [и др.] — The Asia Foundation. — 2013. — Режим доступа: http://asiafoundation.org/in-asia/2013/01/09/regional-integration-asias-new-frontier-in-2013 (дата обращения: 11.05.2019)

[70] Bello, W. China's Transformation: A Southeast Asian Perspective. [Электронный ресурс]. / W. Bello // Foreign Policy in Focus. — 2012. — Режим доступа: http://www.fpif.org/articles/chinas_transformation_a_southeast_asian_perspective (дата обращения: 11.05.2019)

[71] Zhang, B. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications. [Электронный ресурс] / B. Zhang // Journal of Current Chinese Affairs. — China aktuell. — 2010. — №2. — Pp. 39-68. — Режим доступа: http://hup.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/download/254/254 (дата обращения: 11.05.2019)

[72] Yuan, Ch. Research Fellow Paper on “East Asian Integration and Japan’s Regional Policy”. [Электронный ресурс] / Ch. Yuan. — The Japan Forum on International Relations, Inc. — 2010. — Режим доступа: http://www.jfir.or.jp/e/publication/pdf/100831.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[73] Wook, Ch. South Korea’s regionalism policies. [Электронный ресурс] / Ch. Wook. — East Asia Forum. — 2012. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2012/06/04/south-korea-s-regionalism-policies-in-the-asian-century (дата обращения: 11.05.2019)

торговли. Наибольший интерес по тематике преимуществ для данного исследования представляют статьи С. Голаба[74] и Д. Роланда-Холста[75].

Следует особенно отметить Э. Харрелла, чья теория регионального управления концептуально схожа с институциональным регионализмом: важной предпосылкой для проведенного в этой диссертации исследования является его вывод о том, что «форму институтов регионального управления можно использовать в качестве индикатора распространения власти в регионе».[76] Иными словами, как сотрудничество, делающее региональное пространство единым целым, невозможно без институтов, так и исследования регионализма последних лет оказываются невозможными без обращения к понятию института. Не будет преувеличением отметить, что идея институционального регионализма явно или косвенно проявляет себя в большинстве исследований АТР, что само по себе свидетельствует о высоком эвристическом потенциале ее концептуализации, чему посвящена одна из задач данного диссертационного исследования.

Научная новизна

Работа нацелена на выявление ключевых характеристик моделей, предназначенных для расширения и совершенствования существующего исследовательского инструментария в научном дискурсе об АТР. Главным образом эта деятельность направлена на систематизацию предшествующих достижений по анализу Азиатско-Тихоокеанского регионализма с точки зрения институтов с целью их дальнейшего обобщения в рамках такой целостной объяснительной системы, как институциональный регионализм.

Практически любая работа, посвященная регионализму, изучает этот феномен, так или иначе обращаясь к институтам. При этом последние могут рассматриваться как в расширительной (наборы правил поведения), так и в узкой (международные организации и создаваемые ими режимы) трактовке. Как правило, авторы демонстрируют и объясняют течение политических, экономических, социо-культурных процессов через призму вовлеченных в них государств. Иными словами, регионализм не только АТР, но и других подсистем зачастую сводится к сумме внешних политик государств, а также в той или иной степени трансграничной деятельности неправительственных агентов (предприятий, мигрантов,

[74] Golub, S.S. Comparative and absolute advantage in the Asia-Pacific region. [Электронный ресурс] / S.S. Golub. — Research Gate. — 1995. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/5033617_Comparative_and_absolute_advantage_in_the_Asia-Pacific_region (дата обращения: 11.05.2019)

[75] Roland-Holst, D. East Asian Patterns of Comparative Advantage. [Электронный ресурс] / D. Roland-Holst. — ADB Institute. — June 2003. — Режим доступа: https://are.berkeley.edu/~dwrh/CERES_Web/Docs/ADBI_EACompAdv.pdf (дата обращения: 11.05.2019)

[76] Hurrell A. Hegemony and Regional Governance in the Americas // Regionalism and Governance in the Americas. Continental Drift / Ed. by Louise L'Estrange Fawcett, Monica Serrano. Basingstoke: Palgrave, 2005. P. 185–208.

участников культурных обменов и образовательных программ и многих других). Вклад данной работы в научные дискуссии строится на предпосылке о возможности анализа институтов не только как системных элементов второго порядка (то есть в качестве производных от внешней политики государств, как это принято в реалистской традиции), но и как системных элементов первого порядка (что характерно для либерального институционализма). Признаки такого подхода встречаются во многих исследованиях АТР, но попытки формализовать его встречаются редко, так как авторы решают с его помощью довольно узкие прикладные задачи.[77]

Реализация этого подхода предполагает необходимость обогатить научный дискурс через разработку и обоснование такой новой обобщающей концепции, как институциональный регионализм. Произведена оценка его объяснительной способности как своего рода исследовательской перспективы, выявлены ее сильные и слабые стороны, определены пределы применимости. Для повышения надежности формулируемых средствами данного инструмента выводов исследование проведено через несколько этапов. Во-первых, подбираются базовые понятия, на которых строится определение институционального регионализма. Во-вторых, исходя из сформулированной гипотезы даются определения выбранным понятиям, между ними устанавливаются отношения. Единообразие в используемом понятийном аппарате открывает возможность операционализировать гипотезу так, чтобы был обеспечен должный баланс между полнотой и внутренней непротиворечивостью формируемой объяснительной системы. В-третьих, получившаяся система представлена через несколько моделей, исходя из их масштаба, вариативности обнаруженных параметров и степени совместимости в различных аспектах. Например, то, что подходит для объяснительной модели, может быть неприменимо при создании прогностической. Наконец, получившиеся модели аппроксимированы под реалии АТР.

Объяснительная система соединяет некоторые положения гипотез и теорий, которые при выполнении других исследовательских целей считаются малосовместимыми. Для создания отдельных моделей соперничества и моделей сотрудничества применяются положения, разработанные в рамках реалистской и либеральной исследовательских школ. Опыт АТР показывает, что необходимо создавать модели, предполагающие наличие общих оснований у сотрудничества и соперничества как различных проявлений внешнеполитического процесса по отношению к регионализму. Например, одно и то же государство в один и тот же период времени способно применять обе тактики, чтобы держать в нужных границах уровень своего

[77] Примеры таких попыток представлены в § 1.1 Понятие, сущность и характеристика институционального регионализма.

вовлечения в региональную интеграцию. В главе III рассмотрены многочисленные примеры такой политики.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит также в том, что сам по себе институциональный регионализм как исследовательский инструмент может применяться к любому региону. Точно так же, как разные субрегиональные, региональные, макрорегиональные, трансрегиональные пространства отличаются друг от друга уровнем экономического развития относящихся к ним государств, степенью конфликтности, наличием или отсутствием языкового и/или религиозного единства, находящиеся под влиянием перечисленных факторов региональные институциональные порядки тоже будут отличаться друг от друга. В свою очередь, объяснительные и прогностические модели, позволяющие посмотреть на происходящие между государствами региональные процессы с точки зрения институтов, при изменении значений своих базовых параметров могут как масштабироваться, так и переноситься на эмпирический материал других регионов.

Облик АТР как регионального сообщества находится на раннем этапе своего формирования: внешнеполитические курсы стран региона преследуют схожие цели в пределах одного и того же пространства и развиваются одновременно, внедряя аналогичные механизмы потому различия в основополагающих внешнеполитических установках сказываются и на восприятии ими институциональных очертаний АТР. Сталкиваясь и поддерживая друг друга в том числе на уровне институтов, государства постепенно стремятся к созданию порядка из набора разобщенных политических курсов. Каким образом им удается это делать (и удается ли вообще)? К каким инструментам они обращаются на этом пути? Как процессы региональной интеграции и дезинтеграции сказываются на состоянии глобальной системы? Обобщение и формализация средствами единой объяснительной системы концептуальных наработок, появившихся в ходе предшествующих попыток ученых-регионоведов выявить и объяснить институциональное измерение региональных подсистем как самостоятельную исследовательскую единицу, и представляет **теоретическую значимость исследования**.

Практическая значимость состоит в создании моделей, позволяющих упростить и улучшить понимание условий, мотивирующих государства ограничивать либо развивать свое участие в региональных институтах с помощью инструментов сотрудничества и соперничества, а также прогнозировать степень вероятности подобного поведения. Это особенно важно в контексте неопределенности расклада сил в АТР, осуществления крупнейшего инфраструктурного проекта современности — строительства «Одного пояса, одного пути», а также необходимости России развивать вовлечение в региональные дела АТР по мере сокращения количества и качества контактов с западными странами. Понимание того, по каким

принципам и правилам развивается Азиатско-Тихоокеанский регионализм, открывает путь к решению задачи по созданию инструментов прогнозирования развития региональной подсистемы и планирования политики отдельных субъектов региональных отношений в данной подсистеме.

Апробация

Ход и результаты проведенного исследования были представлены в выступлениях на конференции «Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы» (25 ноября 2014 г.; с дальнейшей публикацией в сборнике статей), на тематических секциях конференции «Ломоносов» (16.04.2015 и 13.03.2017 гг.), докладах на круглом столе «Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике» ИМЭМО РАН (11–12 ноября 2015), «Роль и место России в АТР» (28.03.2016, Дипломатическая академия) и выступлении в ходе X Конвента РАМИ (8–9.12.2016), конференциях «Ломоносов-2017» и «Ломоносов-2019». В ходе работы над диссертационным исследованием были опубликованы статьи в рецензируемых изданиях: «Институциональное измерение Азиатско-Тихоокеанского регионализма: военно-политический и экономический аспекты» и «Институциональное оформление инфраструктурных проектов КНР в АТР и Евразии» в журнале «Дипломатическая служба»; «Форум „Одного пояса, одного пути” в формировании повестки институционального регионализма АТР» в журнале «Международные отношения».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Залогом стабильности формирующих Азиатско-Тихоокеанский регион как сообщество интеграционных процессов является баланс сил и интересов. Баланс сил и интересов соблюдается путем применения ответных, уравновешивающих, упреждающих действий, имеющих характер сотрудничества или соперничества. Действия региональных акторов в направлении сотрудничества и соперничества осуществляются посредством создания, изменения, замены или упразднения институтов, обеспечивающих их участникам то или иное относительное преимущество, либо нивелирующих относительное преимущество конкурентов. Многообразие таких действий в конечном итоге формирует институциональный облик процессов региональной интеграции, регионализации и регионализма. Иными словами, система баланса сил и интересов в АТР построена на конкурентных и/или кооперативных моделях усиливающей, уравновешивающей, упреждающей обратной связи, присущих институциональному регионализму АТР.

2. Чем большее относительное преимущество в региональном экономическом или политическом влиянии получает один из акторов АТР, тем более высока вероятность того, что другой или другие акторы АТР обратятся путем применения инструментов сотрудничества и соперничества к изменению существующих или созданию альтернативных институтов, поддерживающих региональную интеграцию, регионализацию и регионализм, с целью частичного или полного нивелирования относительного преимущества конкурента.
3. Акторы регионализма АТР соперничают не за абсолютное преимущество в виде приобретения роли гегемона, а за относительное преимущество в виде выигрыша от торговли, региональной стабильности и безопасности, приобретения доверия остальных по отношению к своим региональным инициативам. При этом каждый актор делает выбор, какой объем относительного преимущества он готов уступить в пользу всего регионального сообщества. Если совокупное количество уступок набирает критическую массу, создающую новое качество существования региональной подсистемы, выигрыш распределяется между всеми региональными акторами. Чем больше каждый актор уверен в невозможности возникновения ситуации, при которой кто-либо будет способен односторонне повлиять на распределение выигрыша, тем больше уступок этот актор готов сделать.
4. Применение инструментов сотрудничества и соперничества в структуре отношений между государствами и институтами, а также самими институтами определяется релевантностью их роли как гаранта соблюдения жизненных интересов государства, либо как средства достижения ими относительного преимущества в виде сокращения недополученной выгоды от участия в региональных процессах. Сотрудничество и соперничество влияют на модели институционального регионализма с помощью сокращения либо увеличения доверия, являющегося фактором среды подсистемы и ресурсом, обеспечивающим возможность, а в некоторых случаях — необходимость институциональных изменений. Исход выбора между стратегиями сотрудничества либо соперничества зависит от таких условий подсистемы, как доступность информации о намерениях других акторов; наличие предпосылок, делающих более предпочтительным решение экономических вопросов по сравнению с военно-политическими; разница между ожидаемыми выигрышами всех участников двусторонних и многосторонних процессов; целесообразность конфликта и возможность асимметричных действий с точки зрения уровня экономической взаимозависимости.

5. С точки зрения институционального регионализма, дисбаланс между центрами интеграционного притяжения в виде АСЕАН и треугольника КНР–РК–Япония, а также разница в масштабах и глубине их институционального оформления, делает АТР далекой от политического и экономического единства подсистемой. При этом для возникновения единства необходимы как общие ценностные основания, способные привести к положительному исходу переговоров по трехсторонней зоне свободной торговли между КНР-РК-Японией, и объективные предпосылки для ее создания, выходящие за пределы контроля государств и делающие появление института не только возможным, но и необходимым. Найденное решение будет обладать высоким значением в региональной и отчасти глобальной повестке в последующие годы, поскольку продемонстрирует, каким образом возможно сотрудничество в ситуации, когда два и более участника интеграции не допускают выдвижения кого-либо из них в региональные лидеры. Еще более важной вехой является ВРЭП, поскольку объединяет все центры интеграционной активности — три государства Северо-Восточной Азии и АСЕАН.
6. В среднесрочной перспективе в Азиатско-Тихоокеанском институциональном регионализме сложится новый порядок из-за сочетания ряда факторов, определяющих конкуренцию между ведущими акторами региона в институциональном измерении. В 2018 году истек 10-летний мораторий на прием новых членов в АТЭС. Формат АСЕАН+6 либо придет к Соглашению по ВРЭП, либо переориентируется на альтернативную инициативу, либо возникнут условия, затрудняющие дальнейшие переговоры по этому направлению — любой из этих трех исходов окажет существенное влияние на состояние многосторонних институтов в регионе в среднесрочной перспективе. Снижается активность США в создании региональных режимов свободной торговли, что освобождает место для китайских инициатив и затрудняет возможности малых и средних стран региона балансировать, при этом нерешенные проблемы в военно-политической сфере обостряются, а возможные пути их разрешения остаются институционально неоформленными.
7. Отсутствие альтернативы несколько снижает, но не исключает вероятность положительного окончания переговоров по ВРЭП. Институт может вступить в силу только на консенсуальной основе, но отсутствие конкуренции не стимулирует Китай идти на большие уступки, чем сейчас. Поэтому другим участникам переговорного процесса выгодно его затянуть, чтобы либо дождаться появления альтернативного формата, либо выторговать более выгодные условия, снизив способность Китая влиять на этот институт до приемлемого минимума (инструменты соперничества).

Чем больше КНР преуспеет в донесении до политического истеблишмента уверенности в том, что она не будет злоупотреблять своей способностью влиять на их экономическую политику и во всех случаях будет уважать их суверенитет, тем охотнее малые страны АТР будут поддерживать его инициативы. Однако те страны ЮВА, которые считают позицию КНР по спорным территориям неприемлемой, будут настроены на экономическое сотрудничество менее оптимистично. АСЕАН будет стремиться к достижению единства в позиции своих участников, чтобы в условиях зависимости стран Ассоциации от участия в инфраструктурных проектах КНР некоторые из них не создавали с Китаем институты, выгодные им, но противоречащие интересам других членов АСЕАН. Чтобы сохранить целостность, рациональными инструментами сотрудничества для АСЕАН будет разработка и принятие мер (в том числе в рамках ВРЭП) по равномерному распределению издержек от воздействия указанных параметров, а для самих стран — развитие и углубление двусторонних институтов с другими претендентами на лидерство. Пролонгация переговоров по ВРЭП возможна путем привлечения к переговорному процессу участников, не состоящих в АСЕАН+6.

Структура диссертационного исследования включает в себя введение, три главы, заключение и приложения. Первая глава (*Институциональный регионализм: концепции и моделирование*) рассматривает сложившийся в академической среде понятийный аппарат, аппроксимируя его элементы применительно к задачам данной диссертации. Также вводятся некоторые новые понятийные единицы и уточняются отношения между ними. Рассматриваются базовые концептуальные модели, применимые к восприятию роли институтов с точки зрения реалистской и либеральной исследовательских школ, а также учитывающие сотрудничество и соперничество. Во второй главе (*Модели институционального регионализма применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону как подсистеме*) разрабатывается теория среднего уровня, позволяющая придать основным изложенным понятиям, их определениям и изложенным отношениям системное понимание, позволяющее перейти к моделированию результатов обработки эмпирического материала, взятого из практики интеграции, регионализации и регионализма АТР. Рассматриваются экономические и военно-политические условия существования и развития региона, которые обладают непосредственным значением для институционализации региональных процессов, а применение сотрудничества и соперничества представлено с точки зрения кооперационных и конкурентных моделей. Третья глава (*Процессы сотрудничества и соперничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма*) посвящена выявлению закономерностей в применении

инструментов сотрудничества и соперничества, имеющих существенное значение для понимания институционализации регионального пространства в АТР. Здесь рассмотрены ключевые для настоящего и будущего этого региона процессы, протекающие в институциональном измерении: создание трех- и многосторонних зон свободной торговли, сопровождение инфраструктурных проектов в рамках инициативы ОПОП.

Глава 1. Институциональный регионализм: концепции и моделирование

Интерес к обособлению институциональной специфики региональных процессов для их самостоятельного изучения, как и потенциальная ценность такого подхода, прослеживается во множестве исследований, проведенных российскими и зарубежными учеными-регионоведами. Так, А.Д. Воскресенский обозначает оформление интеграционных процессов в качестве позитивного фактора, обеспечивающего возникновение макрорегионов.[78] А.А. Киреева в заключительной части своей диссертации «Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии» рассматривает региональные организации, «институционализация которых произошла на основе заинтересованности стран в экономическом развитии», в качестве одного из трех типов участников структурирования Восточной Азии как макрорегиона.[79] При этом они не обладают ключевой ролью в данном процессе из-за консенсусной основы принятия решений и находятся под давлением великих держав. С другой стороны, выполняемая ими функция не становится от этого незначительной: государство не может утвердить свое видение региональной структуры, не прибегая к помощи институтов — как существующих в виде оформившихся региональных организаций, так и представленных отдельными правилами поведения в экономике и политике. В некотором смысле формирование регионального пространства — это процесс институционального строительства (то есть создания новых, изменения и/или упразднения существующих институтов): будущая региональная структура будет соответствовать интересам включенного в нее актора настолько, насколько окажутся плодотворными усилия по отражению этих интересов в составляющих основу ее функционирования правилах поведения. Наличие нескольких претендентов на региональное лидерство неизбежно вызывает конкуренцию между ними, и эта закономерность распространена в АТР и в других региональных подсистемах.

Анализ региональной политики в АТР ставит ряд вопросов, ответы на которые имеет смысл искать в институциональном измерении. Если институты по своему влиянию на региональные процессы уступают региональным лидерам, но при этом без них, по сути, невозможно полноценное региональное сотрудничество, каково их истинное положение в той или иной региональной подсистеме? Какова степень влияния институтов на формирование

[78] Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. — Сравнительная политика. — 2012. № 2 (8). — С. 30–58

[79] Киреева А.А. Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии…

структурированного регионального пространства, может ли она варьироваться от одной к другой региональной подсистеме, и от чего зависит? Насколько успешно сами участники региональных взаимодействий способны через переговорный процесс или как-либо иначе влиять на институты? Если они создаются на консенсусной базе, означает ли это, что они действительно способны отражать интересы своих создателей в равной степени, а если нет, что этому препятствует? Может ли тот или иной институт в определенный момент накопить ресурс, позволяющий ему перестать быть инструментом и предметом манипуляций со стороны претендентов на региональное лидерство и превратиться в полноценного участника, вынуждающего остальных считаться с собственной моделью поведения? Если может, каким критериям должен изначально соответствовать этот институт, и что представляет собой такой ресурс? Если нет, какие препятствующие ему в этом отношении издержки и ограничения могут не учитываться? Объяснительные системы, работающие с институциональным измерением как самостоятельной исследовательской единицей, представляются подходящим и перспективным средством формулировки и формализации подобных проблем, как и стоящих за ними механизмов и феноменов.

1.1 Понятие, сущность и характеристика институционального регионализма.

Существует ряд исследований региональных пространств, обращающихся к институциональным взаимодействиям как самостоятельной аналитической предпосылке. Одной из наиболее ранних работ, построенных на объяснении международно-политического порядка через его институциональное оформление, является книга Роберта Кохэйна «После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политической экономии».[80] Отличительной чертой дизайна этого исследования является рассмотрение институциональной среды, с помощью которой автор оценивает состояние глобальной системы через готовность ее участников сотрудничать друг с другом или способствовать порождению хаоса. В работе Джоэла Ратуса «Япония, Китай и Восточно-Азиатский регионализм с сетевой структурой»[81] устанавливается однозначное соответствие между общей динамикой региональных процессов и сопровождающим ее процессом институционального развития. Автор операционализирует вторую переменную с помощью дискурсивных средств обозначения конкуренции между китайской и японской моделями. Содержание этих моделей, в свою очередь, описывается через отстаиваемые с их помощью интересы в свободной торговле и взгляды на предпочтительное устройство регионального финансового рынка. Прибегая к сравнительному анализу со ссылкой

[80] Keohane, R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R.O. Keohane. — Princeton University Press, 1984. — 292 p.

[81] Rathus. J. Japan, China and Networked Regionalism in East Asia (Critical Studies of the Asia-Pacific) / J. Rathus. — Palgrave Macmillan, 2011. — 235 p.

на европейский опыт, автор показывает, что конкурентный регионализм в Восточной и Юго-Восточной Азии является серьезным препятствием к возникновению упорядоченного регионального сообщества. Используя институциональное строительство как источник эмпирического материала, Дж. Ратус приходит к выводу, что конкуренция за региональное лидерство между Китаем и Японией в институциональной плоскости обладает циклическим характером, и признает, что выбранное им определение института не позволяет включить в анализ, к примеру, переговорный процесс по Зоне свободной торговли для Восточной Азии.

Институты занимают важное место в теории,[82] изложенной в работе Томаса Педерсена «Кооперативная гегемония: сила, идеи и институты в региональной интеграции».[83] В ней автор, предложив концептуальную модель отношений, возникающих в институциональной среде через предпосылки и цели участников регионализма, выявляет зависимость между успешностью институционализации и наличием гегемона. Противопоставляя модели кооперативной и односторонней гегемонии между собой, он выявляет преимущества первой модели для крупной державы и приводит предпосылки, делающие ту или иную модель возможной. При этом в роли гаранта сохранности системы автор отдает предпочтение крупнейшим акторам, способным действовать в глобальном масштабе. Использование институционального измерения для анализа регионализма встречается в документообороте самих институтов. Характерным примером является доклад сотрудника АБР «Цикл регионализма в Азии (и Тихом океане). Возвышение и падение азиатских региональных институтов с точки зрения теории игр»,[84] в которой рассматривает отсутствие оптимальной стратегии для США и Японии как источник циклического характера в институционализации регионального сотрудничества. Также перекликающуюся с идеей институционального регионализма концепцию излагает П.В. Панов в статье «Институциональная фрагментация политического порядка в политиях разного типа». Используя политическое измерение как макроуровень, он выявляет признаки формирования «политического целого» как совокупности [пересекающихся социальных образований], «в рамках которой происходит институционализация порядка». Интересно, что автор воспроизводит определение политии по Р. Фергюсону и Й. Манбаху: «социальное образование, которое „обладает определенной идентичностью, способностью к мобилизации индивидов и их ресурсов для достижения целей, удовлетворяющих общие потребности, а также определенной степенью институционализации и

[82] Подробнее рассмотрена в §1.1.2 Онтологический статус регионального / международного института и подходы к его моделированию в качестве элемента системы.

[83] Pedersen, T. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / T. Pedersen // Review of International Studies. — 2002. — Volume 28, Issue 4. — Pp. 677-696

[84] Hamanaka, S. Regionalism Cycle in Asia (-Pacific): A Game Theory Approach to the Rise and Fall of Asian Regional Institutions [Электронный ресурс]. / S. Hamanaka // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. — 2010. — № 42. — Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28516/wp42-regionalism-cycle-asia.pdf (дата обращения: 30.04.2019)

иерархии".[85] Иными словами, П.В. Панов придает институциональное содержание понятию полития, основные характеристики которого, в свою очередь, могут быть перенесены на явление регионализма.

Наконец, институциональный регионализм, в действительности, является своего рода центральным аспектом исследований европейского региона. Как наиболее институционализированное сообщество, в политико-экономическом смысле Европа и Европейский Союз нередко рассматриваются как тождественные понятия. К тому же, значение наднациональности в процессе принятия решений в рамках Евросоюза делает затруднительными попытки отделить политические, социальные и особенно экономические процессы, протекающие между государствами, от их институционального измерения.[86] В других же региональных пространствах настолько тесной взаимосвязи нет, и взаимодействия на уровне региона не обязательно предпринимаются с целью повлиять на формирование регионального сообщества. Аналогичным образом исследование региона не всегда равнозначно исследованию соответствующего ему регионального сообщества, формирующегося или уже существующего. Если допустить, что прямое влияние на региональное сообщество всегда отражается в появлении, исчезновении или изменении какого-либо института, то институциональный регионализм становится своего рода фильтром, позволяющим более эффективно отделять релевантный эмпирический материал. В таком духе написано исследование Т. Пемпела «Новая карта Восточной Азии: формирование региона». Отношения между регионализмом и регионализацией в работе опосредованы «политическими сетями», порождающими «институциональную идентичность», а регионализм Восточной Азии представлен в виде «сети региональной связности», и в таком виде помещается в сравнительную перспективу на один уровень с тихоокеанским региональным порядком.[87]

Как указывают авторы, работающие в русле исследовательского направления «Мировое комплексное / зарубежное регионоведение», «Р. Фоун выделяет такие неотъемлемые элементы структурирования регионального пространства, как мотивации его участников, институционализация регионального взаимодействия в рамках интеграционных объединений, формирование общей идентичности и ценностей… предотвращение и разрешение конфликтов в

---

[85] Панов П.В. Институциональная фрагментация политического порядка в политиях разного типа / Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки, Рос. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Ю.С. Пивова-ров – гл. ред. и др. – М.: ИНИОН, 2009. – № 3: Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы / Ред.-сост. вып. О.Ю. Малинова, П.В. Панов, С.В. Патрушев. – С. 84–130

[86] Хохлов И.И., Сидорова Е.А. Наднациональность в политике Европейского союза. 2-е изд., обновл. и доп. / И.И. Хохлов, Е.А. Сидорова. — М.: Международные отношения, 2014. — 304 с.

[87] Pempel, T.J. Remapping East Asia. The construction of a region / T.J. Pempel. — Cornell University Press, 2005. — 334 p.

рамках региона».[88] Можно заметить, что перечисленные в этой интерпретации параметры можно объединить в две группы. Во-первых, мотивация, идентичность и ценности в совокупности образуют ресурс, который можно условно назвать «доверием». Например, знание о мотивации партнера (или соперника) приобрести относительное преимущество в региональном пространстве подталкивает предпринять такие действия и усилия, которые не позволили бы в случае его успеха понести неприемлемый ущерб. Недопущение асимметричной взаимозависимости, отстаивание суверенитета, создание условий для блокирования претензий на лидерство, в свою очередь, оказываются общими интересами, понятными и близкими даже настолько разнородному в религиозном, языковом и культурном плане региону, как Восточная Азия и Тихий океан. Во-вторых, предотвращение и разрешение конфликтов — это объект международного сотрудничества, развитие которого фиксирует свои достижения в форме институтов. Не лишним будет добавить, что первая группа признаков влияет на вторую, так как институты не создаются без соответствующей мотивации, а особенности передаваемых с их помощью правил неизбежно отражают определенные ценности и идентичность. Эти соображения служат дополнительным основанием уделить пристальное внимание именно институциональному измерению, среди всех прочих способов структурирования регионального пространства, и определить, какие возможности для объяснения и прогнозирования региональных процессов оно содержит, а в каких исследовательских задачах смещение фокуса внимания на него может оказаться неоправданным редукционизмом.

В институциональном рассмотрении региональных взаимодействий особенно хорошо подчеркивается амбивалентность мотивации и целеполагания их субъектов. Характеристику универсальной стратегии содержит положение о том, что «любая региональная группировка преследует цели усиления конкурентных преимуществ стран-членов на глобальном уровне одновременно с защитой группировки от негативных явлений и диспропорций в мировой экономике».[89] Фактически речь идет о поиске компромисса между превращением региональной подсистемы в такую реалию, которая способна стать проводником стран-участниц в мировые процессы, и необходимостью мириться с тем, что достигнутое состояние будет невозможно без обратной связи. Иными словами, при проведении институционального строительства создатели любой региональной группировки знают, что чем больших успехов они достигнут в обеспечении глобальной конкурентоспособности, влекущей за собой рост взаимозависимости, тем уязвимее станут для воздействия глобальной системы. При таком рассмотрении цели

[88] Fawn R. Regions and their study: wherefrom, what for and whereto? // Review of International Studies, 2009. Vol. 35. P. 17–26. Цит. по: Мировое комплексное регионоведение… С. 96

[89] Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учебное пособие / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М: РОССПЭН, 2002 г. — С. 66–67. Цит. по: Мировое комплексное регионоведение… С. 110

создаваемых ими правил поведения и организационных форм их воплощения становятся взаимосвязанными вплоть до неразличимости с мотивами, стоящими за этим процессом, ведь институциональный уровень как раз и является связующим звеном, превращающим намерение в результат. Семантическая конвергенция понятий мотива и цели, присущая деятельности в институциональном измерении, обусловливает темпоральный аспект исследования региональных процессов. Нет возможности поставить точную границу между вопросами «почему?», обращенным к предпосылкам обсуждаемого правила, и «зачем?», намечающим его последствия, так как уровень институтов является линией демаркации; в некоторых случаях это является преимуществом, а в других — недостатком описываемого инструмента.

Как будет показано далее в диссертационном исследовании, актуальным для АТР примером является принципиальное следование позиции во внешней политике и экономическом сотрудничестве региональных держав, состоящей в недопущении притязаний любого их конкурента на статус регионального лидера. Но создание правил поведения, которые могли бы гарантировать невозможность появления гегемона с тем, чтобы освободившиеся ресурсы направить на сотрудничество, сталкивается с традиционным недоверием к наднациональным структурам. С другой стороны, гипотетический механизм, который предотвращает реализацию претензии любого регионального актора на лидерство, не может быть связан с каким-либо государством. Более того, эту арбитражную функцию нельзя распределить и между всеми региональными державами равномерно, ведь это означает фактический единогласный отказ от собственных лидерских амбиций. Из этого следует, что наличие единой позиции не является необходимым и достаточным основанием для превращения ее в общепринятое правило поведения, и для запуска процесса институционализации общего видения требуется соблюдение еще одного или нескольких дополнительных условий. Снова возникает вопрос, чем является неприемлемость приобретения положения регионального лидера одним из претендентов в восприятии его конкурентов: мотивом, закладывающим паттерны интеграционных процессов в регионе,[90] или отражением цели по созданию в будущем принципиально безлидерного регионального сообщества?

Если второе предположение имеет больше оснований, то возможность появления такого сообщества ограничена способностью его членов создавать взаимно приемлемые правила поведения, которые, к тому же, должны быть способны сами обеспечивать свое исполнение без участия наднациональных надзорных или контролирующих органов.[91] Если же большей

[90] Связь между гонкой за региональное лидерство и процессами региональной интеграции подробно рассматривается в параграфе 1.1.3 Формы сотрудничества и соперничества в региональных процессах.

[91] Богатуров А.Д. Среда — против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Очерки теории и методологии политического анализа

валидностью обладает первое, тогда конкуренция между региональными проектами неизбежно будет отражаться в процессах институционального строительства, сопровождающего успехи в развитии интеграции. Как уже отмечалось, консенсусный принцип ведения переговоров не гарантирует одинаковой представленности интересов всех участников в принятых ими правилах поведения. Во-первых, если бы между ними существовала причинно-следственная связь, отсутствовала бы необходимость создавать альтернативные институты, с минимальными отличиями повторяющие имеющиеся по сфере деятельности и компетенции, — что является распространенной в АТР практикой. Во-вторых, стремление максимально увеличить релевантность характеристик создаваемого института собственным интересам — это игра с ненулевой суммой, так как некоторые интересы могут совпадать, а не исключать друг друга. Мотивация или целеполагание — в обоих случаях претензии на региональное лидерство и соответствующая настороженность самих претендентов имеют институциональную специфику, которую представляется нерациональным снимать со счетов, ограничиваясь эмпирическим материалом чисто политического и/или экономического регионального сотрудничества.

Что еще более важно, институциональное измерение как раз и аппроксимирует все факты и сведения, существенные для развития регионального сотрудничества как взаимосвязанных процессов формирования регионального сообщества, и уменьшает вес оставшейся части эмпирического материала, которая отражает региональное сотрудничество как совокупность всех остальных, внеинституциональных, процессов в пределах взятого пространства и времени. Отсюда берет свое начало идея институционального регионализма как теории среднего уровня, связывающей концептуальный и теоретико-методологический аппарат мирового комплексного / зарубежного регионоведения с практикой процессов региональной интеграции, регионализации и регионализма не только в АТР, но и других региональных подсистемах.

Как теория институционального дизайна в интерпретации Ю.А. Никитиной демонстрирует, что «формальные и неформальные правила и организационные характеристики, которые составляют основу института[92]» позволяют разглядеть через институциональное устройство особенности и противоречия, соответствующие мотивации и логике создавших его государств, так и совокупность всех институтов и отношений между ними можно представить в виде «дизайна» всей региональной подсистемы. Более того, параметры и закономерности, которые наблюдаются в этой совокупности институтов, будут отражать наиболее значимые региональные процессы, являющиеся следствием политики государств или существующие

международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. — М.: НОФМО, 2002. — С. 266–282.

[92] Никитина, Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности: монография / А.Ю. Никитина. — М.: Навона, 2009. — С. 94

помимо их политической воли. Институциональный регионализм как *проекция системы региональных процессов на уровень институтов* делает эту исследовательскую единицу дополнительным инструментом, с помощью которого можно отличать один регионализм от другого и при необходимых дополнениях даже «измерять» различия между ними. Его надежность определяется пределами возможности операционализировать идею через подбор институциональных параметров, следующие из адаптированных под поставленные задачи и цель определения понятий «регионализм», «регионализация», «интеграция» и др., вариативностью использования институтов в качестве элементов системного анализа и пониманием сущности и роли сотрудничества и соперничества. Последний фактор особенно интересен, поскольку «каждый регион отличается своими уникальными отношениями вражды, соперничества или дружбы между акторами данного региона»:[93] в конечном итоге, каждая отдельно взятая региональная подсистема развивается за счет отношений между ее участниками и воздействий среды, и любое действие можно осмыслить через кооперативное или конкурентное поведение.

1.1.1 Регионализм, регионализация, региональная интеграция с точки зрения системного анализа.

Смысл гипотезы, для доказательства которой целесообразно представить институциональный регионализм как отдельный уровень анализа и самостоятельную исследовательскую единицу, заключается в предположении о существовании подчиненной логике сохранения регионального баланса сил и интересов зависимости между объемами интеграционной активности стран и конкурентоспособностью региональных объединений в АТР. Иными словами, *чем сильнее укрепляются позиции одного из субъектов АТР как регионального лидера на институциональном уровне, тем более активную политику в области формирования институтов проводят другие субъекты с целью компенсации приобретенного им относительного преимущества.*

Поскольку гипотеза описывает явления и процессы, ограниченные рамками отдельно взятой региональной подсистемы, уточнение понятийного аппарата следует начать с термина «*регион*». Под ним в данном исследовании понимается «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются

[93] Киреева А.А., Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В. «Открытый» и «закрытый», «старый» и «новый» регионализм. Региональные комплексы безопасности // Мировое комплексное регионоведение… С. 113

взаимообусловленными».[94] В свою очередь, «*региональная подсистема* — это совокупность государств, объединяемых географическим фактором (как близостью на материке, так и просторами океана); стремлением к деятельности на основе общих интересов и общих признаваемых институтов (организаций и норм) в сфере экономики, торговли, безопасности, иногда в политической сфере, в том числе по вопросам мирорегулирования (с целью превращения подсистемы в коллективный центр влияния в мировой политике); близостью исторического опыта и культуры».[95] При этом критерием, позволяющим судить о качественном переходе состояния региональных отношений с уровня пространства на уровень подсистемы, является наличие ядра в виде государства, способного реализовывать свое видение регионального сообщества, не испытывая конкуренции с альтернативными моделями из-за отсутствия у последних сопоставимых ресурсов, или в виде системы общепризнанных институтов.

Наиболее изученным и разработанным понятием, связывающим внешнюю политику государств и формирование институтов по организации двух- и многостороннего сотрудничества, является интеграция. Она представляет собой процесс (а при определенном угле рассмотрения — инструмент), с помощью которого отдельные государства обеспечивают консолидацию собственных ресурсов и привлечение внешних, открывая тем самым дорогу к новым источникам роста и лидерству. Тем не менее, не любая форма международного сотрудничества, даже направленная целиком на увеличение сравнительного преимущества, может считаться интеграцией.

Отличительной стороной интеграции, в частности, является создание двумя или более государствами единых правил выполнения одинаковой или схожей функции сотрудничества, выраженного наличием общего интереса. Например, если два государства снижают тариф на одну и ту же группу товаров или услуг, но не обмениваются ими, или все же обмениваются, но каждое из них приняло такое решение в одностороннем порядке без предварительных согласований или уведомления, то такое событие нельзя относить к процессам интеграции. Она не ограничена измерением или конкретной областью сотрудничества, пространственным фактором — удаленностью партнеров или их вовлечением в другие процессы интеграции, но всегда проявляется в форме каких-либо достигнутых договоренностей, соглашений, установленных механизмов, инструментов, обобщенно — институтов в самом широком их понимании.

---

[94] Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учебное пособие / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М: РОССПЭН, 2002 г. — С. 67

[95] Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. — С. 84

Интеграция возникает, когда одно государство не может увеличить относительное преимущество внутренними средствами, а его потенциальный партнер оценивает риски от увеличения этого преимущества как приемлемые. Так этот процесс начинает представлять собой преференциальное сближение для достижения общих целей.[96] Какая-либо область развития становится предметом совместного регулирования, базовые элементы этой области, некогда разделенные границами, начинают приобретать горизонтальные связи, подчиненные отношениям взаимозависимости, а они, в свою очередь, в системном смысле проявляют себя через «целесообразную внешнюю и внутреннюю гомогенизацию субъектов процесса вплоть до превращения их в новый вид».[97]

Заведующий отделом мониторинга законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации А. Павлушкин и доцент кафедры конституционного права Н. Бевеликова рассматривают экономическую интеграцию как высшую форму «…интернационализации хозяйственной жизни, достигаемая в процессе соединения различных национальных экономик в единый комплекс, отличающийся своей институциональной структурой и функционирующий на базе согласованной экономической политики как на межгосударственной, так и на наднациональной основе».[98] С изъятым экономическим ракурсом, их определение похоже на то, которое дает А.Д. Воскресенский, придавая ему регионально ориентированное содержание: «[региональная интеграция —] феномен усиления взаимосвязей внутри региональной подсистемы, основанной на усилении взаимодействий между ее компонентами и образование новых взаимосвязей / организаций, сосуществующих с традиционными взаимосвязями / организациями, сформированными государствами на национальном уровне.[99]» Такое определение следует из следующих базовых представлений о регионе как концепте:

— регион играет важную роль во взаимоотношениях каждой отдельной страны с остальным миром;

— уровень региона образует платформу для координации политических курсов внутри самого региона.[100]

К факторам успеха интеграции относят взаимодополняемость экономик, географическую близость, политическую приверженность, координацию действий, развитие

---

[96] Байков А.А. Сравнительная интеграция… С. 229

[97] Мегатренды… С. 148

[98] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Развитие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе..., с. 103

[99] Киреева А.А., Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В. Категория пространства-времени и тренд макрорегионализации. Глобализация и регионализация, регионализм и региональная интеграция // Мировое комплексное регионоведение… С. 175

[100] Байков А.А. Сравнительная интеграция… С. 100

инфраструктуры.[101] Политическая приверженность и координация действий являются составляющими ресурса, которое можно обозначить понятием «доверие». При этом структурой регионализма (в терминах структурно-функционального моделирования), от которой зависит эффективность координации, является институциональное измерение — то, насколько институты способны комбинировать жесткость и гибкость под давлением ситуации при необходимости преодолевать столкновение интересов, амортизировать напряженность, обеспечивать готовность стран реализовывать принимаемые решения.

Еще одним интересным свойством интеграции является то, что она подчинена не только внешней, но и внутренней политике. Тем не менее, для ограничения рассмотрения региональной подсистемы ее институциональными параметрами и оформлением, следует пренебречь внутренней политикой, так как по ее элементам трудно судить о направленности государства на его самопредставление как участника субрегионального, регионального, трансрегионального, глобального сообщества. В свою очередь, сужение интеграции до границ какого-либо регионального пространства несколько преобразует ее основные параметры. Н.М. Бевеликова и А.В. Павлушкин в этой связи отмечают, что для такой формы регионального сотрудничества характерны[102]:

«— высокая степень сотрудничества в культурной, политической, экономической и правовой областях;

— наличие институтов принятия решений;

— наличие институтов, занимающихся обеспечением региональной безопасности и обязательно связанных с институтами экономического профиля;

— частичное и выборочное применение наднациональных методов принятия решений, особенно во внешнеторговой сфере;

— способность региональной структуры выступать в качестве консолидированного субъекта международного общения, обладающего легитимностью в глазах других участников мировой политики».

В научной литературе, посвященной теоретическим проблемам интеграции, регионализации и регионализма, существует расхождение в понимании роли наднационального элемента в определении интеграции. Из-за этого возникают ограничения в применимости понятия «интеграция» к региональным отношениям в АТР, характеризующимся принципиальным отказом от наднационального принципа в принятии решений. Чтобы это неразрешенное противоречие не препятствовало решению задач, поставленных в данном

[101] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Развитие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе... — С. 108

[102] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Развитие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе… — с. 99

исследовании, имеет смысл рассмотреть процесс и совокупность результатов проведения интеграционных стратегий государств, лежащих в основе их внешних политических курсов по отношению к интеграции. Они могут как предполагать, так и не предполагать создание наднациональных институтов, а наиболее важным их свойством является осознанное и направленное принятие решений в двух- и многостороннем формате. Расширением всех действий акторов, направленных на проведение интеграционного курса, является *процесс упрощения условий для развития имеющегося сотрудничества и создания условий для возникновения его новых направлений на двух- и многосторонних уровнях*, что, при дополнении этой формулировки региональным фактором, дает дефиницию, концептуально близкую понятию регионализации. С точки зрения институтов реализация интеграционных стратегий выражена последовательностью применения инструментов, обеспечивающих развитие этого процесса. Из определения следует, что такая политика в субрегиональном, региональном, глобальном масштабах — это всегда игра с ненулевой суммой. Иными словами, мера пользы и ущерба, по которым можно оценивать участие государства в интеграционных процессах, лежит в плоскости полученной либо недополученной выгоды. Далее, институты, каждый из которых является своего рода вехой на пути развития интеграционного процесса, сами по себе отражают определенный сингулярный эффект системы взаимодействий, то есть фиксируют кумулятивные процессы сотрудничества и соперничества на этапе достижения соответствующего соглашения. Таким образом, когда сотрудничество становится достаточно сложным, чтобы приобрести новое качество, этот фазовый переход оказывается эмерджентным свойством формирующейся подсистемы — моментом, после которого невозможно свести объем взаимодействий и связанной с ними взаимозависимости к сумме односторонних усилий каждого из вовлеченных государств.

Описанное новое качество позволяет понимать региональную интеграцию как особый вид интеграции, при котором процесс упрощения и создания новых направлений сотрудничества оказывается привязанным к определенному пространственно-временному контексту и за счет этого приобретает ряд свойств, характерных для объединенных данным контекстом акторов. При этом процессы, из-за которых возникают эти общие свойства, хотя и принято считать добровольными и партнерскими,[103] на самом деле подчас зависят от явлений, лежащих за пределами политической воли государств, проводящих свои внешнеполитические курсы по отношению к интеграции. Между тем, произвольные и непроизвольные процессы протекают в связке друг с другом, и их следует разделять, руководствуясь имеющимися

[103]Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы [Электронный ресурс]. / О. Буторина // Полит.ру. — 2006. — Режим доступа: http://polit.ru/article/2006/04/10/butorina (дата обращения: 30.04.2019)

исследовательскими задачами. В данной работе это разделение произведено через прикладное определение регионализации.

В широком смысле регионализацию можно охарактеризовать как «совокупность процессов, способствующих нарастающей экономической однородности региона в результате углубления разделения труда и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами»,[104] «формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств».[105] Логическим следствием из этих определений является понимание этого процесса как возрождения региональных держав и формирования региональных интеграционных группировок.[106] Видно, что общей предпосылкой для подобных интерпретаций является понимание экономики как системообразующей структуры для регионального пространства. Действительно, именно в эту область смещен центр тяжести интеграционных процессов, потому что их участники в первую очередь стремятся добиться с помощью сотрудничества увеличения показателей экономического развития. Тем не менее, для решения поставленных в данном диссертационном исследовании задач требуется рассмотрение регионализации в более широкой перспективе, охватывающей остальные области сотрудничества.

Регионализация является, с одной стороны, дополнением региональных интеграционных стратегий, а с другой стороны — процессом, по мере возможности протекающим независимо от воли государств. Деятельность негосударственных акторов во всем их многообразии позволяет сделать явными и постепенно осмыслить особенности трансграничных взаимодействий в привязке к пространственно-временному контексту, которые впоследствии будут так или иначе усвоены всеми региональными акторами в ходе сотрудничества (и соперничества). Государства и региональные группы обогащают выявленные закономерности собственными интересами и опытом, а сформировавшееся понимание в конечном итоге становится основой для разработки той или иной модели регионального сообщества. Иными словами, при осуществлении интеграционной стратегии участникам приходится учитывать наличие определенных исторических, культурных, политических, экономических и иных особенностей, которые специфичны для отношений в рамках определенного пространственно-временного масштаба (и могут меняться при его изменении). Учитывая все сказанное, в первичном понимании регионализация предстает в виде *процесса аккумулирования государственными и негосударственными региональными субъектами сложившихся практик и достижений в*

[104] Мегатренды… С. 155

[105] Воскресенский А.Д., Киреева А.А., Колдунова Е.В. Структурирование регионального пространства, его основные акторы. Регионализация и трансрегиональное сотрудничество // Мировое комплексное регионоведение… С. 86

[106] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации… С. 92–94

региональной интеграции, направленного на возникновение нового состояния региональной подсистемы, повышающего эффективность коллективных усилий при взаимодействии с выходящими за пределы подсистемы процессами и явлениями.

Одна из точек зрения на связь между регионализацией и регионализмом рассматривает их как процессы, производимые разными группами акторов: первая проходит снизу вверх и подчиняется деятельности неправительственных агентов (в первую очередь бизнеса), а второй является следствием действий и политической воли государств.[107] Институциональное оформление регионализации является прерогативой государств, но при этом зависит от закономерностей и результатов действий неправительственных агентов. Это делает целесообразным рассмотреть регионализацию как двухуровневый процесс. С одной стороны, есть региональная интеграция «сверху вниз», в ходе которой актор стремится к достижению лидерства в регионе либо получению каких-либо других выгод. С другой стороны, наблюдаются подчиненные горизонтальным связям процессы трансграничного взаимодействия, исходящие от граждан, частного сектора и других неправительственных агентов, что в конечном итоге ведет к оформлению контуров и структуры нарождающегося регионального сообщества (в совокупности их можно обозначить как региональные трансграничные взаимодействия неправительственных агентов). Исходя из предложенного определения, неправительственные агенты не могут заниматься интеграцией, т.к. их способность самостоятельно устанавливать единые правила поведения в той или иной области ограничена различиями в страновых законодательствах, политических и экономических режимах, тарифах и других явлениях — такое уточнение потребуется в дальнейшем для обеспечения чистоты моделей институционального регионализма. Эти агенты могут, однако, влиять на изменение поведения аналогичных агентов в задействованной области сотрудничества, что стимулирует государства и международные организации институционализировать эти изменения ad hoc. Такой подход к операционализации понятия «регионализация» приближает ее, хотя и не делает взаимозаменяемой, к понятию «региональная сплоченность» по В. Хеттне и Д. Содербауму: «степень единства региона и происходящих в нем процессов в различных сферах…», при котором «государства не исчезают, а начинают подчиняться комплексным взаимосвязям отношений между государством, рынком и обществом на уровне региона».[108]

Регионализм — это конструкт, лежащий в плоскости целеполагания: помимо актуальных результатов сотрудничества и соперничества, он представляет собой то, какие выводы сделали участники региональной интеграции для себя, что они хотели бы изменить и чего добиться в

[107] Киреева А.А., Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В. «Открытый» и «закрытый», «старый» и «новый» регионализм. Региональные комплексы безопасности // Мировое комплексное регионоведение… С. 109

[108] Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regioness / New Rerionalism in the Global Political Economy. L., 2002. P. 457-472. Цит. по: Мировое комплексное регионоведение… С. 98

конечном итоге. В некоторым смысле регионализм превращает свойства, выявленные в ходе региональной интеграции, в концептуальную основу для некоторого регионального сообщества (в виде сообщества безопасности, институционального порядка и т.д.), причем у каждого актора региональных отношений может быть свое видение, каким это сообщество должно стать, что так или иначе проявляется в его интеграционной стратегии. Появляется возможность интерпретации этого понятия в качестве процесса, направленного на не опосредованную политической волей государств консолидацию региона в целях противодействия негативным экономическим издержкам глобализации, компенсации уязвимости национальных экономик по отношению к пертурбациям мирового рынка. Регионализм в таком рассмотрении становится явлением, сопровождающим и в некотором смысле противостоящим глобализации. Такое понимание регионализма позволяет разграничить охватываемое этим понятием семантическое поле так, что становится видимым переход от хаотического набора процессов, обладающих схожими чертами, к последовательности действий, объединенных логикой возникновения нового состояния отношений между их субъектами.

Таким образом, в институциональном измерении регионализм представляет собой *детерминированную имеющимися пространственно-временными условиями совокупность экономических, социальных, политических и других процессов возникновения и закрепления правил поведения, признаваемых всеми участниками и предназначенных для создания регионального сообщества, способного действовать в качестве единого целого*. В этом смысле институциональный регионализм следует понимать как источник принципов, регулирующих процесс перехода от одного институционального порядка к другому; при этом институциональный порядок, присущий региону, не обязательно должен обладать иерархией, а межинституциональные отношения сами по себе могут быть не институционализированы.[109] Более того, как отмечает К. Ефремова, регионализм «подчиняется логике установления институционализированных взаимосвязей, которые могут принимать различные формы — от регулярных консультаций на министерском уровне до создания наднациональных органов и выработки общей согласованной политики».[110] При этом само институциональное измерение, а точнее, лежащие в его основе правила поведения, является одновременно предметом конкуренции и результатом сотрудничества вовлеченных региональных субъектов — как правительственных, так и неправительственных акторов. Правительственные акторы способны создавать институты, определяющие региональное сообщество, поскольку они наделены

[109] March, J.G.; Olsen, J.P. The Institutional Dynamics of International Political Orders / International Organization // J.G. March, J.P. Olsen. — 1998. — Vol. 52, No. 4. — Pp. 943-969

[110] Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности [Электронный ресурс]. / К. Ефремова // МГИМО. — 2017. — Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/iblock/035/650-1336-1-SM.pdf (дата обращения: 30.04.2019)

такими полномочиями, а также обладают пониманием, каким образом в нем должны быть отражены интересы. Неправительственные акторы, в свою очередь, вынуждены действовать в рамках созданных институтов, но их реакция на изменения в региональной среде является индикатором необходимости адаптировать институциональное оформление создаваемого сообщества.

Итак, по мере того, как участники региональной интеграции, регионализации и регионализма реализуют свои интересы путем изменения правил функционирования регионального сообщества, его состояние может очень сильно отличаться с течением времени. Это делает целесообразным изучать регионализм не как непрерывный процесс, а как последовательность *временных срезов результатов региональных интеграционных стратегий и регионализации, то есть взятое в конкретный момент времени состояние региональных процессов во всем их многообразии, отличающее одну региональную подсистему от другой согласно выбранному набору параметров.* При этом регионализм является суммарным обобщенным представлением всех региональных участников относительно того, каким бы они хотели видеть свое будущее региональное сообщество. Исходя из вышесказанного, регионализм объединяет внешнеполитические курсы по региональной интеграции и дезинтеграции[111] (сообразно специфичным для данного региона закономерностям применения инструментов сотрудничества и соперничества соответственно), деятельность институтов, содержащих в себе элементы многостороннего видения регионального сообщества, и регионализацию как региональные трансграничные взаимодействия неправительственных акторов. Региональный порядок — это состояние регионализма в отдельно взятый момент времени.

Следует также отдельно рассмотреть взаимозависимость, так как именно она делает институционализацию регионального сотрудничества необходимой и достаточной в той мере, что отказ от нее сулит неизбежные издержки от недополученной выгоды или ущерба экономической безопасности. Предназначенная для поиска возможностей несилового разрешения конфликтов, теория экономической взаимозависимости изучает прочные и сложно организованные связи, благодаря которым системы могут идентифицировать точки напряжения в отношениях между акторами. Воспринимая пространство международных отношений и мировой политики как международную систему, организованную скорее на сетевом, нежели иерархическом принципе, эта теория показывает, каким путем могут быть организованы связи (включая институциональные) внутри подсистемы, чтобы силовое разрешение конфликта подразумевало недопустимые издержки для его инициатора. М. Тело, обозначая такую

[111] О значении дезинтеграции в формировании регионального сообщества см. § 1.1.3 Формы сотрудничества и соперничества в региональных процессах.

трактовку экономической взаимозависимости, показывает, как ее различные конфигурации определяют сущность конкурентного регионализма.[112]

Государство как элемент международной системы существует в условиях сложного взаимодействия с другими элементами. Если его поведение способно вносить изменения в характер связей с другими акторами (государственными и негосударственными), последует реакция. Теория взаимозависимости показывает, что такая реакция будет состоять в стремлении участников системы сложившихся связей избежать конфликтного разрешения. Здесь может проявить себя одна из моделей: например, условная многополярность (в виде баланса сил и интересов) или условная однополярность (в виде гегемонистской стабильности либо кооперативной гегемонии). С другой стороны, она демонстрирует, как какой-либо аспект политики государства становится причиной организации многолетнего переговорного процесса. Подразумевается, что это говорит о высоком уровне взаимозависимости между данным государством и заинтересованными сторонами, представленными вовлеченными в переговорный процесс акторами.

Понимание взаимозависимости в русле неофункционализма сближает этот параметр с данным ранее определением регионализма посредством его связи с институциональным строительством. Такое рассмотрение позволяет выявить четыре черты, свойственные институциональному регионализму с точки зрения неофункционализма.

— Эффект «переливания»: развитие сотрудничества в одной области приводит к повышению взаимозависимости; рост взаимозависимости заставляет государства создавать все более сложные институты для регулирования данной области; совместное институциональное строительство повышает доверие; рост доверия открывает путь к более тесному сотрудничеству в других областях. Другой вариант эффекта: некоторые аспекты сотрудничества нельзя отнести, например, к чисто экономическим или чисто политическим, и рост взаимозависимости в одном отношении подразумевает ее рост и в другом.

— Для развития сотрудничества более эффективным себя показывает межправительственный уровень, нежели наднациональный; неофункционалисты призывают стимулировать государства самим находить и реализовать общие интересы, а не поручать эту функцию наднациональным институтам.

— Высокая роль неправительственных агентов, которые являются субъектами регионализации: именно их активность позволяет государствам определить, какие аспекты сотрудничества содержат в себе спрос на институциональное оформление, каковы слабые

[112] Telo M. Regionalism in Hard Times. Competitive and Post-Liberal Trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas. London, New York: Routledge, 2017. P. 51–67

стороны имеющегося формата сотрудничества, какие потенциальные направления еще не учтены в региональной политике.

Изложенная логика проливает свет на вопрос о том, как совокупность внешнеполитических интеграционных курсов и регионализация формируют регионализм. Государствам свойственно искать внешние средства, с помощью которых они могли бы увеличить показатели экономического и политического могущества, и при необходимости они готовы рисковать какими-либо составляющими своего суверенитета. По мере развития сотрудничества в этом направлении возникает взаимозависимость, делающая последующую интеграцию в большей степени необходимостью, чем дополнительным источником относительного преимущества. Когда появляется достаточное количество объединенных общим пространственно-временным контекстом субъектов отношений взаимозависимости, возникает и необходимость упорядочить этот контекст.

1.1.2 Онтологический статус регионального / международного института и подходы к его моделированию в качестве элемента системы.

Совокупность институциональных теорий, предназначенных для объяснения способности институтов порождать порядок и обеспечивать его динамическую стабильность, описывают его природу как комплекс «социальных факторов, обеспечивающих когнитивные, координирующие, информационные и нормативные основания для индивидуального действия в рамках транзакций.»[113] В то же время, возможность лидерства во многом определяется способностью претендента производить социальные и технологические инновации, каковыми в региональных отношениях являются общие правила торговли, регулирования миграционных потоков, защиты интеллектуальной собственности и многих других областей, с которыми одно государство не способно справиться самостоятельно. Поэтому для того, чтобы преуспеть, государству необходимо, чтобы именно его видение этих правил было отражено в создаваемом институте, так, чтобы он максимально соответствовал его политическому и экономическому укладу и интересам. Появление такого института создает государству относительное преимущество в средне- и долгосрочной перспективе, а способность отражать свои интересы в как можно большем количестве институтов, охватывающих широкий круг тем, является ключом к региональному и мировому доминированию. При этом «политические институты трансформируются параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании организации семейной жизни».[114] Рассмотрим несколько классических

[113] Юдкевич, М. Авнер Грейф: модель для сборки / Грейф, А. Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли. // А. Грейф. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — С. 17.

[114] Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы: учебник для вузов / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — С. 580

теоретических подходов к смыслу и роли институтов в современных международных отношениях и мировой политике.

Институты и их роль в *неофункционалистском* понимании определяются тем, как формируемые правила и модели поведения сообразуются с удовлетворением потребностей групп, которые участвуют в формировании регионального сообщества как единого целого. Более того, считается, что неофункционалистский подход к общей теории региональной интеграции обозначил необходимость отойти «от акцентирования роли национальных государств и правительств в интеграционном процессе».[115] Региональная интеграция возможна постольку, поскольку возможна связь различных сфер общества (и различных обществ) между собой, а «соединительной тканью» в этой перспективе как раз и являются институты. Особенно это важно, если сообщество по каким-либо причинам стремится избегать ограничения своего суверенитета путем делегирования полномочий наднациональным органам, хотя таковые тоже являются институтами.[116]

Институционализм исходит из того, что государства обладают центральной ролью в условиях международной анархии, в которой пребывает среда мировой политики. Для того, чтобы упорядочить свое вовлечение в международные процессы и добиваться достижения своих интересов, они руководствуются полной рациональностью, то есть ведут себя сообразно теории рационального выбора. Принимая решения об институциональном строительстве, государства оценивают выгоды и издержки. Последовательность решений о создании и развитии новых институтов представляет собой не что иное, как институциональный выбор. То или иное решение соответствует утверждению новых правил поведения, позволяющих частично снять сложность интеграционных взаимодействий, нивелировать асимметрию информации и асимметрию заинтересованности.[117]

Неоинституционализм идет дальше своего предшественника и развивает его основные положения. Во-первых, международная анархия, в которой пребывает государство, — это непрерывный процесс обмена деятельностью, преимущественно экономической и политической. Субъекты обмена не обладают полной рациональностью, так как способность к рациональному выбору одного ограничена аналогичной способностью другого. Хотя каждый из них стремится максимизировать свою выгоду, им приходится считаться с имеющимися условиями, воплощенными в виде институтов, и их признание дает основания ожидать, что

---

[115] Стрежнева М.В. Теории интеграции // Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. — М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. — С. 36

[116] Буторина О. Указ. соч.

[117] Байков А.А. Сравнительная интеграция… С. 205

остальные партнеры по обмену тоже станут сдерживать себя. Выбор становится не индивидуальным, но публичным.[118]

Гегемонистская стабильность:

Если один из участников регионализма становится лидером в подсистеме, для закрепления своей позиции ему необходимо сделать свою способность генерировать благоприятную институциональную среду недостижимой для потенциальных конкурентов. Иными словами, путь к созданию регионального сообщества лежит через институты, которые затем уже самостоятельно поддерживают ведущее положение выдвинувшегося вперед игрока. Более того, сторонники теории утверждают, что без наличия лидера невозможно возникновение самоподдерживающегося порядка, являющегося условием устойчивого международного развития.[119] В частности, в отсутствии лидера они усматривали причины Великой депрессии и растущей экономической и политической нестабильности современного мира.

Применимость теории гегемонистской стабильности ограничена соответствием исследуемой подсистемы конфигурации однополярного порядка. При этом открытым вопросом остается возможность какого-либо института взять на себя и эффективно выполнять роль лидера, создающего в подсистеме однополярный порядок. С одной стороны, наличие общепризнанного наднационального органа, юрисдикцию которого признает каждое участвующее государство (как, например, в ЕС), позволяет возникнуть самоподдерживающийся порядок. С другой стороны, влияние государств-участников на этот институт будет распределено неравномерно, и если внутри института есть государство, способное влиять на него сильнее всех остальных, институт становится производным следствием конфигурации отношений в подсистеме, а не главным системообразующим фактором. В любом случае, теория устанавливает зависимость между подчинением подсистемы однополярному порядку и ее стабильностью и открытостью. Если в ней наблюдается сочетание нескольких равноценных претендентов на лидерство, и при этом состояние региональных отношений нельзя назвать полностью хаотичным (то есть, они подчиняются каким-либо устойчивым закономерностям), более эффективным исследовательским инструментом оказывается более мягкое рассмотрение, предлагаемое теорией кооперативной гегемонии.

Кооперативная гегемония:

Концепция институционального регионализма очень близка теории кооперативной гегемонии Т. Педерсена, изложенной в его статье 2002 года «Кооперативная гегемония: власть,

---

[118] Bates, R.H., Sened, I., Galiani, S. The New Institutionalism. The Work of Douglas North [Электронный ресурс]. / Institutions, Economic Growth, and Property Rights: The Legacy of Douglass North / R.H. Bates, I. Sened, S. Galiani. — Cambridge University Press. — 2014. — http://scholar.harvard.edu/rbates/publications/new-institutionalism-work-douglas-north (дата обращения: 27.04.2019)

[119] Webb, M.C., Krasner, S.D. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment / M.C. Webb, S.D. Krasner // Review of International Studies. — 1989. — Vol. 15, No. 2. — Pp. 183-198

идеи и институты региональной интеграции», так как последняя содержит некоторые важные сущностные черты институционального регионализма:[120]

1) Интересы и деятельность держав неизбежно отражаются в дизайне институтов и закономерностях институционального развития.

2) Достижение относительного преимущества в региональных процессах заключается в привлекательности внедряемого регионального (интеграционного) проекта и в способности привлекать другие страны к этому проекту.

3) Региональные державы планируют свой интеграционный проект на средне- и долгосрочную перспективу.

При всех своих достоинствах, теория Т. Педерсена является прикладной к концепции институционального регионализма и охватывает только часть закономерностей, которые придают его моделям динамику. Сам по себе институциональный регионализм как исследовательская единица стремится найти границы государствоцентричного подхода в понимании регионализма в целом и определить, что представляет собой регионализм с точки зрения самих институтов. В дополнение к этому, чистая кооперативная гегемония лучше всего подходит только для однополярных региональных пространств, а там, где есть несколько равноценных кандидатов на гегемонию, обязательно начнут проявлять себя конкурентные тенденции. Что еще более важно, и сотрудничество, и соперничество будут существовать в едином пространственно-временном поле, содержась в политике одних и тех же государств по отношению к одним и тем же вопросам, и эту особенность необходимо учитывать при моделировании.

Д. Норт в работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» показывает, каким путем необходимо двигаться к построению таких моделей. В первую очередь он отмечает, что направление институционального строительства определяется двумя факторами: возрастающей отдачей и несовершенством рынков, отличающихся значительными транзакционными издержками.[121] Этими признаками, очевидно, способны обладать не только рынки, но и другие области сотрудничества, являющиеся предметом институционализации. Возрастающая отдача принципиальна в том отношении, что если рынки «бывают только конкурентными, институты не имеют значения».[122] Для отражения инструментов сотрудничества и соперничества эта предпосылка особенно важна, так как с некоторыми допущениями позволяет рассматривать темпы институционального строительства

[120] Pedersen, T. Op. cit.

[121] Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — С. 122

[122] Там же, с. 123

в качестве индикатора конкурентности в отдельно взятом аспекте взаимодействия, что является частным случаем рассматриваемой гипотезы. Так, например, если одно государство имеет территориальные претензии к другому государству, а второе отказывается признавать существование проблемы, то возникает ситуация невозможности обмена в виде какого-либо переговорного процесса, не говоря об институциональном оформлении решения возникшего противоречия. С другой стороны, обсуждение режима свободной торговли обладает взаимной выгодой, развивается в русле игры с ненулевой суммой и предполагает возможность внедрения многочисленных и разнообразных правил, ограниченных лишь взаимным доверием партнеров. Здесь тоже есть конкуренция, но она направлена в конструктивное русло и способна увеличить взаимную приемлемость учреждаемых институтов.

Вторым существенным вкладом Д. Норта в моделирование институциональной среды является его интерпретация траекторий институциональных изменений, которые сводятся в четыре группы:

1) «множественное равновесие», подразумевающее возможность различных решений с неопределенным итогом;
2) неэффективность, при которой институт проигрывает конкурентную борьбу из-за недостаточного числа привлеченных сторонников;
3) «блокирование» — ограниченная возможность внести изменения в учрежденный институт;
4) воспроизведение траектории развития предшествующих институциональных форм.[123]

Обобщая описанные выше академические концепции, анализирующие онтологический статус института, представляется целесообразным рассмотреть это явление в двух разрезах:

1) средство упорядочивания субрегионального, регионального, трансрегионального, глобального пространства и создания мотивации к такому упорядочиванию, обеспечивающему устойчивость и воспроизводимость упорядоченной системы отношений в ее экономической, военно-политической, социокультурной динамике (внешний);

2) результат волеизъявления государственных агентов о совокупностях правил регулирования транснациональных явлений экономического, военно-политического и социо-культурного характера, предназначенных для сокращения соответствующих транзакционных издержек (внутренний).

Существуют как формальные, так и неформальные институты. Первые существуют в виде организаций, регулярных форматов и нормативных документов. Вторые обладают сравнительно высокой значимостью для регионализма в АТР, поскольку в этом регионе как

[123] Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — С. 122

нигде развито использование практики так называемых «квазиальянсов», рассматриваемые в российском научном дискурсе как проявления сетевой дипломатии.[124] Что касается других видов неформальных институтов, следует отметить, что для воспроизведения установленных с их помощью правил и форматов взаимодействия они, во-первых, приобретают какое-либо название, во-вторых, отмечаются своей деятельностью в создаваемом с их помощью массиве документов — коммюнике, соглашений, деклараций, совместных заявлений и т.д. Неформальные институты позволяют искать и формулировать общее видение проблем до того, как предмет обсуждения не «формализуется», то есть не переходит под ведомство какого-либо из уже существующих формальных институтов или же сам становится одним из них.

Институты должны обеспечивать баланс между стабильностью и гибкостью сообразно поставленным задачам, интересам устанавливающих их государств и особенностям среды. Исходя из этого предположения, для поставленных в данном исследовании задач имеет смысл дать другую, институциональную, интерпретацию понятиям закрытого и открытого регионализма. В данном случае к первому типу будет относиться любой институт, направленный на компенсацию потенциального или фактического относительного преимущества у регионального актора, чье членство в этом институте не предусматривается неформальными условиями. Такими институтами, например, являются НАТО, АСЕАН и, с некоторыми оговорками, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о ТТП. Те же институты, которые ограничивают членство только географической принадлежностью к региону (а зачастую не делают и этого), относятся к открытому типу.

Возможность сочетать инструменты сотрудничества и соперничества оказывается фундаментом способности институтов как снижать, так и мультиплицировать влияние их участников на среду и друг друга.[125] Необходимым условием возможности существования институтов является их выгода для государств, так как позволяет им формализовать совместно достигнутые результаты внешней политики и отсылать к этим формам в случае возникновения спорных ситуаций: это роднит процесс институционального строительства с развитием международного права.

В качестве базового определения института возьмем его интерпретацию как *документально зафиксированную практику, предназначенную для изменения какого-либо параметра двух- или многосторонних отношений путем внедрения новых правил, сокращающих издержки и/или увеличивающих преимущества от создаваемого источника взаимозависимости*.

---

[124] Гребенкина Е. Современная дипломатия на пути к сетевой структуре мира / Елена Гребенкина // Международная жизнь. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1839 (дата обращения: 26.04.2019)

[125] Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton Studies in International History and Politics. P. 23. Цит. по: Мировое комплексное регионоведение… С. 121

«Практика» — это широкое понятие, которое может включать в себя как отдельные нормы, так и полноценные постоянно функционирующие организации. Его использование позволяет продемонстрировать, каким образом несколько узкоспециализированных институтов способны объединяться в более крупные. Например, зона свободной торговли АСЕАН и КНР по выбранному определению является институтом, но сама по себе она дифференцируется на меньшие институты: правила обмена товарами, услугами, регулирования общего инвестиционного режима. Совокупность институтов, объединенных какими-либо системными свойствами (к примеру, усиливающей обратной связью), представляет собой международный режим, то есть «относительно устойчивые типы практик субъектов международных отношений, регулируемых нормами международного права и другими принятыми правилами, и определяющих согласованный и устойчивый характер совместной деятельности сторон в той или иной сфере международной жизни».[126] Если в пределах одного пространственно-временного контекста (региона) сосуществуют несколько режимов, отражающих различные подходы к формированию регионального сообщества, но объединенных одним институциональным ядром, становится возможным судить о наличии региональной подсистемы.

1.1.3 Формы сотрудничества и соперничества в региональных процессах.

Для того чтобы сделать возможным использование сотрудничества и соперничества в рамках единой аналитической системы, необходимо привести их к общему определению. Если они не будут следовать из одного и того же явления, построенная на них объяснительная логика будет испытывать повышенный риск порождать некорректные высказывания из-за своей избыточной внутренней противоречивости. Но сложность состоит в том, что надежный критерий, с помощью которого осуществляется присвоение «положительной» (сотрудничество) или «отрицательной» (соперничество) величины отдельно взятому акту взаимодействия, должен быть построен на некотором нейтральном элементе, который сам по себе нельзя отнести к одному из двух вариантов. Более того, действие, являющееся «кооперативным» по отношению к одному актору, может одновременно носить «конкурентный» характер по отношению к третьей стороне, например, если два государства договариваются о единой ценовой политике, желая нивелировать относительное преимущество в затронутой области у их соперника.

П.А. Цыганков предлагает рассмотреть сотрудничество как «процесс взаимодействия двух или нескольких акторов, в котором исключается применение вооруженного насилия и

[126] Баталов Э., Новая институционализация мировой политики [Электронный ресурс]. / Э. Баталов // Международные процессы. — 2016. — Т.14, №1 (44). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1082/GRE11Djv6O.pdf (дата обращения: 26.04.2019)

доминируют совместные поиски реализации общих интересов», при этом ему свойственно «не отсутствие конфликта, но „избавление" от его крайних, кризисных форм».[127] Такая интерпретация содержит в себе уязвимости, делающие ее неприменимой к разрабатываемой объяснительной системе институционального регионализма. Исключение вооруженного насилия может быть свойственно и для соперничества между акторами, причем видимое отсутствие единства среди артикулируемых интересов необязательно означает, что общие интересы отсутствуют в действительности. Так, например, субъектам ограниченного каким-либо пространственно-временным фактором комплекса взаимодействий может быть выгодно поддерживать в нем источник напряженности, легитимизирующий применение инструментов настолько же далеких от вооруженного насилия, как и от сотрудничества.

Рассмотрим процесс принятия решений по выбору между применением инструментов сотрудничества и соперничества как игру с нулевой суммой и неполной информацией. С точки зрения игроков целью является достижение однозначного регионального лидерства, то есть, «победитель получает все». Ресурсом, за который они конкурируют, является стабильность, выраженная в наличии выгодного одной из сторон, но невыгодного другой, статуса-кво.[128] Они ожидают, что конкуренты либо преследуют ту же цель, либо поддерживают одного из тех, кто обладает способностью и решимостью ее достичь. Государство А предлагает либо развивает международные инициативы (сотрудничество), реализация которых прямо или косвенно приближает его к завоеванию господства в региональной подсистеме, или саботирует аналогичные предложения государства Б (соперничество). Государство Б может поддержать инициативу (сотрудничество) либо саботировать ее (соперничество). Неполнота информации предполагает невозможность заведомо точно судить об ответных шагах. Сотрудничество не только улучшает позицию предложившего инициативу государства, но и ускоряет сам ход создания регионального сообщества. В таких условиях выигрыш будет распределяться следующим образом:

[127] Цыганков П.А. Указ. соч.

[128] Богатуров А.Д. Место «стабильности» в понятийном аппарате теории международных отношений / Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945-1995. — М.: Сюита, 1997. — Режим доступа: http://obraforum.ru/lib/book5/2.htm (дата обращения: 26.04.2019)

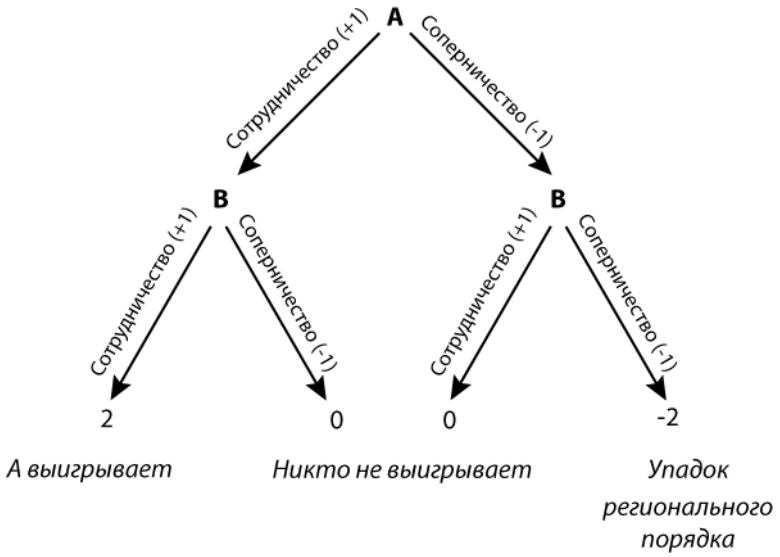

Рис. 1. Дерево решений государства А по применению сотрудничества и соперничества в условиях игры с нулевой суммой[129]

Видно, что эта игра не обладает равновесными состояниями. Ни сотрудничество, ни соперничество не обладают средствами, позволяющими приблизить двух конкурентов за региональное лидерство к их цели в одинаковой мере. Лидерство, в свою очередь, следует понимать как способность «страны или нескольких стран влиять на формирование международного порядка или его отдельных фрагментов».[130] В рамках рассматриваемой гипотезы лидерство связано с институтами через регионализм, а точнее — способность акторов региональных отношений с помощью институционального строительства таким образом влиять на развитие в конкретном регионе, чтобы получившиеся институты наилучшим образом соответствовали интересам этого актора. Схема «победитель получает все» предполагает, что статус-кво всегда соответствует интересам государства в большей степени, чем будущее состояние, которое возникнет после реализации инициативы конкурента. Соглашаясь сотрудничать по новой инициативе, участник понимает, что его претензии были учтены в заведомо меньшей степени, чем требуется; его единственной тактикой оказывается трансформация инициативы таким образом, чтобы максимизировать представленность в ней собственных интересов. Фактически эта тактика равноценна предложению собственной инициативы.

Между тем, отсутствие принципиального отличия для второго игрока между комбинациями «сотрудничество и сотрудничество» в абсолютных выражениях не делает эти

[129] См. также матричную игру, построенную путем применения к описанному дереву решений операции обратной индукции (таблица 1 в § 2.2.1 Сущность и характеристика Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма)

[130] Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе [Электронный ресурс]. / А.Д. Богатуров // // Международные процессы. — 2006. — №3. — Режим доступа: http://intertrends.ru/old/twelfth/001.htm (дата обращения: 26.04.2019)

варианты взаимозаменяемыми. Во-первых, согласие сотрудничать хоть и вредит позиции претендента на лидерство, но открывает дорогу к получению выгод, предполагаемых инициативой: в условиях ожесточенной конкуренции между ведущими региональными державами их позиция по приоритету прагматической направленности в отношениях остается едва ли не последним необходимым условием, делающим сотрудничество не только возможным, но еще и желательным.[131] Во-вторых, принципиальный выбор субъектом инструментов соперничества создал бы ему репутационные издержки, закрепил за ним статус непродуктивного партнера и тем самым нивелировал его способность участвовать в институциональном строительстве. Сталкиваясь с использованием инструментов соперничества в ответ на предложение о сотрудничестве, государство вынуждено сокращать представленность своей модели в институциональном строительстве либо путем сужения ее масштаба (через исключение / непринятие соперников), либо, — как минимум до тех пор, пока спрос на ее ключевые особенности не восстановится, — путем переформулирования своей инициативы в более компромиссном тоне, из-за чего она хуже отражает стоящие за ней интересы.

Наконец, самой неоптимальной ситуацией является обоюдное обращение к соперничеству со стороны обоих государств одновременно: невольно объединив усилия по взаимному пресечению создания новых областей сотрудничества, эти акторы, как значимые элементы регионализма, наносят ущерб институциональному строительству в целом. Процесс формирования регионального сообщества сбавляет обороты, следовательно, увеличивается время между инициативой по институциональному изменению и эффектом от ее реализации: региональным державам становится сложнее конкурировать, а выгоды от сотрудничества заметно снижаются.

Из рассмотренной игровой модели видно, что сотрудничество и соперничество в перспективе институционального регионализма — это деятельность, связывающая целостность регионального сообщества и представленность в нем интересов участвующего субъекта. До тех пор, пока претендент на региональное лидерство верит, что в складывающемся сообществе его интересы будут представлены в достаточной мере (или, как минимум, допустимо ограничены), для него рационально поддерживать политику по обеспечению и поддержанию целостности. Однако целостность будет нарушена, если складывающийся формат в большей степени соответствует интересам любого конкурента. Подобное понимание дополняет определение двустороннего и многостороннего регионального сотрудничества через «добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для

[131] Spar, D.L. Of Cooperation, Competition, and Cartels // The Cooperative Edge: The Internal Politics of International Cartels / D.L. Spar. — Cornell University Press, 1994. — Pp. 1–39

достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило, в сфере экономики».[132] Существенным условием сотрудничества является наличие институтов (в данном случае — в виде соглашений), создающих взаимно приемлемые и общепризнанные рамки взаимодействия.

Право является важным инструментом проведения регионального сотрудничества, так как полученные в ходе его развития результаты и достижения необходимо фиксировать, то есть закреплять с помощью институтов, построенных в правовом порядке: «Основной правовой формой такого сотрудничества являются двусторонние и многосторонние международные договоры, устанавливающие основные принципы и направления взаимодействия государств… Заключаемые договоры имеют существенное значение для сотрудничества, поскольку в них не только устанавливаются права и обязанности договаривающихся сторон, но и определяются конкретные аспекты взаимного сотрудничества и подлежащие урегулированию проблемы».[133] Этот принцип отражает суть институционального регионализма и является общим для двух основных пространств регионального взаимодействия: экономического и военно-политического.

В правовом отношении экономическое сотрудничество воплощается через несколько функций, одной из которых является создание институтов: «Как правило, документы, учреждающие основы общего экономического пространства, содержат четкую программу его построения с разбивкой по этапам и с указанием тех целей, которые должны быть осуществлены межгосударственными объединениями; учреждают разветвленную систему институтов и органов; обеспечивают разрешение возникающих споров; предусматривают необходимость „инвентаризации” правового пространства интеграционных объединений для устранения нормативных правовых актов, препятствующих углублению интеграции».[134] Соперничество реализуется обратными действиями: создание альтернативных институциональных форматов, участие в которых может противоречить и осложнять развитие имеющихся, и возникновение условий, препятствующих делегированию существенных для регионального сообщества областей сотрудничества региональным органам.

Сотрудничество в региональных процессах тесно связано с развитием взаимозависимости, особенно в экономической сфере. Взаимность очень важна: если одна сторона от нее выигрывает заметно больше другой, это значит потерю контроля над ситуацией и угрозу доминирования. Для того чтобы снизить взаимозависимость, государство вовлекает себя в альтернативные формы сотрудничества, направленные на ту же самую область, чтобы

---

[132] Воскресенский А.Д., Киреева А.А., Колдунова Е.В. Структурирование регионального пространства, его основные акторы. Регионализация и трансрегиональное сотрудничество // Мировое комплексное регионоведение… С. 86

[133] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Указ. соч., с. 111

[134] Лафитский В.И. Региональная интеграция: модели и основные тенденции развития // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 292

частично «разгрузить» возникшее напряжение. Для этого ему необходимо применять инструменты соперничества: например, создавать преференциальные зоны свободной торговли по интересующим позициям товаров и услуг с третьим государством таким образом, чтобы наверстать упущенную выгоду. В более крайней форме страна может саботировать переговорный процесс, снизив ресурс доверия и вынудив своего партнера частично сократить то или иное направление сотрудничества, отложить либо сделать невозможным введение нового института, другим способом оформить новый баланс интересов.

Формами экономического сотрудничества с точки зрения ответственных за принятие решений правительств являются меры, предпринимаемые для создания, согласования и реализации экономической политики. С точки зрения неправительственных агентов к таким формам относятся предпринимательская деятельность, связанная с перемещением товаров, услуг, информации, интеллектуальной собственности, капитала через границы, «а также оказание услуг и выполнение работ на территории иностранного государства».[135] Их деятельность требует регламентации, что возвращает неправительственных агентов к необходимости влиять на решения, принимаемые на государственном уровне и закрепляемые с помощью институтов. Именно поэтому для институционального измерения регионализма необходимо включить в понятие «регионализм» деятельность и правительств, и коммерческих структур, так как эти элементы в региональном масштабе оказываются неразрывно связанными между собой.

Сотрудничество в области безопасности — это «совместная деятельность членов международного сообщества по поддержанию стабильности в системе международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях».[136] Можно заметить, что поставленная цель сближает сотрудничество в военно-политическом и экономическом измерениях, ведь последнее тоже направлено на поддержание стабильности в виде устойчивого развития. Тем не менее, область безопасности имеет свои особенности, поскольку направлено на:

— формирование локальной / региональной / глобальной системы баланса сил;

— недопущение или сдерживание гонки вооружений;

— снижение привлекательности инструментов применения силы и угрозой силы с дальнейшим сокращением возможностей политики силового доминирования.

Принципиальное отличие от экономического сотрудничества состоит во втором пункте. Баланс сил и интересов в экономической плоскости формулируется через создание системы взаимозависимости через поиск баланса между специализацией и конкуренцией. Применение

[135] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Указ. соч., с. 112
[136] Арешидзе Л.Г. Указ. соч., с. 213

механизмов давления на национальную экономику ограничено рациональным выбором между преференциальной торговлей и протекционизмом в стратегически важных областях, а также инструментов урегулирования споров между инвестором и государством. Однако развитие экономики само по себе не сдерживается и даже поощряется, так как оно сопряжено с ростом взаимозависимости и совершенствованием институтов.

Логика, склоняющая государство применять тактику сотрудничества или соперничества в региональных делах, поддается масштабированию. Так, чередуя эти инструменты и балансируя их применение в региональных делах, актор региональной интеграции корректирует и направляет свою вовлеченность в региональные процессы, следовательно — и свою зависимость от региональной подсистемы. При этом, как указывает В.В. Михеев, включение и обособление региона от мировой системы определяет структуру и направленность региональных процессов,[137] а следовательно, соответствующим образом сказывается на формировании институциональной среды. Если субъект региональных отношений стремится минимизировать воздействие глобальной среды на свою экономику, в его интересах будет оформить институциональную структуру регионального сообщества таким образом, чтобы оно оказалось в достаточной мере автономным по отношению к изменениям в мировом рынке. С другой стороны, его конкуренты могут получать преимущество от вовлеченности в глобальный рынок, а потому заинтересованы в минимизации издержек от выполнения институтами их функции, координирующей глобальную систему и региональную подсистему.

Итак, развитие региональной интеграции, регионализации и регионализма зависит не только от предпосылок, создаваемых естественными процессами перемещения различных ресурсов в пределах региона, но и от интересов государств, создающих новые качественные условия для этих процессов. Эти качественные условия являются мерой целостности формирующегося регионального сообщества. Государство применяет инструменты сотрудничества, если ему требуется повысить целостность, то есть приблизить региональную подсистему к единому сообществу, и инструменты соперничества, если этот параметр требуется уменьшить. При этом отказ от формулирования собственных инициатив или ответных действий по отношению к предложениям других участников сам по себе не может интерпретироваться как инструмент сотрудничества или соперничества, так как зависит от конкретных условий. Отказ может как упростить институциональное строительство, так как другим его участникам не нужно корректировать оговоренные условия под еще одного актора, так и осложнить его, если реализация предложения по каким-либо причинам невозможна без этого актора. Отсюда следует, что хотя сотрудничество и соперничество и являются разными гранями одного процесса — институционального строительства, на самом деле они не

[137] Михеев В.В. Глобализация… С. 66–67.

обладают нейтральным элементом. Любое действие субъекта регионализма в конечном итоге либо приблизит, либо отдалит возникновение регионального сообщества. Институциональное строительство, в свою очередь, является коллективной деятельностью. Это значит, что успех актора по реализации своего видения регионального сообщества зависит не только от совпадения его интересов с направлением развития регионализма, но и от его способности привлечь на свою сторону других участников. Здесь вступает в силу другой важный ресурс — доверие.

В системном отношении доверие проявляет себя на двух уровнях рассмотрения. Во-первых, акторы региональных отношений зависят в своем поведении от закономерностей взаимодействия с ними глобальной системы. Сюда следует отнести колониальное прошлое и признаки неоколониализма, уязвимость к мировым экономическим кризисам, способность удаленных очагов нестабильности влиять на безопасность общества и государства. Во-вторых, имеет значение и накопленный опыт «горизонтальных» отношений с другими акторами одной и той же региональной подсистемы. К таковым относятся совместное историческое прошлое, нерешенные территориальные споры, правовое регулирование отношений, наличие или отсутствие претензий на лидерство, гомогенность политической культуры и т.д.

Регионализация — это синтез действий региональных акторов, правительств и неправительственных агентов, чьи усилия одинаково важны, так как невозможны друг без друга. Институты аккумулируют информацию о направлениях, проблемах и достижениях сотрудничества и закрепляют обоюдно приемлемое решение, содержа в себе определенные правила поведения. Деятельность ТНК и межгосударственная торговля, миграция, территориальные споры, военные учения, международные культурные программы, многие другие действия как положительно, так и отрицательно воздействуют на зависимость региональных субъектов друг от друга и на доверие как фактор среды, в которых развивается регионализация. При этом доверие и взаимозависимость находятся в отношениях усиливающей обратной связи. По мере того, как их поступательное увеличение открывает новые рубежи для взаимодействия, государства принимают решения об институционализации достигнутых результатов. В зависимости от доверия к партнерам и их намерениям (способности прогнозировать поведение других участников и быть уверенным в надежности своих оценок), а также соответствия предлагаемых инициатив их интересам, они принимают решение о своем вкладе в создание регионального сообщества, в зависимости от которого делают выбор между тактиками сотрудничества и соперничества.

Разобравшись с семантическим содержанием основных переменных, рабочую гипотезу можно операционализировать следующим образом:

Чем большее относительное преимущество в региональном экономическом или политическом влиянии получает один из акторов АТР, тем более высока вероятность того, что другой или другие акторы АТР обратятся путем применения инструментов сотрудничества и соперничества к изменению существующих или созданию альтернативных институтов, поддерживающих региональную интеграцию, регионализацию и регионализм, с целью частичного или полного нивелирования относительного преимущества конкурента.

1.2 Институциональный регионализм как измерение региональной подсистемы и объект моделирования.

Во введении уже отмечалось, что составляющие концепции институционального регионализма встречаются в большом количестве работ, посвященных региональным исследованиям, в особенности фокусирующимся на АТР. В одной из них сформулирован основной принцип разрабатываемого подхода: «Формирование институтов оказывается не чем иным, как конструированием порядка — даже если их строители не ставят своей целью создание такового. В свою очередь целенаправленное формирование порядка есть формирование институтов, даже если их создание не является целью нашей деятельности и мы не отдаем себе отчета в том, что упорядочение социальной реальности есть не что иное, как ее институционализация».[138] Главным отличием является то, что для выполнения задач по разработке моделей мы исходим из предположения, что в определенный момент региональные акторы начинают осознавать последствия своих действий и стремятся придать им направление, наилучшим образом соответствующее имеющимся интересам — то есть, поступают рационально.[139]

[138] Баталов Э. Указ. соч.

[139] Barkin, J.S. On the Heuristic Use of Formal Models in International Relations Theory / J.S. Barkin // International Studies Review. — 2015. — № 17. — Pp. 617–634

Рис. 2: Проекция региональных процессов на институциональное измерение

Определение связи между формированием институтов и формированием порядка, данного Э. Баталовым, обладает интересным следствием, имеющим прямое отношение к институциональному регионализму как исследовательской концепции и измерению региональных процессов. Каждое направленное на достижение лидерства действие, использующее средства институционального строительства, одновременно влияет на очертания и содержание формирующегося регионального сообщества. И наоборот, каждое действие, направленное на появление регионального сообщества, влияет на способность ведущих держав конкурировать за региональное лидерство. Более того, как упоминалось в § 1.1.3 «Формы сотрудничества и соперничества в региональных процессах», каждое достижение в проведении какой-либо инициативы и привлечении к ней минимально необходимого числа сторонников ускоряет движение одного из претендентов к лидерству. Это подталкивает его конкурентов быстрее предпринимать ответные действия, что в конечном итоге приводит к общему росту интенсивности развития подсистемы в сторону регионального сообщества. Отсюда важный вывод: чтобы замедлить приобретение преимуществ одним из региональных акторов, имеет смысл оказать влияние на скорость развития региональной подсистемы в целом.

Преимущества выделения институционального порядка как измерения регионализма:

— нивелирует различия между политическими системами государств, придавая значение только принятым ими договоренностям и отношениям между этими договоренностями.

— дает возможность точнее определить общее и частное в закономерностях развития регионализма по двум основным измерениям: военно-политическому и экономическому;

— демонстрирует через нормативно-правовое поле, каким образом ведущие государства региона пытаются донести свое видение регионального сообщества: «…договоры, в которых участвуют одни и те же страны с достаточно большой переговорной силой, по структуре очень похожи друг на друга: все договоры, в которых принимают участие США, сильно похожи друг на друга, равно как и все договоры, в которых принимают участие Япония или Китай»;[140]

— аккумулирует и отражает системные свойства региона: например, присущая в нем неоднородность будет отражаться и в институциональной неоднородности, когда один и тот же институт в каком-либо вопросе предлагает разные правила для участвующих в нем стран; то же самое касается модернизации, роли исторической памяти, уязвимости к глобальным процессам;

— снимает сложность в том, как однозначно определять центральный фокус в интеграционных процессах: экономические отношения и политическая власть могут определяться по-разному, а объем, сфера деятельности институтов и глубина вовлечения государств в их деятельность — как правило, нет.

Упомянутый в последнем пункте параметр выражен в соотношении между количеством правил поведения на область применения и количеством самих областей применения. Если конкретных правил мало, скорее всего, они отражают некоторое общее видение и принципы деятельности в декларативной форме. Если правил много и они относятся к малому количеству областей применения — значит, они предметно регулируют какой-либо аспект сотрудничества (например, соглашения об общем инвестиционном режиме или обмене разведывательными данными). Если затрагиваемых областей много и содержание каждой из них разобрано подробно — значит, государства вовлекаются в сложный режим взаимозависимости, как во ВРЭП или ТТП. Назначение регулярных встреч, создание международных организаций также могут рассматриваться с помощью этого параметра.

Тем не менее, объяснительная способность институционального регионализма обладает своими ограничениями.

Во-первых, в силу того, что институты как правовые инструменты на уровне интеграционных и других объединений существуют в виде разного рода международных актов (конвенций, договоров, соглашений, концепций, стратегий, планов, программ и т.д.), они нередко опираются на определения, даваемых в рамках национальных правовых систем. Эти определения из-за различий в правовой культуре могут заметно отличаться. Оценить соотношение между самими институтами «не всегда возможно, особенно в случаях, когда имеются коллизии между актами различных интеграционных объединений, в состав которых

[140] Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. Оценка экономических последствий создания зон свободной торговли России с азиатскими странами // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе… — С. 265

входит государство».[141] Ситуация может быть еще более осложнена, если у того или иного государства не предусмотрена иерархия национальных правовых актов и решений, принятых на уровне международного института.

Во-вторых, невозможность разграничить мотивы, которые привели к возникновению института, и цели, которые преследует его создание, ограничивает применение институционального регионализма к решению тех задач, которые подразумевают рассмотрение государства и его внешней политики как центрального элемента исследования. Институциональный регионализм обладает синергической природой, то есть является срезом промежуточных результатов деятельности всех субъектов, участвующих в создании регионального сообщества. Он позволяет определить текущее место интересов каждого из участников в складывающейся подсистеме, но усложняет понимание их первоначальных замыслов.

В-третьих, выбранные параметры институционального регионализма создают дисбаланс, не позволяющий стоящей за ним объяснительной системе приобрести применимость к другим регионам. В то время как институты проявляют себя надежным инструментом обобщения эмпирических данных совершенно разного качества и порядка, то обратная операция, восстановление из логики институционального строительства конкретной информации об экономических и военно-политических отношениях, проблематична вплоть до невозможности. С помощью институционального регионализма невозможно определить, к каким именно средствам среды склонны обращаться претенденты на региональное лидерство, когда чередование сотрудничества и соперничества в институциональном измерении оказывается недостаточным, и нужно предпринять более решительные меры. Поэтому достижение цели данного исследования лежит через объяснение и прогнозирование дальнейших тенденций институционального строительства средствами самой логики развития институтов.

Институциональный регионализм в концептуальной перспективе теорий баланса сил и интересов, гегемонистской стабильности и кооперативной гегемонии, (нео)институционализма является исследовательской единицей, способной делать видимыми особенности и закономерности развития наблюдаемой системы как совокупности подчиненных правилам многоуровневых взаимодействий, порождающих путем применения инструментов сотрудничества и соперничества целостное сообщество.[142] Рассматривая региональную подсистему в институциональном измерении, мы можем проецировать и аппроксимировать

---

[141] Плюгина И.В. Правовое регулирование миграционных процессов в условиях региональной интеграции в АТР // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе... — С. 156

[142] Pollack M.A. The New Institutionalisms and European Integration. [Электронный ресурс]. — Webpapers on Constitutionalism & Governancebeyond the State. — 2008, № 1. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/5014887_The_New_Institutionalisms_and_European_Integration (дата обращения: 26.04.2019)

явления, принадлежащие экономической, социальной, военно-политической или какой-либо иной плоскости, на единый исследовательский аппарат. Таким образом, модели институционального регионализма могут соединять в себе различные структуры и функции таким образом, чтобы становилось возможным корректно судить об их общих началах и свойствах. Статические объяснительные модели институционального регионализма упрощают сравнение различных регионов при решении тех задач, которые не подразумевают детального рассмотрения параметров экономического уклада, политической культуры или военной силы. Динамические модели институционального регионализма, предназначенные для прогнозов и планирования, позволяют увидеть, как с течением времени менялись институты и отношение к ним государств под давлением факторов среды, и с определенными допущениями позволяют экстраполировать увиденные закономерности на будущее.[143]

Для данного исследования будут взяты следующие базовые параметры, объединяющие все типы разрабатываемых моделей:

1) Основным элементом является либо институт, либо государство и институт.

2) Элементы связаны между собой усиливающей либо уравновешивающей обратной связью, подчиненной логике недопущения лидерства одного из государств с помощью институтов либо одного из институтов, наилучшим образом соответствующего интересам одного из государств[144].

3) Усиливающая либо уравновешивающая обратная связь направлена на изменение качества региональных отношений, создающего или ограничивающего возможность появления регионального сообщества.

4) Участники регионализма приближают региональную подсистему к региональному сообществу путем применения инструментов сотрудничества и отдаляют путем применения инструментов соперничества.

5) Важнейшим фактором институционального строительства как средства возникновения регионального сообщества и инструмента достижения регионального лидерства является соответствие регионального института интересам регионального актора.

6) Важнейшим фактором среды (в которой существует институциональный регионализм), определяющим поведение государств и институтов и отражающимся на

[143] Богатуров А.Д. Динамическая стабильность в международной политике // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. — М.: НОФМО, 2002. — С. 145–171.

[144] Богатуров А.Д. Среда — против лидеров…

системных эффектах моделей, является доверие как ресурс и как мера поддержки институционального строительства.

1.2.1 Объяснительные и прогностические модели.

В качестве теоретических предпосылок для моделирования социальных, политических, экономических и любых других процессов предлагается набор принципов (некоторые из которых, при более детальном рассмотрении, представляют собой скорее уточнение смысла используемых понятий, чем некие универсальные правила — что, тем не менее, важно для избежания двусмысленностей), делающих методологически обоснованным исследование систем посредством разработки соответствующей модели и дальнейшего переноса практических выводов о ее работе на исследуемый объект:

1. Структура системы, отвечающая за взаимодействие элементов, определяет ее поведение.

2. Как следствие, изменения в системе зависят от структуры, а не структура возникает под влиянием изменений.

3. Понимание закономерностей во взаимодействии элементов, их взаимосвязях имеет более высокий приоритет, чем получение конкретных количественных данных.

4. Понимание системы означает понимание ее структуры и связей между элементами.

5. Взаимодействие контуров[145] обратной связи в структуре исследуемой системы имеет определяющее значение для ее поведения.

6. Проверка на научность выдвигаемых теорий строится посредством формулировки рабочей гипотезы с дальнейшей проверкой ее объяснительной способности на основе работы системы. Невозможен обратный (индуктивный) путь, заключающийся в формулировке выводов *после* проведенного наблюдения.[146]

Модели, построение которых является целью данного исследования, относятся к классу содержательных. Использование формальных моделей в рассматриваемом случае ограничено качественным характером гипотезы, которая построена на обращении к различным аспектам институционального строительства. Содержательные модели общепринято делятся на

145 Контур — круговые отношения, возникающие между взаимозависимыми переменными (обеспечивают обратную связь). См. Ятманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений: учебно-методическое пособие / М.Г. Ятманова. — СПб: СПбГУ, 2010. — С. 11

146 Алехнович С.О., Слизовский Д.Е., Ожиганов Э.Н. Системно-динамическое моделирование: принципы, структура и переменные (на примере Московской области) / С.О. Алехнович, Д.Е. Слизовский, Э.Н. Ожиганов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2009. — Выпуск 1. — С. 22–36

описательные, объяснительные и прогностические.[147] Мы рассмотрим два последних класса, так как описание регионализма АТР и поддерживающих его институтов представлено в большинстве исследований по этой тематике. Объяснительные модели отличаются своей способностью выявлять закономерности и паттерны развития отражаемой в них системы, причем выявленные черты могут быть экстраполированы на временной разрез, последующий за выбранными пространственно-временными координатами. Это сближает объяснительные модели с прогностическими, однако последние могут быть построены и на собственном эмпирическом материале и независимы от объяснительных. Иными словами, не любая объяснительная модель является прогностической, и не любая прогностическая модель является объяснительной. Классическим примером модели, которая входит в обе категории, является физическая модель классической механики, построенная на трех законах Ньютона. В свою очередь, объяснительная модель, предназначенная для мирового кризиса, начавшегося в 2007 году, необязательно содержит в себе условия, повторное появление которых приведет к новому аналогичному кризису. Наконец, прогностическая модель условий, обеспечивающих повторяемость трехщелевого эксперимента, сама по себе не содержит объяснений, почему происходят наблюдаемые в ходе эксперимента явления, а предлагаемые объяснения даже могут исключать друг друга.

Наконец, содержательные модели (как объяснительные, так и прогностические) могут быть статическими и динамическими. Динамический характер системы подразумевает постоянное взаимодействие ее элементов с внешней средой — зависимость поведения от источников, лежащих за границами объединяющей элементы системы. Динамичность их, однако, может быть обусловлена не только этим воздействием: «Под динамической системой понимают любой объект или процесс, для которого однозначно определено понятие состояния как совокупности некоторых величин в данный момент времени и задано условие, которое описывает изменение начального состояния с течением времени. Это условие позволяет по начальному состоянию прогнозировать будущее состояние динамической системы».[148] Таким образом, динамическая модель отличается от статической в первую очередь наличием временного фактора. В исследовании выбрано определение институционального регионализма как временного среза, поэтому для него наилучшим образом подходят статические модели. Из-за упомянутых затруднений с интеграцией временной оси в институциональное измерение ход регионализма имеет смысл оценивать путем сравнения моделей, отражающих

[147] См. напр. Овчаров А.О. Организация научного исследования / А.О. Овчаров // Актуальные проблемы современных научных исследований: методология, экономика, статистика. Сборник статей. — М.: Директ-Медиа, 2013. — С. 17–24

148 Алехнович С.О., Слизовский Д.Е., Ожиганов Э.Н. Указ. соч.

зафиксированный институтами баланс сил и интересов в одинаковых пространственных и различных временных координатах.

1.2.2 Модели «Институт — среда» и «Институт — государство — среда».

Говоря о наличии среды, необходимо отметить, что отличают внешнюю и внутреннюю (именуемую иногда «контекстом»). «Внешняя среда (или энвайромент) — это окружение системы, вменяющее ей определенные принуждения и ограничения: климат, ландшафт местности, конфигурация границ, полезные ископаемые оказывают бесспорное влияние на взаимодействие государств и других акторов международных отношений.[149]» В свою очередь, «Внутренняя среда — это совокупность принуждений, оказываемая на систему ее элементами.[150]» И внешняя, и внутренняя среда для институционального регионализма важна в ее способности производить доверие, в условиях которого совершается институциональное строительство. Так, глобальный экономический кризис создает понимание того, что отказ кого-либо из участников от сотрудничества навредит ему же самому, так как участие в региональных институтах позволит снизить ущерб от нестабильности мирового рынка. Необходимость идти на компромисс с другими претендентами на региональное лидерство отдаляет актора от реализации своих амбиций, но сопутствующий урон оценивается им ниже, чем полная открытость и уязвимость по отношению к воздействию какого-либо внерегионального фактора. Доверие возникает, так как все остальные участники знают об этих условиях и могут из них прогнозировать поведение друг друга. Внутренняя среда делает то же самое: стихийные бедствия, терроризм, наркотраффик, — все, что выходит за пределы юрисдикции государств и вредит устойчивости их развития, становится предметом международного сотрудничества. С другой стороны, внутренние вызовы, лежащие в плоскости государственной политики, снижают доверие.[151] К ним относится участие того или иного актора в создании систем ПРО, проведение военных учений, сотрудничество с третьей стороной, являющейся нарушителем интересов партнера, территориальные споры и т.д.

149 Цыганков П.А. Указ. соч.

150 *Там же.*

151 М.А. Хрусталев. Типология внешнеполитических ресурсов / Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. — М.: НОФМО, 2008. — С. 147–150.

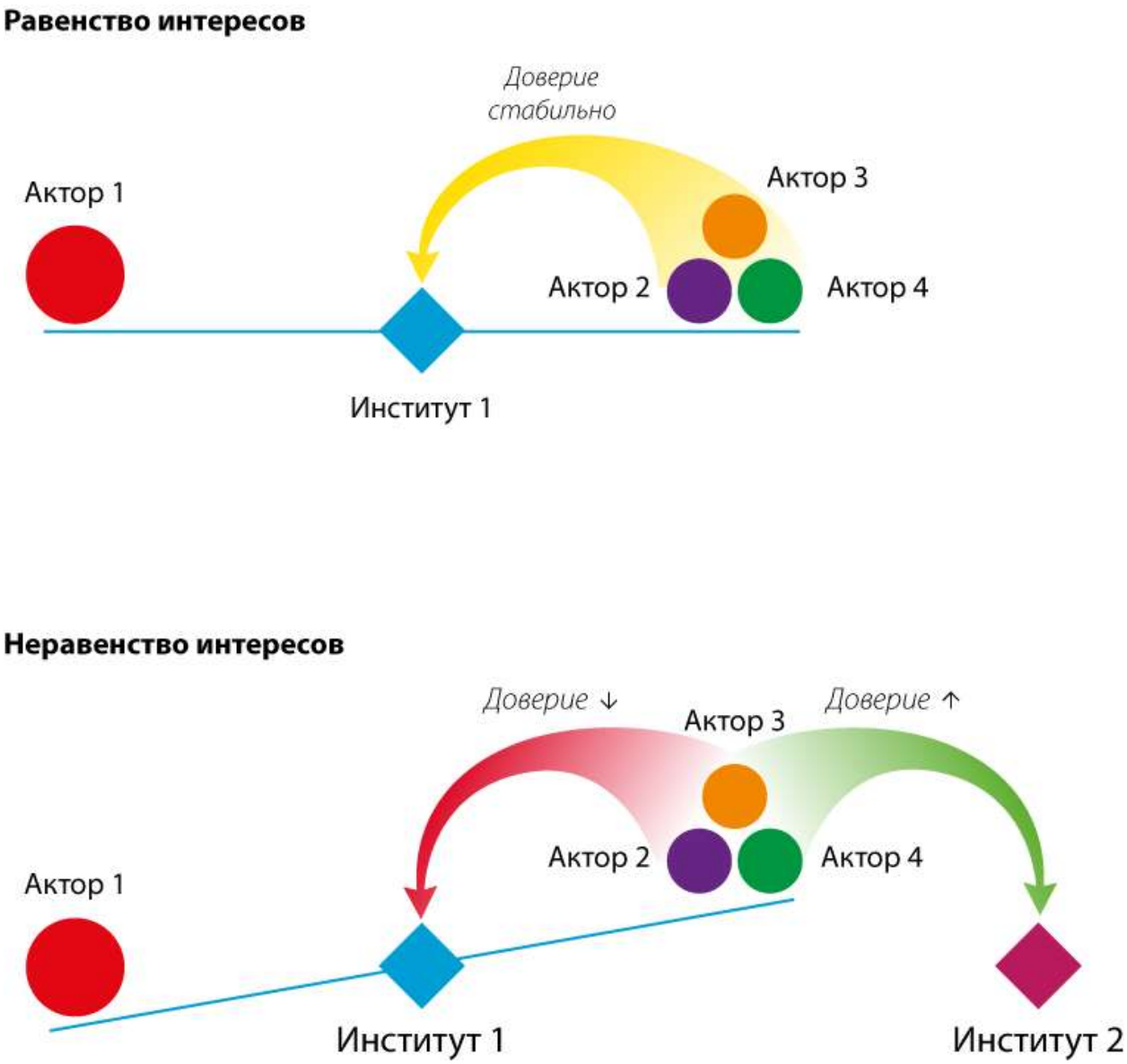

Рис. 3. Модели равновесного и неравновесного состояния в привлекательности института как инструмента создания регионального порядка.

Эти модели связывают участие государства в институте через доверие и интересы: актор заинтересован в получении максимальной выгоды от участия в институте; для этого правила, устанавливаемые институтом, должны наилучшим образом соответствовать его интересам; чем больше они соответствуют интересам этого участника, тем хуже учитываются интересы остальных. Доверие остальных участников по отношению к намерениям преуспевшего актора и связанного с ним института снижается; растет доверие по отношению к государству и связанного с ним института, которые представляют альтернативную модель; у инициатора альтернативной модели открывается возможность увеличить выгоду от участия в институте.

Рассматриваемые в отрыве от государств, институты представляют собой совокупность правил, формирующих определенный региональный порядок. Они могут существовать независимо друг от друга, находиться в условиях усиливающей или уравновешивающей

обратной связи, а также в отношениях иерархического подчинения. Институциональная структура подсистемы распределена между двумя уровнями: самой региональной подсистемы и глобальной системы. На обоих уровнях есть институты, участие в которых определенным образом корректирует направление развития отношений в сторону возникновения регионального сообщества. Будет некорректно представить региональные институты как элементы модели, а глобальные — как часть среды, так как это явления одного и того же порядка. Как правило, глобальные институты являются фундаментом, наиболее распространенными и общепринятыми практиками, которые усваивают региональные акторы при осуществлении собственного институционального строительства. Однако при достижении успехов, то есть такого качества региональных отношений, при котором государства способны совместно решать стоящие задачи, не пренебрегая интересами друг друга, их достижения могут быть воспроизведены на глобальном уровне. Тем не менее, примеров воздействия принятых на глобальном уровне правил на региональные особенности больше, чем обратных.

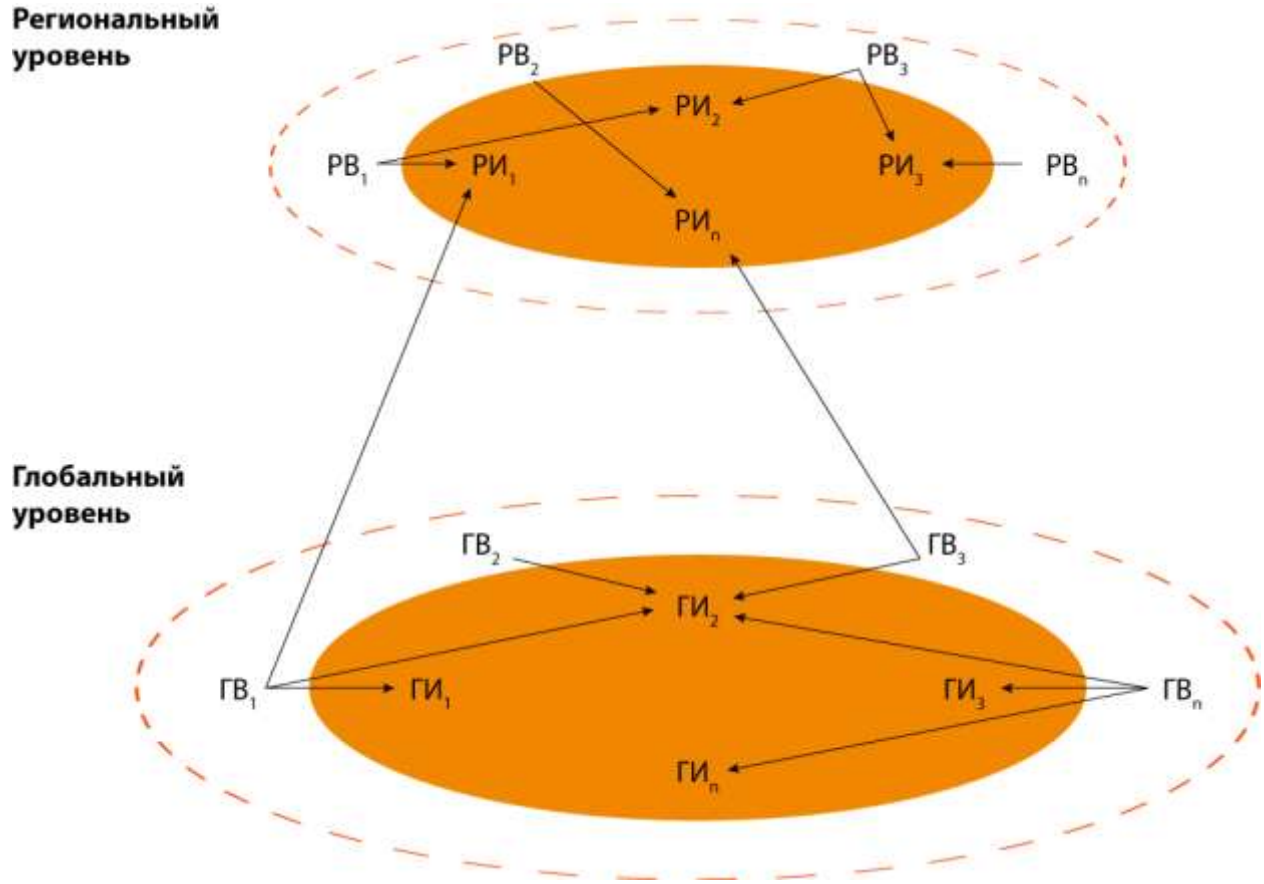

Рис. 4. Модель взаимодействия глобальных, региональных институтов и среды.

Глобальная система порождает вызовы и угрозы, которые влияют на региональную среду; в региональной среде имеются собственные вызовы и угрозы. Региональные институты обеспечивают урегулирование проблем, связанных с факторами региональной среды, а также снижают уязвимость региональных акторов по отношению к факторам глобальной среды. Созданные практики управления факторами региональной и глобальной среды становятся

предметом обмена между региональными и глобальными институтами в виде новых правил поведения.

Для рассматриваемой гипотезы важно сосредоточить внимание на моделях, учитывающих государства как системообразующий элемент наравне с институтами. Именно деятельность правительственных акторов является проводником сотрудничества и соперничества, влияющих на состояние институционального регионализма. В качестве примера можно рассмотреть создание такого института, как зона свободной торговли. Два или более государства могут оценить снижение тарифных барьеров как желательную или даже необходимую меру для собственного обогащения и развития экономики, однако достаточно одному из них отказаться от этого обязательства (или дать понять партнерам, что не сможет его выполнить), чтобы инициатива развалилась изнутри.[152] Повышение эффективности сотрудничества на базе институтов определено их способностью снизить транзакционные издержки от «ситуативного» сотрудничества, поставив взаимодействие в какой-либо области на регулярную основу.

Использование институционального строительства как инструмента достижения регионального лидерства зависит от двух факторов. Во-первых, чем выше способность государства отражать свои интересы в том или ином институте, тем выше степень его воздействия на очертания регионального сообщества. Но отсутствие баланса в участии государств в том или ином институте может отпугнуть от него конкурентов, которые будут стремиться либо снизить степень его влияния, либо создадут альтернативный формат. Отсюда следует второй фактор: чем выше уровень доверия участников к институту и чем выше его способность решать поставленные перед ним задачи (в виде наличия общепризнанной юрисдикции или высоких издержек от нарушения устанавливаемых им правил), тем выше его привлекательность для претендента на региональное лидерство.

1.2.3 Конкурентные и кооперационные модели.

Конкурентные модели предназначены для описания, объяснения и прогнозирования взаимодействия между акторами в контексте применения ими инструментов соперничества, в то время как кооперационные показывают, при каких условиях возможно сотрудничество и чем оно сопровождается. В целом, конкуренция является важной частью реалистской исследовательской перспективы, в то время как либеральная настаивает на возможности (и необходимости) кооперации. Однако в действительности эти перспективы работают с обоими

[152] Slaughter, A.M. International Relations, Principal Theories [Электронный ресурс]. / A.M. Slaughter. — 2011. — Princeton University. — Режим доступа: https://www.princeton.edu/~slaughtr/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf (дата обращения: 30.04.2019)

инструментами. Чтобы выявить возможности для сведения сотрудничества и соперничества к единому концептуальному началу, как это предполагается сформулированными в §1.1.3 положениями, имеет смысл начать с моделирования каждого из этих взаимодействий по отдельности.

Сотрудничество имеет смысл, когда существуют условия для приобретения преимуществ, или, что равнозначно, сокращения издержек — как имеющихся, так и потенциальных. Преимущества и издержки, в свою очередь, определяются оцениваемыми отличиями будущего состояния от статуса-кво в случае участия или неучастия в каком-либо процессе, а также соответствия этого состояния интересам актора. Эта предпосылка, в частности, лежит в основе экономических оценок целесообразности создания новых зон свободной торговли — первого этапа институционализации такого рода отношений. С точки зрения П. Хаса и Т. Элли, рассматривающих переговоры как прикладной случай сотрудничества, дерево решений для участников выглядит следующим образом:

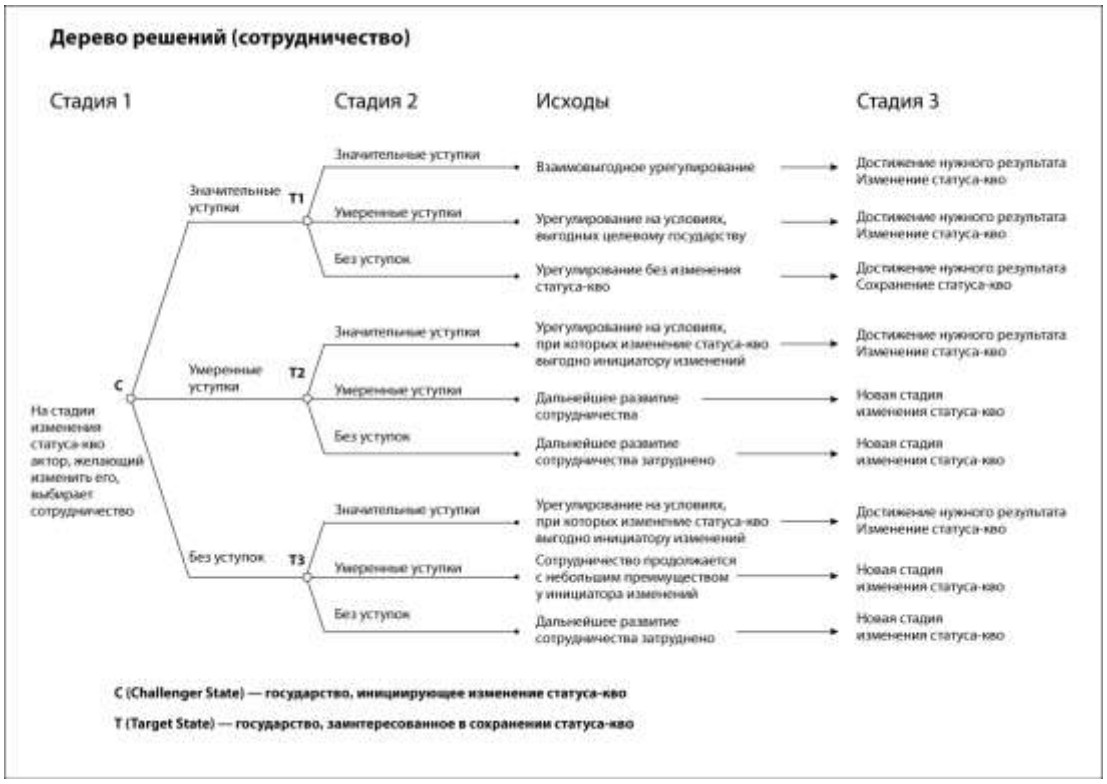

Рис. 5. Дерево решений для применения инструментов сотрудничества. Источник: Paul Huth and Todd Allee, Testing Theories of International Conflict: Questions of Research Design for Statistical Analyses[153]

Главный вывод, который следует из этой модели, заключается в том, что способность с помощью переговоров изменить статус-кво со стороны инициатора этого процесса ограничена

[153] Huth, P., Allee, T. Testing Theories of International Conflict: Questions of Research Design for Statistical Analyses // Cases, Numbers, Models: International Relations Research Methods / Edited by D.F. Sprinz, Y. Wolinsky. — Harward University, 2002. — Pp. 207–241.

объемом уступок, на которые он готов пойти. Если совокупного количества уступок недостаточно, понадобится следующий раунд переговоров.

Соперничество, которое П. Хас и Т. Элли рассматривают в крайней форме, как вооруженный конфликт, обладает заметными отличиями с точки зрения последовательности принимаемых решений и разнообразия вероятных исходов. Главным образом интересно то, что она не предполагает окончательного разрешения конфликта только лишь путем применения вооруженной силы. Могут лишь сформироваться условия, делающие возможным переговорный процесс с окончательным урегулированием, а единственная альтернатива — это новый виток вооруженного конфликта:

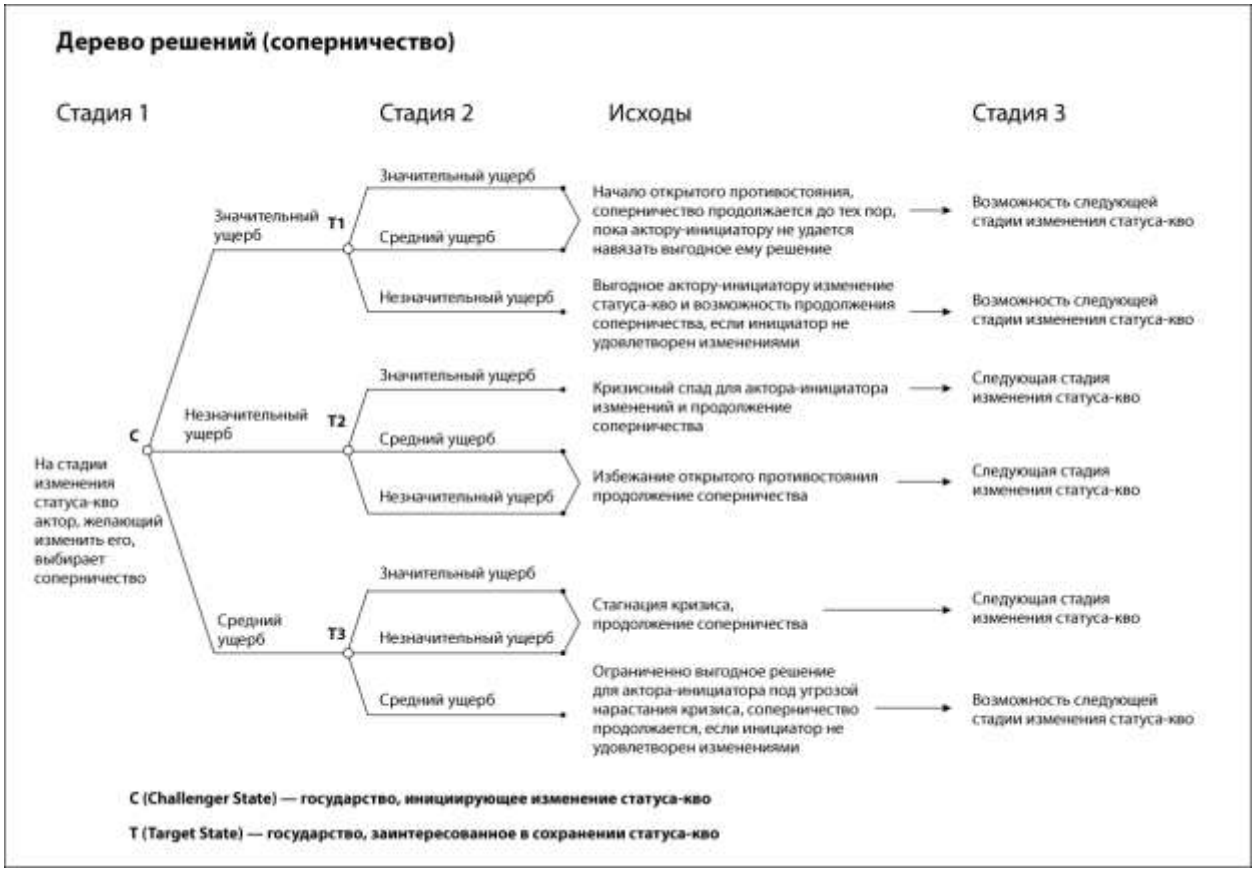

Рис. 6. Дерево решений для применения инструментов соперничества. Источник: там же.[154]

Построив модели на единообразной структуре и обозначив ожидаемые исходы принятых решений через их отличия от статуса-кво, П. Хас и Т. Элли показывают, что переговоры и конфликты — это различные формы, которые может принимать процесс взаимодействия между актором-инициатором и актором-реципиентом, когда отношения между ними проблематизируются. Поскольку эти формы являются лишь одними из инструментов сотрудничества и соперничества (хотя и наиболее типичными), их применение может чередоваться в зависимости от имеющихся предпосылок. Существующие модели, иллюстрирующие дихотомию сотрудничества и соперничества, отражают интерес

[154] Huth, P., Allee, T. Op. cit.

исследователей к созданию надежных средств прогнозирования вариантов поведения акторов — как государственных, так и негосударственных. В военно-политической сфере они обычно связаны с такими кейсами, как гонка вооружений или территориальный диспут. Экономическое измерение содержит еще больше материала для моделирования, так как позволяет более широко использовать количественные показатели. Рассмотрим в качестве примера модель эволюции международных диспутов:

Рис. 7. Чередование инструментов сотрудничества и соперничества в условиях развития международного взаимодействия. Источник: там же.[155]

В ней показаны условия, при которых возможен переход от конкуренции к кооперации, причем конкуренция выражена применением силы или угрозы силой, а кооперация — согласием сделать проблему предметом переговоров. Модель предполагает, что выбор между дипломатическими и военными средствами необязательно является окончательным, и характер дальнейшего развития спора соответствует исходу первоначально избранной модели поведения. Развитие событий, при котором один из участников обладает достаточной силой, позволяющей не признавать международную юрисдикцию над обсуждаемой проблемой и не допускать вовлечения в вооруженный конфликт, описывается моделью предварительной стадии конфликта:

[155] Huth, P., Allee, T. Op. cit.

Рис. 8. Дерево решений для создания условий изменения статуса-кво. Источник: там же.[156]

Составленная П. Хасом и Т. Элли объяснительная система подводит нас к пониманию того, что фактическое или ожидаемое изменение статуса-кво само по себе является предпосылкой для ответной реакции. Последняя может принимать форму сотрудничества или соперничества, и по ходу развития отношений между акторами они могут чередовать эти формы. Если рассматривать их без привязки к институциональному измерению, можно судить о наличии нейтрального элемента в виде отсутствия отношений: если оба актора удовлетворены положением дел в какой-либо области и не видят никаких способов увеличить свою выгоду (или уменьшить выгоду партнера) путем изменений, взаимодействия между ними отсутствуют. В случае, когда один актор удовлетворен статусом-кво, который нарушает интересы второго актора, возникает два возможных развития событий. Либо второй актор путем уступок позволяет первому увеличить свою выгоду (сотрудничество), либо предпринимает действия, направленные на улучшение своей позиции (напрямую или косвенно путем нанесения ущерба позиции конкурента). Наиболее благоприятными и однозначными условиями для сотрудничества является взаимная неудовлетворенность статусом-кво, открывающая путь для совместного поиска возможностей увеличить выгоду или снизить издержки.

[156] Huth, P., Allee, T. Op. cit.

1.2.3.1 Институциональный регионализм в реалистской исследовательской перспективе.

Для представителей реалистской исследовательской перспективы процессы создания институтов и уровень их эффективности — это в первую очередь функция от баланса сил.[157] Это направление интерпретирует институционализацую регионального пространства как игру с нулевой суммой, в которой одна из конкурирующих моделей в итоге должна занять доминирующую позицию. При этом ослабевание какого-либо института свидетельствует об ожесточении конкуренции между государствами, а усиление — о том, что один из участников выбрал стратегию поддержки победителя (то есть, сотрудничество).[158] Для установления лидерства претенденту нужно создать институт, через который он сможет беспрепятственно внедрять соответствующие его интересам правила. Чтобы соответствовать своим амбициям, он полагается на два внутренних ресурса — экономическую и военную мощь. При этом «Гегемон обладает возможностью оказывать существенное влияние на структурирование региона, замедляя процессы формирования интеграционных группировок или занимая место региональной державы, которая могла бы сама взять на себя инициативу в активизации процессов региональной трансформации».[159]

Таким образом, реалистская модель институционального регионализма построена на соперничестве, рассматривает сотрудничество как особое проявление конкуренции (в виде bandwagoning, то есть поддержки малыми странами «побеждающей» модели) и признает необходимость института как условия и инструмента обеспечения лидерства. Из этого следует, что если стратегии bandwagoning соответствует сотрудничество, то стратегии балансирования — соперничество[160]. Однако такой подход сам по себе не проливает свет на решение вопроса, в каких случаях государство предпочтет поддерживать альтернативу, а в каких выберет выигрывающую сторону. Более того, измерение эффективности института через могущество «ответственного» за него претендента на лидерство подразумевает, что отсутствие способных претендовать на лидерство акторов означает отсутствие конкуренции, отсутствие конкуренции не стимулирует институциональное строительство, а в конечном итоге — делает невозможным институционализированное двух- и многостороннее сотрудничество. Наконец, реалисты согласны, что если в региональной среде меняется лидер, то это неизбежно приводит к

---

[157] Rathus, J. China, Japan and Networked Regionalism in East Asia…

[158] Acharya A., Johnston A.I. Institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective / Edited by A. Acharya, A.I. Johnston. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — Pp. 244–279

[159] Fawn R. Regions and their study: wherefrom, what for and whereto? // Review of International Studies, 2009. Vol. 35. P. 17–26. Цит. по: Мировое комплексное регионоведение… С. 96

[160] Schweller, R.L. Bandwagoning for Profit. Bringing the Revisionist State Back In // International Security / R.L. Schweller. — The MIT Press, 1994. —Vol. 19, No. 1. — Pp. 72-107

изменениям в институтах: хотя они необязательно прекращают функционировать, отражаемые ими правила меняются в пользу большего соответствия интересам нового гегемона.[161]

Имея в качестве базовых предпосылок стремление к лидерству как игру с нулевой суммой и изначальное хаотическое состояние среды, обобщенная модель институционального регионализма будет рассматривать институты с точки зрения функции успеха в соревновании (contest success function). В теории игр эта функция является средством, с помощью которого индивидуальные усилия актора можно измерить с точки зрения вероятности получения им выигрыша.[162] Иными словами, институциональное измерение на входе аккумулирует действия каждого из участников регионализма, а на выходе распределяет между ними выигрыш. Каждый участник заинтересован, чтобы максимизировать получаемый от институтов выигрыш. Для этого ему необходимо не только увеличивать объем усилий, направляемых по отношению к институциональной среде, но и распределять усилия между различными институтами так, чтобы в каждом из них превосходить усилия конкурентов. У всех акторов есть выбор между двумя моделями поведения: сохранять нейтральную позицию или вовлекать себя в конкуренцию. Среди исследований в области международных отношений, построенных на использовании функции успеха в соревновании, следует выделить статью группы ученых «Динамика конфликта. Технология, гегемония, баланс сил и буферные государства», посвященную ее применению к концепции баланса сил.[163] Авторы делают два вывода: во-первых, конфликт позволяет сильным участникам накапливать ресурсы, направляемые на дальнейшее усиление, во-вторых, наиболее оптимальной стратегией для всех участников является наступление на позиции конкурентов, а не ожидание действий с их стороны. В конечном итоге один из игроков становится гегемоном. Заметно, что эти закономерности проявляют себя и в отношении государств к институционализации регионального сообщества.

Отношения гегемонии в рамках реалистской исследовательской перспективы представлены двумя основными интерпретациями: теорией гегемонистской стабильности и теорией кооперативной гегемонии. Рассмотрим место сотрудничества и соперничества в рамках концептуальных моделей, лежащих в основе данных теорий.

Модель гегемонистской стабильности

Гегемонистская стабильность построена на представлении о том, что один из участников в подсистеме занимает доминирующее положение, то есть обладает репутацией игрока,

[161] Rathus, J. China, Japan and Networked Regionalism in East Asia…

[162] Blavatskyy, P.R. Advances in the Theory of Contests and its Applications. Contest success function with the possibility of a draw: axiomatization [Электронный ресурс]. / P.R. Blavatskyy. — October 2004. — Режим доступа: https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/52103/1/iewwp208.pdf (дата обращения: 31.04.2019)

[163] Dziubiński, M., Goyal, S., Minarsch, D. The Dynamics of Conflict. Technology, Hegemony, Balance of Power and Buffer States [Электронный ресурс]. / M. Dziubiński, S. Goyal, D. Minarsch. — 2016. — Режим доступа: http://www.coalitiontheory.net/content/dynamics-conflict-technology-hegemony-balance-power-and-buffer-states (дата обращения: 31.04.2019)

способного принуждать остальных акторов к сотрудничеству на выгодных в первую очередь ему условиях.[164] С точки зрения ресурсов институционального строительства он обладает наиболее сильной экономикой, наиболее могущественными вооруженными силами, институты отражают в первую очередь его интересы, а репутация заменяет доверие в условиях отсутствия каких-либо альтернатив. Это жесткая форма гегемонии, являющаяся следствием восприятия конкуренции за региональное лидерство как игры с нулевой суммой.

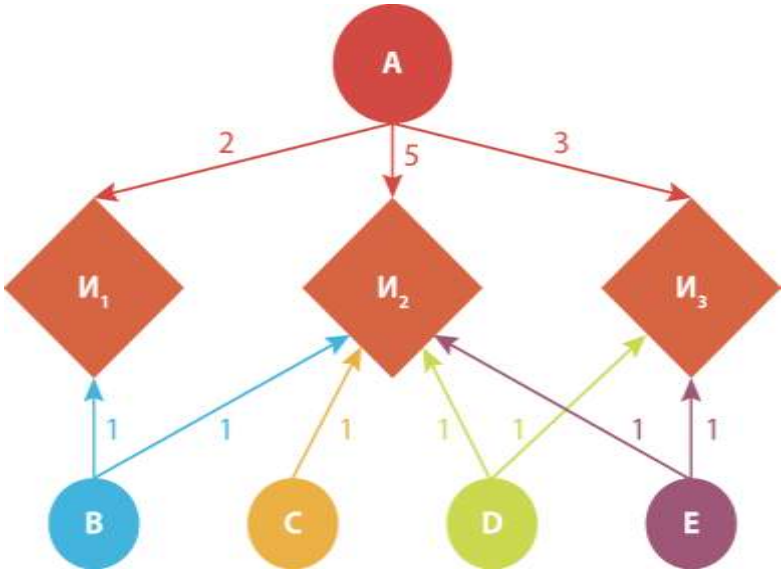

Рис. 9. Модель гегемонистской стабильности

Доминирующий актор связан с остальными региональными участниками через двусторонние и многосторонние институты. С каждым ребром сопоставлено некоторое значение, причем вес ребра, соединяющего лидера с институтом, всегда больше, чем вес ребра любого другого актора, связанного с этим же институтом. В зависимости от способности малых и средних государств консолидировать свои усилия при воздействии на институт, их совокупная сила всегда будет уступать гегемону.

Модель кооперативной гегемонии

Эта концепция является смягченной версией конфигурации отношений, возникающих между региональным лидером и другими участниками, так как трактуется в русле игры с ненулевой суммой. Кооперативная гегемония отражает выбранный в подсистеме подход к распределению относительных преимуществ между всеми ее членами таким образом, чтобы они признавали доминирующую позицию одного из акторов легитимной. Такая модель допускает компромиссный исход в разделении выигрыша между двумя и более акторами, поскольку теперь он не сводится к наличию или отсутствию контроля над институтом. Более того, возможны отношения сотрудничества между субъектами в случае, если им выгодно

[164] Alt, J.E., Calvert, R.L., Humes, B.D. Reputation and Hegemonic Stability: A Game-Theoretic Analysis / J.E. Alt, R.L. Calvert, D.B. Humes // The American Political Science Review. — 1988. — Vol. 82, No. 2. — Pp. 445-466

добиваться получения дополнительного относительного преимущества. Такая форма гегемонии заставляет лидера ограничивать свои притязания, так как в его интересах сохранять доверие остальных участников по отношению к своим действиям.

Рис. 10. Предпосылки кооперативной гегемонии по Т. Педерсену. Источник: Thomas Pedersen. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration[165]

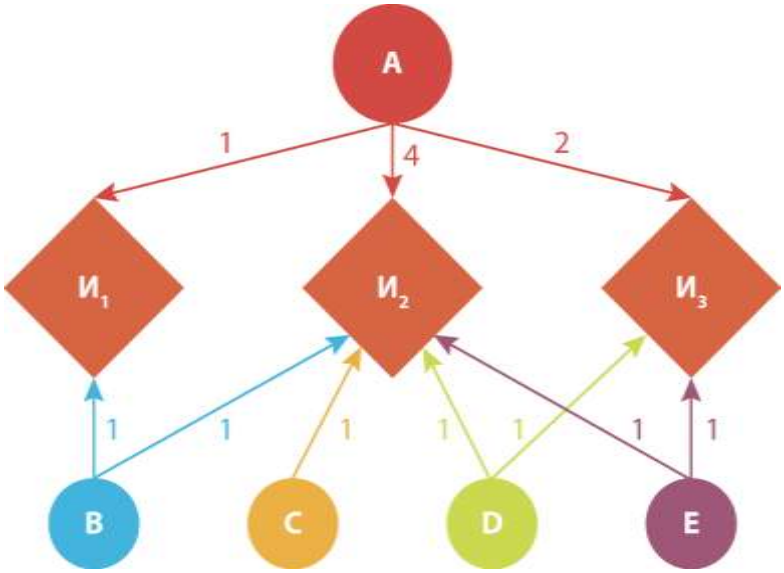

Рис. 11. Модель кооперативной гегемонии

[165] Pedersen, T. Op. cit.

Доминирующий актор связан с остальными региональными участниками через двусторонние и многосторонние институты. С каждым ребром сопоставлено некоторое значение, причем вес ребра, соединяющего лидера с институтом, равен сумме величин, сопоставленных с весом ребер каждого из малых и средних государств, связанных с тем же институтом. Сбалансированное распределение относительных преимуществ между участниками порождает доверие в среде, выраженное в осведомленности о намерениях каждого члена, способности лидера делиться властью, приверженность обязательствам и в итоге отражается на устойчивости всей подсистемы.

1.2.3.2 Институциональный регионализм в либеральной исследовательской перспективе.

Как симметричный ответ на восприятие реалистов и неореалистов, либеральная исследовательская перспектива оценивает параметры институционального строительства через баланс интересов, то есть развитие и совместимость позиций вовлеченных акторов, в первую очередь государств.[166] В таком рассмотрении институциональный регионализм является одним из промежуточных итогов игры с ненулевой суммой — борьбы каждого из претендентов за минимизацию собственных издержек от успешных действий конкурента. Смягченное восприятие обладает недостатком по сравнению с идеей реалистов, так как затрудняет понимание условий, при которых конкурентные взаимодействия приведут к какому-либо закономерному итогу в виде возникновения регионального сообщества. С другой стороны, ее преимущество — возможность включения в анализ процессов не ограниченного лишь поддержкой победителя сотрудничества, так как именно через него региональный актор способен увеличивать свое влияние на регионализм. Эта исследовательская перспектива в целом поддерживает реалистов и неореалистов в том, что международная среда изначально хаотична, и в том, что поведение ее участников продиктовано рациональным выбором. Они расходятся, однако, в интерпретациях содержания этого выбора, так как либералы и неолибералы верят, что при прочих равных условиях индивидуальный актор выберет сотрудничество, а не конфликт.[167]

Другой важной составляющей либеральной исследовательской парадигмы заключается в убежденности относительно того, как индивидуальные особенности государств отражаются на создаваемых ими институтах. Стремясь закрепить путем институционального строительства привычные политические и экономические практики, они сталкиваются с необходимостью

[166] Rathus, J. China, Japan and Networked Regionalism in East Asia…

[167] Segbers, K. Global Politics: How to Use and Apply Theories of International Relations / K. Segbers. — Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin, 2006. — 74 p..

обеспечивать их совместимость с условиями, в которых находятся партнеры. Препятствием к сотрудничеству может стать, например, слишком большая разница между политическими режимами, которую не всегда можно компенсировать наличием общего интереса, или отсутствие НДС в налоговой системе одного из государств, или какая-либо иная традиционная отличительная черта. Ограниченная способность государств предпринимать усилия по сотрудничеству, руководствуясь рациональным выбором, компенсируется некоторыми исследователями (например, Э. Моравчиком[168]) путем увеличения роли неправительственных акторов — социальных групп, корпораций и т.д. Государство выполняет роль органа, аккумулирующего интересы многочисленных групп и принимающего внешнеполитические решения на их основе. Такое рассмотрение позволяет обнаружить связи между внутренним контекстом и отношением страны к региональному сообществу:

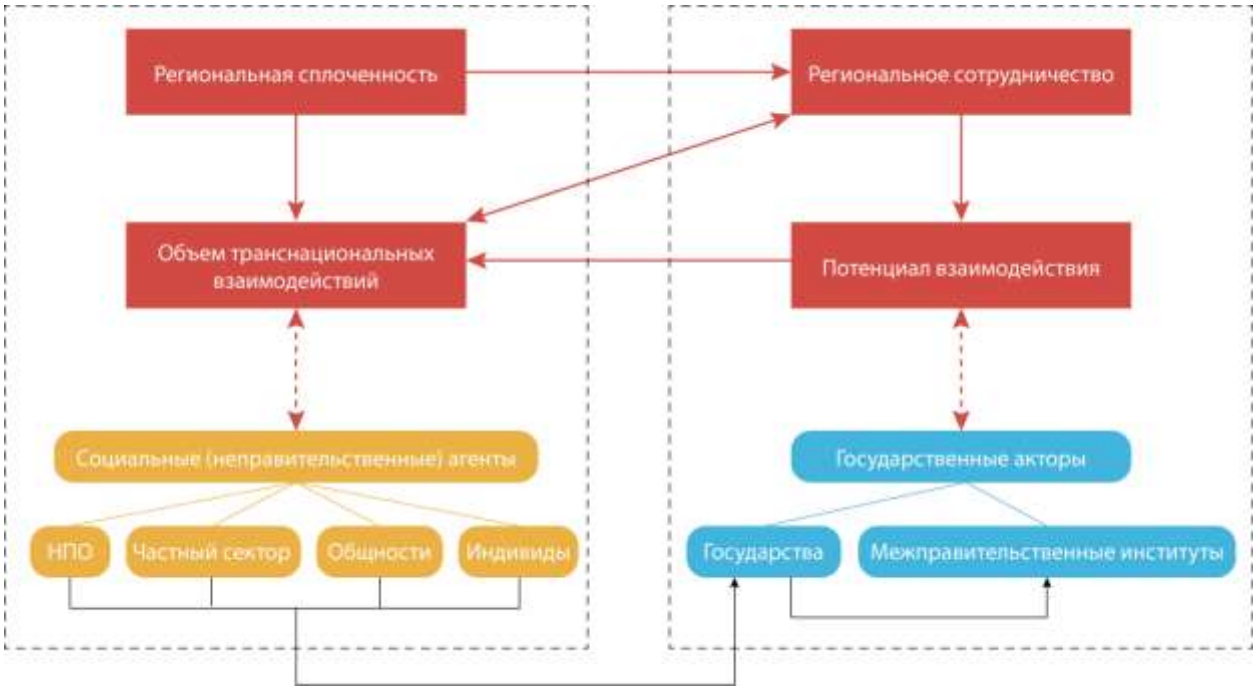

Рис. 12. Влияние государственных и негосударственных акторов на процессы регионализма

В этой модели региональная сплоченность, транснациональные взаимодействия, сотрудничество и потенциал взаимодействия являются характеристиками региональной среды, определяющими в том числе и ее институциональное оформление. Она связывает деятельность государственных и негосударственных акторов на уровне регионального пространства. При этом характеристики регионального пространства обладают симметрией. Так, региональная сплоченность имеет в своей основе устойчивое ощущение гражданами и социальными группами себя как части региона, а потенциал взаимодействия отражает готовность государств

[168] Moravcsik, A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics [Электронный ресурс]. / A. Moravcsik. — 1997. — Режим доступа: https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/preferences.pdf (дата обращения: 31.04.2019)

сотрудничать для создания регионального сообщества. Транснациональные взаимодействия — это движение капитала, трудовых ресурсов, проведение самостоятельных культурных и образовательных программ, а также другая деятельность, которая производится неправительственными акторами по собственной воле. Региональное сотрудничество — это аналогичная деятельность, но проходящая в рамках официальной политики, оно сопровождается появлением формальных и неформальных институтов. Включение в фокус внутриполитического контекста делает возможным обогащение моделей участниками, отвечающими за регионализацию. ТНК, социальные группы и отдельные индивиды не уполномочены создавать формальные институты, однако институциональное строительство развивается с учетом их интересов и созданных ими условий. Выбрав изоляционистский вектор во внутренней политике, государство способно ограничить вовлечение неправительственных акторов в региональные процессы, уменьшить темпы роста взаимозависимости и тем самым сократить издержки от неучастия в институциональном строительстве в случае, если для этого не хватает ресурсов.

Выводы по главе 1:

Разработанная объяснительная система предназначена для исследования регионализма через его институциональное измерение. Степень обобщения допускает ее применение к любой региональной или субрегиональной подсистеме, содержащей государства и неправительственные акторы, а также проявляющей признаки формирования регионального сообщества. Было выявлено, что применение инструментов сотрудничества и соперничества участниками институционального регионализма по мере развития двух- и многосторонних отношений может чередоваться, причем выбор зависит от того, насколько достигнутое промежуточное состояние отношений соответствует национальным интересам. На основе этой объяснительной системы и с помощью экстраполяции применимых положений реалистской и либеральной исследовательских перспектив, а также созданных на их основе теорий на институциональное измерение созданы концептуальные модели различного назначения[169]. Надежность каждой из них ограничена объяснительной способностью тех концепций, которые лежат в их основе. Например, прогностические модели, основанные на разработках П. Хаса и Т. Элли, оперируют переговорами и вооруженным конфликтом как крайними случаями кооперации и конкуренции. Однако переговорные процессы тоже могут служить инструментом соперничества, а противостояние региональных акторов в институциональном строительстве

[169] He, Kai. Institutional Balancing and International Relations Theory: Economic Interdependence and Balance of Power Strategies in Southeast Asia / Kai He. — European Journal of International Relations. — 2008. — Vol. 14(3). — Pp. 489–518.

неэквивалентно вооруженному конфликту. Объяснительные модели, использующие теории реалистской исследовательской перспективы, в качестве единственного исхода институционализации допускают возникновение гегемона. Способность институционализированного регионального сообщества выступать в качестве общепризнанного источника правил поведения ограничена доверием его членов по отношению к наднациональности. Нельзя определенно судить о возможности ротации региональных лидеров, так как внутри реалисткой перспективы не сформулировано единое мнение о том, как смена лидера влияет на функционирование и эффективность институтов. Наконец, либеральная исследовательская перспектива не предназначена для выявления условий возникновения соперничества.

Тем не менее, эти модели дополняют друг друга. Реалистская исследовательская перспектива отвечает на вопрос, что должно произойти в институциональном измерении, прежде чем возникнет региональное сообщество. Опираясь на эгоистичную природу государств, построенные модели сводят сотрудничество к формированию временных коалиций для поддержания баланса сил. Либеральная исследовательская перспектива позволяет интегрировать в анализ неправительственных участников регионализации и показывает, какие факторы позволяют сотрудничеству придать новое качество региональному пространству. Сдерживание того или иного фактора может служить инструментом соперничества. Деревья решений П. Хаса и Т. Элли демонстрируют, какое именно инструментальное содержание доступно актору при выборе тактики конкуренции или кооперации, и упрощают оценку последствий выбора. Наконец, наличие внутренних ресурсов в виде развитой экономики и сильной армии, внешних ресурсов в виде доверия, оценка ожидаемых изменений статуса-кво с точки зрения их соответствия интересам, выраженным в приобретении относительного преимущества, — ключевые факторы, связывающие эти модели и позволяющие снизить неопределенность относительно склонности актора к сотрудничеству или соперничеству.

Глава 2. Модели институционального регионализма применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону как подсистеме

Многообразие политических, экономических и социальных взаимодействий, протекающих в пределах ограниченного Восточной Азией и Тихим океаном пространства, встречается в научном дискурсе под несколькими названиями. Выбор того или иного названия определяется тем, какой вектор развития региональных процессов необходимо исследовать для выполнения поставленной задачи. АТР с точки зрения конфигурации процессов сотрудничества и соперничества является довольно размытым понятием, так как обычно не ограничивается одними лишь странами, имеющими выход к Тихому океану на обеих его сторонах. Определять его средствами физической географии, через наличие выхода к Тихому океану, некорректно: принадлежащий к АТР Лаос со всех сторон окружен сушей. Близость того или иного государства к акватории — столь же ненадежный критерий, так как нет предпосылок для его объективного определения, а без него нельзя сколь-либо точно обозначить периферию. К тому же, в поле зрения попадут страны, практически не вовлеченные в региональные процессы из-за ограниченности своих внутренних ресурсов или удаленности от центров интеграционной активности.[170] Наличие выхода к Тихому океану лежит в основе понятия Тихоокеанское кольцо (Pacific Rim), встречающегося в иностранной литературе как развитие геополитической концепции Римлэнда, разработанной Н. Спайкманом.[171] Этот регион не включает Лаос, но включает КНДР, чье участие в региональной интеграции минимально. Концепция АТРАМ, используемая специалистами ДВФУ, может представляться как расширительная трактовка АТР, так и эквивалентное ему понятие, поскольку интерпретируется как «АТР плюс тихоокеанские страны Северной и Южной Америки». Наконец, существуют понятия Тихоокеанская Азия и Большая Восточная Азия, обозначающие скорее вектор развития региональных экономических и политических процессов со стороны государств, имеющих выход к Тихому океану, к сопредельным странам, все больше зависящим от локомотивов экономического роста.[172]

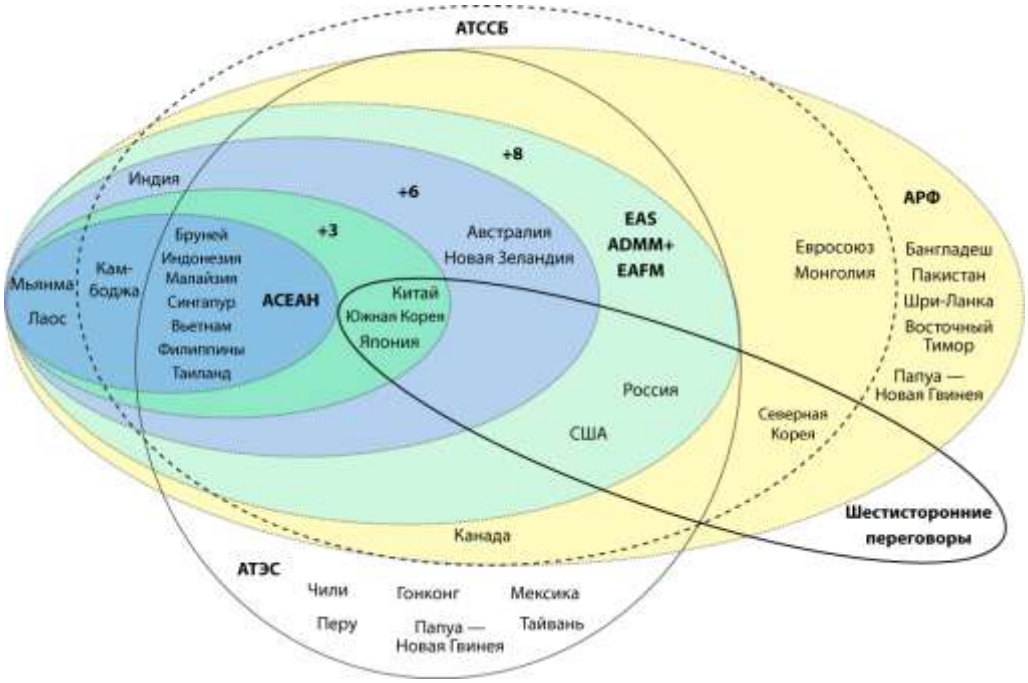
[170] См. напр. Воскресенский А.Д. Восточная Азия и/или АТР: состав региона // Современные международные отношения и Мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Просвещение, 2004. — С. 408–426

[171] Rosenberg, M. Pacific Rim and Economic Tigers [Электронный ресурс]. / M. Rosenberg. — 2017. — Режим доступа: https://www.thoughtco.com/pacific-rim-and-economic-tigers-1435777 (дата обращения: 31.04.2019)

[172] См. подробнее: Кожин Е.Г. Методологические особенности исследования пространства Азия — Тихий океан как региональной системы // Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы. Сборник статей / Отв. редактор проф. М.А. Кукарцева. — М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. — С. 13-19.

Универсальный, общепринятый и отвечающий любой исследовательской задаче подход к определению точного состава АТР отсутствует и, по всей видимости, невозможен. В сущности, эта проблема в той или иной степени встречается в исследованиях любого региона, поскольку это понятие относится к социальным конструктам.[173] Более того, в состав АТР наравне с государствами могут входить другие единицы: один из наиболее крупных и старых региональных институтов, АТЭС, объединяет не государства, а «участвующие экономики». 21 экономическая единица объединяет 2,8 млрд человек, обеспечив в 2015 году 59% мирового ВВП и 49% мировой торговли.[174] Инновационность в политических решениях — таких, как объединение экономик вместо государств — лишь один из примеров специфики изучаемого региона, на пути к интеграции не принимающего в чистом виде готовые решения, характерные для других региональных подсистем, в первую очередь европейской. Однако АТР не исчерпывается экономиками АТЭС: разные организации и исследователи включают в его состав от 15 до 61 государства.[175]

Таким образом, институциональный регионализм представляется самым компромиссным способом определить состав АТР. Во-первых, региональные институты естественным образом формировались исходя из географической близости к Тихому океану. Во-вторых, для каждого из них известно точное количество участников. В-третьих, количество региональных институтов, в которых участвует государство, позволяет судить о нем как о части ядра или периферии с точки зрения регионализма АТР.

[173] Головнева Е.В. Регион как социальный конструкт. — Социум и власть. № 6 (56), 2015. — С. 58–63

[174] APEC Achievements and Benefits [Электронный ресурс]. / APEC. — 2015. — Режим доступа: http://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Achievements%20and%20Benefits (дата обращения: 31.04.2019)

[175] Мишина С.И. Стратегия КНР в интеграционных процессах в АТР…

Рис. 13. Диаграмма, включающая основные институты АТР

В диаграмме представлены основные институты, влияющие на ход регионализма АТР с точки зрения упорядочивания пространства и самоорганизации ее участников против вызовов и угроз, генерируемых региональной и глобальной средой. Определим в качестве ядра региональной подсистемы зону с наибольшим количеством пересечений, где находятся наиболее активные участники структурирования регионального пространства. Способность участвовать в создании регионального сообщества зависит от ресурсов, которыми располагает актор, и наличия соответствующего интереса. Следовательно, чем меньше институтов, в которых состоит то или иное государство, тем ближе оно к периферии Азиатско-Тихоокеанского регионализма с точки зрения его институционального измерения. Экономическое сообщество АСЕАН способно выступать в качестве субъекта региональных процессов и создавать от своего имени новые институты, включающие не состоящие в Ассоциации страны. Поэтому АСЕАН является одновременно одним из центров притяжения интеграционной активности и самостоятельным актором регионализма. Из диаграммы также видно, что второй центр притяжения — Северо-Восточная Азия.

Периферийное положение Индии и КНДР служит дополнительным свидетельством невозможности определить однозначный и универсальный подход к содержанию АТР. Индия имеет довольно тесные связи с интеграционными процессами в АТР: участие в финансовых инициативах АСЕАН, создание зоны свободной торговли с этой организацией показывает, что Индия обладает сопоставимым объемом внутренних с КНР, Японией и РК. С другой стороны, у нее нет ни претензий на региональное лидерство, ни однозначно дифференцируемой политики по отношению к лидерству со стороны имеющихся претендентов. КНДР, в свою очередь, хотя и изолирована из интеграционной повестки, является важным системообразующим фактором для формирования регионального комплекса безопасности. Ядерная и ракетная программа угрожают одинаково региональным позициям Китая, Японии и РК. Так, например, агрессивная риторика КНДР в отношении РК и Японии легитимизируют ответные меры по безопасности со стороны этих стран, которые одновременно вызывают беспокойство у КНР. Таким образом, чтобы лишить РК и Японию возможности строить единую подсистему безопасности, которая будет (вне зависимости от наличия соответствующей политической воли со стороны этих государств) направлена заодно против Китая, это государство вынуждено искать или создавать общее пространство для взаимодействия со своими соседями, а также с США. При этом новый формат сотрудничества должен содействовать КНР в отстаивании позиций без нарушения интересов партнеров. Исходя из этих предпосылок Китай безуспешно стремится возродить Шестисторонние переговоры. В результате северокорейская ракетная и ядерная программа способствует развитию гонки вооружений, что наносит ущерб международному

сотрудничеству в области безопасности и подрывает региональное доверие: в условиях тщетности использования инструментов сотрудничества единственной альтернативой становится наращивание военной мощи.

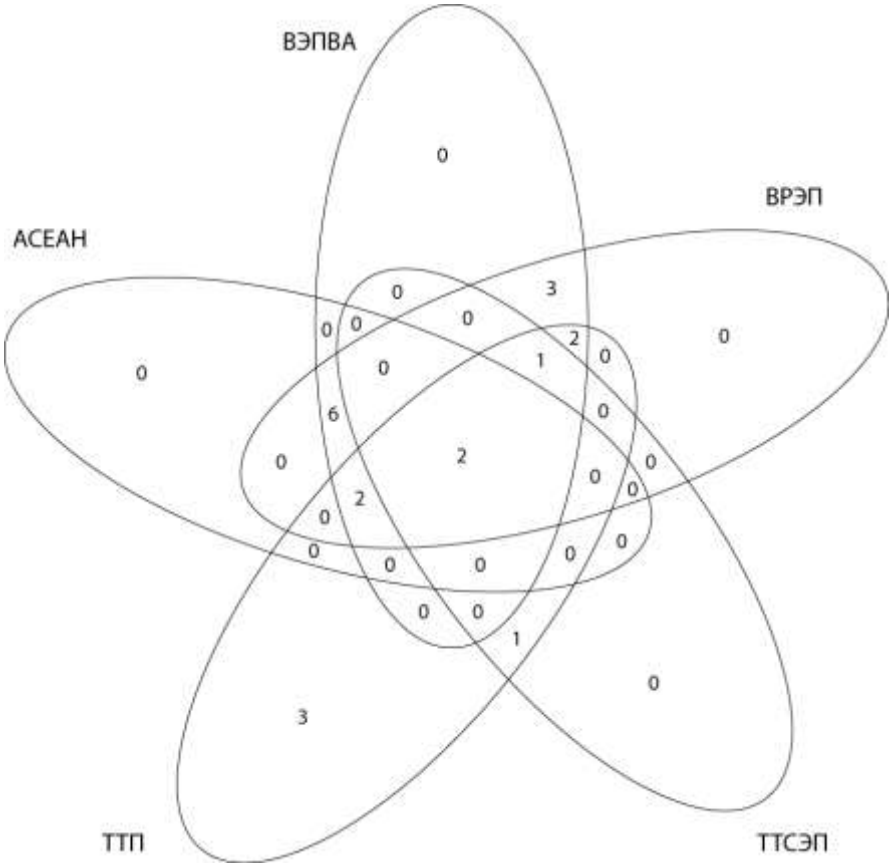

Рис. 14. Диаграмма Венна для взвешенных пересечений между некоторыми институтами АТР

Этот инструмент визуализации также позволяет увидеть некоторые особенности участия государств АТР в региональных институтах и судить об их вовлеченности в регионализм. К примеру, мы видим, что два государства Юго-Восточной Азии (Сингапур и Бруней) проявляют особенную заинтересованность в институтах, предлагающих различные варианты многостороннего режима свободной торговли. Нет ни одного государства, которое одновременно не состояло бы в АСЕАН и не участвовало во ВРЭП, однако есть 3 государства, не состоящие в АСЕАН и участвующие в ТТП. Количество подобных пересечений, помимо прочей информации, помогают оценить «закрытость» тех или иных инициатив.

С востребованностью АТР и входящих в него субрегионов в академических исследованиях может конкурировать только Европа, и с каждым годом внимание к Азиатско-Тихоокеанскому регионализму увеличивается по мере роста параметров, определяющих его экономическое, политическое, социальное значение в глобальной перспективе. Множество противоречий, существующих в регионе, создают богатую базу для инициатив, формируемых как правительствами, так и гражданскими обществами и представителями бизнеса. Из-за этого

в регионе наблюдается наиболее интенсивное институциональное строительство по сравнению с остальным миром.

Марк Бисон из Университета Бирмингхэма при изучении факторов, присущих АТР в условиях гегемонии США в глобальной политике, выделяет несколько явлений, позволяющих судить о наличии регионализма АТР как такового и об отличительных его свойствах. Он замечает, что политическое руководство стран Восточной и Юго-Восточной Азии схоже в своем мнении с позицией центральноазиатских стран в том, чтобы не допустить утраты суверенитета из-за участия в региональных институтах.[176] Однако из-за того, что обретение ими независимости и начало процесса национального строительства состоялись гораздо раньше, им проще сформировать атмосферу доверия. В свою очередь, к ценностям, которые делают это доверие возможным, относятся консенсус, добровольный характер участия и невмешательство во внутренние дела. Более того, страны Юго-Восточной Азии изначально организовались для того, чтобы препятствовать доминированию более крупных держав во время холодной войны, поэтому успели сформировать определенную культуру региональных отношений. Этот опыт может быть перенесен на другие похожие субрегиональные и масштабирован для более крупных общностей, но для его усвоения потребуется время.

Специалисты Всемирного банка (ВБ) Майлз Маккеена и Суорним Уэйгл уверены, что регионализм АТР уже сформирован настолько, что общность начинает создавать новые региональные правила, не сводимые к какой-либо отдельной стране региона.[177] Они показывают, что помимо американской и китайской перспективы относительно того, как должен развиваться АТР и мир, существует и собственная региональная точка зрения — во всяком случае, в торговом регионализме. Она заключается в том, что страны региона прагматично подходят к выбору интеграционных инициатив и понимают, что не всякий инструмент, создающий свободную торговлю, на самом деле окажется для них выгодным. Политические руководства региональных стран склонны верить, что их благосостояние зависит от регионального, а значит, этой цели должны быть подчинены любые институты вне зависимости от того, чей подход они воплощают.

Для того, чтобы концептуализировать сложный характер региональной общности, складывающейся между странами АТР, некоторые ученые стремятся дополнять имеющиеся понятия и вводят новые. Например, Р.В. Ху из Университета Гонконга оперирует термином

---

[176] Beeson, M. East Asian Regionalism and the End of the Asia-Pacific: After American Hegemony [Электронный ресурс]. / M. Beeson // The Asia-Pacific Journal. — 2008. — Vol. 7 Iss. 2 № 2. — Режим доступа: http://apjjf.org/-Mark-Beeson/3008/article.html (Дата обращения: 31.04.2019)

[177] Wagle, S., McKenna, M. Trade Regionalism in the Asia-Pacific: New Game, Old Rules? [Электронный ресурс] / S. Wagle, M. McKenna. — World Bank. — 2013. — Режим доступа: http://blogs.worldbank.org/trade/trade-regionalism-asia-pacific-new-game-old-rules (Дата обращения: 31.04.2019)

«гибридный регионализм», внедренным П. Катценстайном и Т. Сираиси.[178] Гибридность региональных процессов заключается в высокой степени влияния со стороны негосударственных акторов. Развивая эту идею, Ху показывает, что совместное участие государства, гражданского общества и предпринимателей создают три вектора, вокруг которых формируется самоорганизация региона. Во-первых, сам регионализм — создание институтов, в первую очередь таких, как АСЕАН, для обеспечения трансграничных экономических, политических и социальных процессов. Во-вторых, интеррегионализм — укрепление сотрудничества на межрегиональном уровне, например, АСЕМ, который обеспечивает взаимодействие АТР и ЕС. В-третьих, трансрегионализм — это совокупность процессов, сохраняющих устойчивость регионального сотрудничества вне зависимости от политической воли государств и региональной конъюнктуры. Иными словами, при охлаждении отношений между двумя государствами получатели выгод от их взаимозависимости не утрачивают достигнутых успехов. Это очень важная практика для региона, государства которого не преодолели исторические разногласия и имеют расхождения по вопросам безопасности.

Между тем, процессы, делающие трансрегионализм возможным, очень уязвимы к политическому вмешательству, и эффективность даже такого инструмента может быть нивелирована целенаправленными действиями. На это обращает внимание М. Саттон из Университета Рицумэйкан, который в своей работе подвел итоги 50 годам региональной интеграции в АТР.[179] Он выделяет три проблемы, которые сопровождают институционализацию регионального сотрудничества в АТР. Во-первых, факт наличия параллельно развивающихся в рамках одного и того же института переговорных процессов, нацеленных на достижение одних и тех же целей, замедляет принятие и осложняет исполнение решений. Во-вторых, страны склонны институционализировать свое экономическое сотрудничество в первую очередь с помощью зон свободной торговли, но не всегда этот инструмент действительно отвечает стоящим перед странами проблемам. В-третьих, из-за распространенности практики взаимодействия на уровне «институт — государство» (например, АСЕАН и Китай) региональным акторам приходится очень выборочно относиться к тому, какие государства вовлекать в свои инициативы, так как в отношениях между ними тоже могут быть проблемы.

Как уже было сказано выше, АТР по организационной сложности приближается к Евросоюзу и при этом обладает самобытными чертами[180]. Из-за этого большой интерес для ученых представляет сравнение этих двух региональных подсистем. Сравнительную

[178] Hu, R.W. Op. cit.
[179] Sutton, M. Op. cit.
[180] Байков А.А., Сравнительная интеграция…, С. 229

перспективу проясняют выводы, сделанные сотрудником Азиатского банка развития (АБР) Дж. Капаннелли в исследовании для Восточноазиатского форума.[181] По его словам, Европа и АТР могут обогатить интеграционную практику друг друга, при этом Европе следует перенять у АТР гибкость структуры производства и рынка труда и принять более открытую модель регионализма, перестав существенно ограничивать нерегиональных акторов. В свою очередь, странам АТР нужно научиться разделять решения, принимаемые большинством и с помощью консенсуса, обеспечить больший вес малых стран в процессе принятия решений, создать условия для того, чтобы исполнение взятых обязательств стало более прозрачным.

Ю. Шчудлик-Татар из Польского института международных отношений отмечает, что проблемы интеграционного развития АТР, о которых писали в конце 2000-х годов, еще не решены.[182] В частности, непреклонная позиция по недопущению лидерства какого-либо государства в региональных делах закрывает доступ к преимуществам, которые подразумевает наличие лидера (как, например, в случае с Францией и Германией в Евросоюзе). Интенсивное институциональное строительство приводит к тому, что возникает множество неэффективных переговорных площадок, которые сменяют друг друга в зависимости от позиций стран, их инициирующих. Это частично ограничивает способность новых потенциально эффективных институтов завоевать доверие. Еще одно уязвимое место регионализма АТР связано с тем, что интеграционные процессы не перетекают из одной области в другую. Например, изначальное желание стран Юго-Восточной Азии обеспечить свою безопасность в условиях биполярного противостояния привело к действиям, спровоцировавшим эффект переливания, и фокус многосторонних отношений был перенесен из военно-политической сферы в экономику. Но в 2016 году, несмотря на большие достижения в экономике, повторить эффект не удается, и даже возникшее Экономическое сообщество АСЕАН преимущественно сконцентрировано на благосостоянии.

Недостатки регионального сотрудничества в АТР подчас обнаруживаются в неожиданных областях. Например, Х. Хироюки из Университета Токио, опираясь на разработанные им эконометрические модели, отказался от установления связи между регионализмом и регионализацией.[183] В своем исследовании под регионализмом он понимает совокупность зон преференциальной торговли (деятельность только государственных акторов),

---

[181] Capannelli, G. Asian regionalism: How does it compare to Europe's? [Электронный ресурс]. / G. Capannelli. — East Asia Forum. — 2009. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2009/04/21/asian-regionalism-how-does-it-compare-to-europes/ (Дата обращения: 31.04.2019)

[182] Szczudlik-Tatar, J. Regionalism in East Asia: A Bumpy Road to Asian Integration [Электронный ресурс]. / J. Szczudlik-Tatar // Policy paper. — 2013. — No. 16 (64). — Режим доступа: https://www.pism.pl/files/?id_plik=14176 (Дата обращения: 31.04.2019)

[183] Hiroyuki, H. Regionalization and Regionalism in East Asia [Электронный ресурс]. / H. Hiroyuki. — Institute of Social Science, The University of Tokyo. — 2012. — Режим доступа: http://www.iss.u-tokyo.ac.jp/publishments/dpf/pdf/f-162.pdf (Дата обращения: 31.04.2019)

а под регионализацией — результат роста экономической взаимозависимости между странами (деятельность государственных и негосударственных акторов). Произведенные им расчеты демонстрируют, что создание зон преференциальной и свободной торговли не всегда подходит для решения стоящих перед странами экономических задач.

Еще одно неожиданное заключение делает специалист Совета по международным отношениям Джеффри Райт, рассматривая АСЕАН одновременно как двигатель и препятствие региональной интеграции.[184] В первую очередь он скептично относится к возможности поддерживать один из базовых принципов сообщества, — принятие решений на основе консенсуса, — в условиях создания все более сложных институтов. По его словам, если этот подход полностью оправдывал себя, когда государствам было необходимо преодолевать разногласия ради сокращения возможных издержек, то в настоящее время, в отсутствие явных и значительных угроз их политической и экономической стабильности, им будет очень тяжело определиться с дальнейшим вектором своей совместной эволюции. Таким образом, каждое последующее решение будет требовать все больше и больше усилий. В то же время Азиатско-Тихоокеанский регионализм очень сильно зависит от постоянных изменений в сторону более совершенных форм сотрудничества, и снижение темпов развития этого процесса наносит ущерб всей подсистеме.

Конкурентная сущность регионализма в АТР проявляет себя через борьбу между различными экономическими и политическими моделями за то, чтобы стать фундаментом формирующегося регионального сообщества. На протяжении 2010-х годов регион пребывал в условиях видимого противоречия между интересами КНР и США, обладающих разными политическими режимами, оперирующих разными подходами к сочетанию средств внутренней и внешней политики в отношениях с другими странами, непохожими взглядами на отношения государства и рынка, а также на правила торговли. Различия по последнему пункту особенно заметно отражаются в создаваемых региональных институтах и служат триггером возникновения конкурентной динамики между ними. Например, Клод Барфилд из Американского института предпринимательства воспроизводит ретроспективу того, как Китай в первой половине 2010-х годов реагировал на успехи переговорного процесса по ТТП.[185] Он обратил внимание на изменение Китаем собственного положения в структуре внешней торговли стран, наиболее важных с экономической точки зрения для ТТП. Определив, что

[184] Wright, J.A. Rising Regionalism: Trends in Southeast (and Wider) Asia [Электронный ресурс]. / J.A. Wright. — Council on Foreign Affairs. International Institutions and Global Governance Program. — 2013. — Режим доступа: http://www.cfr.org/content/publications/attachments/Rising_Regionalism_Meeting_Note_11-15-13.pdf (Дата обращения: 31.04.2019)

[185] Barfield, C. The United States and East Asian Regionalism: Competing Paths to Integration [Электронный ресурс]. / C. Barfield // International Journal of Korean Studies. — 2012. — Vol. XVI, No. 2 — Режим доступа: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2013/01/-the-united-states-and-east-asian-regionalism-competing-paths-to-integration_145424278672.pdf (Дата обращения: 31.04.2019)

таким странам придется очень осмотрительно выполнять обязательства по новому институту, чтобы не навредить своим отношениям с Китаем, он отмечает невозможность делать точные прогнозы, но приходит к выводу, что сложившаяся подсистема должна была стать организованной и устойчивой к экономическим и политическим издержкам.

Отдельным интересным компонентом регионализма в АТР является совокупность процессов регионального сотрудничества между островными государствами Тихого океана. Некоторые исследователи рассматривают этот субрегион как АТР в разрезе. Например, Рубен Азизян и Карлитон Крэмер из Гавайского Университета выделяют ценностно-нормативный компонент в том, как институты сочетают общемировую повестку по глобализации с интересами малых стран.[186] В первую очередь этот интерес лежит в плоскости безопасности. В частности, глобальное потепление приводит постепенному исчезновению некоторых островных государств под водами Тихого океана. Международное сообщество заинтересовано в том, чтобы это не произошло, причем не только из-за своего стремления сохранить культурное разнообразие и подтвердить свою способность защищать малые страны. Есть и сугубо прагматический интерес: острова Тихого океана — это единственное средство создания транспортной инфраструктуры, соединяющей Америку и Азию, а также военной инфраструктуры, позволяющей сохранять контроль над торговыми маршрутами (практически все островные государства Тихого океана не могут позволить себе иметь военный флот). Этот фактор делает «островной регионализм» специфичным в терминах схожести условий и проблем входящих в него стран.

Здесь следует отметить, что «островной регионализм» обладает историей более давней, чем, например, институциональная среда, которую создает АСЕАН в своем субрегионе АТР. Тихоокеанское сообщество, объединяющее США, Францию, Австралию и Новую Зеландию, а также 22 островные экономики, появилось в 1947 году как Южнотихоокеанская комиссия.[187] В 1971 году возник Южнотихоокеанский форум (сейчас — Форум тихоокеанских островов), занимающийся вопросами экономического сотрудничества, безопасности, социального развития и защиты окружающей среды.[188] На основе этих институтов были успешно внедрены режимы свободной торговли под эгидой таких соглашений, как Южнотихоокеанское соглашение о региональной торговле и экономическом сотрудничестве, Торговое соглашение тихоокеанских островных стран (PICTA / ПИКТА), в настоящее время подписано, но еще не

[186] Azizian, R. Cramer, C. Regionalism, Security & Cooperation in Oceania [Электронный ресурс]. / R. Azizian, C. Cramer. — Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies. — 2015. — Режим доступа: http://apcss.org/wp-content/uploads/2015/08/Regionalism-Security-Cooperation-Oceania.pdf (Дата обращения: 31.04.2019)

[187] South Pacific Commission [Электронный ресурс] / National Library of Australia. — Режим доступа: https://www.nla.gov.au/selected-library-collections/south-pacific-commission (дата обращения: 16.05.2019)

[188] The Pacific Islands Forum [Электронный ресурс] / Pacific Islands Forum Secretariat. — Режим доступа: https://www.forumsec.org/who-we-arepacific-islands-forum/ (дата обращения: 16.05.2019)

вступило в силу Тихоокеанское соглашение о более близких экономических отношениях (PACER Plus).

Либеральная исследовательская перспектива подразумевает, что существенные ограничения для сотрудничества в АТР будут группироваться вокруг индивидуальных особенностей каждого участника и совместно накопленного наследия в виде исторической памяти. Во-первых, Китаю и США как крупнейшим экономикам мира и АТР трудно договориться между собой не только потому, что они не позволят друг другу приобрести относительное преимущество, но и в силу несовместимости принятых моделей внутреннего развития. Азиатско-Тихоокеанский регионализм вообще характеризуется высоким уровнем гетерогенности в культурной, религиозной, языковой, политической и экономической областях, а успех институционализации напрямую зависит от готовности находить способы сочетания этих различий. Во-вторых, региональная подсистема в целом единодушна в своем стремлении не допустить нового витка нарушений суверенитета ее участников со стороны внерегиональных лидеров. Особенное место эта предпосылка занимает в политической риторике Китая, понесшего значительный ущерб от неравноправных договоров. Однако колониализм в АТР приобретал совершенно разные очертания. К примеру, Таиланд никогда не был европейской колонией, в то время как сам потерял контроль над Лаосом и Камбоджой, а также некоторое время находился под оккупацией Бирмы. Другие же государства региона находились в орбите интересов Китая в имперский период.

Многочисленные и разнонаправленные процессы региональных интеграционных взаимодействий и регионализации АТР, формирующие такое явление, как Азиатско-Тихоокеанский регионализм, на первый взгляд представляются неупорядоченными и не подчиненными какой-то единой логике. В самом деле, даже если исключить из рассмотрения негосударственные акторы, то современный Азиатско-Тихоокеанский регионализм, будучи сведенным таким образом лишь к совокупности внешнеполитических курсов государств АТР и их участию в региональных институтах, по-прежнему будет оставаться сложной исследовательской единицей. Вызвано это тем, что региональная политика государств, во-первых, производится на нескольких уровнях (двух-, трех- и многосторонние контакты), во-вторых, может быть подчинена достижению разных задач в различные периоды времени.

Как уже отмечалось выше, внешняя политика государства по отношению к регионализации/региональным интеграционным взаимодействиям — это в первую очередь политика строительства институтов, с помощью которых данное государство могло бы обеспечивать свои национальные интересы. Таким образом, региональные процессы уместно рассматривать с помощью концепции институционального регионализма. В случае с Азией — Тихим океаном возникает вопрос: являются ли региональные институты АТР комплексом или

подсистемой? С одной стороны, число региональных институтов очень велико, нередко сферы их компетенции пересекаются. Интеграцию АТР определенно нельзя назвать упорядоченным процессом: одни страны сосредоточены на формировании зон свободной торговли (начальный этап региональной интеграции по Б. Балассе), другие уже вплотную приблизились к созданию экономического союза (Сообщество АСЕАН). Для АТР характерны ситуации, когда одно и то же государство находится на разных этапах интеграции со своими партнерами, когда интегрируются экономики государства и целой региональной группировки. Участие в институтах (как и их создание) нередко становится не только средством развития взаимозависимости, но и способом замедления процессов регионализма. Все эти особенности ограничивают возможность рассмотрения региональных институтов АТР как подсистемы.

С другой стороны, нельзя сказать, что регионализм АТР полностью лишен системных признаков. Во-первых, велики ожидания от процессов регионализации и региональных интеграционных взаимодействий как у самих участников, так и у внешних (по отношению к АТР) государств и региональных групп. Во-вторых, объединение государств в институты и само по себе институциональное строительство — это пример самоорганизации, а наличие самоорганизации присуще сложным системам. В-третьих, конкуренция между интеграционными проектами в АТР подчиняется определенным закономерностям. Поскольку одно и то же государство нередко состоит сразу в нескольких региональных объединениях, усиление одного из них всегда сопровождается снижением активности альтернативных инициатив. Сторонники институтов, позиции которых ослабляются, начинают, в свою очередь, предпринимать симметричные сдерживающие действия. Типичный пример — эволюция институтов АСЕАН+3 (на основе которого возникла ВАЗСТ,[189] китайская инициатива по зоне свободной торговли) и АСЕАН+6 (выступивший фундаментом для японской реакции в виде ВЭПВА,[190] в дальнейшем трансформировавшегося во ВРЭП[191]). Динамика реорганизации имеющихся институтов и строительства новых прослеживается как в развитии крупнейших региональных организаций (АСЕАН, АТЭС), так и в возникновении новых (ВРЭП, ТТП, Секретариат трехстороннего партнерства и др.).

— Страны АТР обладают богатым и разнообразным опытом институционального строительства;

— конфигурация региональных процессов складывается вокруг сразу нескольких центров притяжения;

[189] Восточноазиатская зона свободной торговли; EAFTA
[190] Всеобъемлющее экономическое партнерство для Восточной Азии; CEPEA
[191] Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство; RCEP

— региональные акторы очень сильно отличаются по уровню экономического развития, наиболее эффективные и взаимовыгодные отношения складываются между сопоставимыми по экономическим параметрам малыми и средними странами. Схожесть компенсирует недостаток информации относительно намерений партнера, который в другом случае снижал бы доверие, поэтому их отношения начинают подчиняться логике публичного выбора;

— регион представлен сбалансированным количеством угроз (источников снижения относительного преимущества) и возможностей (способов увеличения относительного преимущества), от поведения акторов по отношению к ним зависят темпы развития регионализма;

— негосударственные акторы (представители бизнеса, гражданского общества и т.д.) являются активными участниками регионализации;

— несмотря на оптимизм, регионализм в АТР содержит в себе глубокие структурные противоречия, некоторые из которых не встречаются в других региональных подсистемах, что ограничивает возможность их разрешения средствами практик, сложившихся в уже существующих институтах.

2.1 Институциональное измерение Азиатско-Тихоокеанского региона как подсистемы.

Азиатско-Тихоокеанский регионализм возник под влиянием роста региональной сплоченности в Европе и в силу необходимости обеспечивать суверенитет в условиях холодной войны, а продолжает свое развитие в русле недопущения появления регионального лидера с неоспоримым относительным преимуществом. Поэтому специфика Азиатско-Тихоокеанского регионализма такова, что тенденции его развития не задаются гегемоном или коллективной волей государств с наибольшим относительным преимуществом. Более того, эти государства (КНР, РК, Япония, США) сами по себе находятся в сложных отношениях, сочетающих одновременно элементы глубокой взаимозависимости и ожесточенного соперничества. В результате фокус институционального сопровождения регионализма смещен в группу малых и средних стран Юго-Восточной Азии, составляющих АСЕАН. Принимаемые решения по институциональному строительству, как и в других региональных пространствах, относятся к юрисдикции исполнительной ветви власти. Упорядочивание регионального пространства путем институционализации отношений между его участниками постепенно увеличивает их связность. При этом существует вероятность, что «Формирование однородности в Азии представляет собой не столько начальную стадию интеграции, сколько один из возможных ее результатов».[192]

[192] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Указ. соч., с. 106

Независимо от того, в какой сфере производится институциональное строительство — в военно-политической или экономической — его развитие коррелирует с темпами регионализма, а поведение участников подчинено недопущению изменения статуса-кво в пользу одного из них. Иными словами, чем более активная деятельность по формированию институтов регионализма и региональных интеграционных взаимодействий производится в пользу одного из государств или региональных групп АТР, тем более активную аналогичную деятельность предпринимают конкурирующие государства или региональные группы. В обеих областях сотрудничества центр тяжести институционального строительства приходится на двусторонние форматы.

2.1.1 Военно-политический аспект.

Ранние очертания регионального сообщества возникли из-за необходимости обозначить и упорядочить отношения между государствами, которые в условиях холодной войны были неспособны самостоятельно противостоять СССР, США и КНР. Страны-основатели АСЕАН, подписав в 1976 году Декларацию согласия, обозначили в качестве основного приоритета в сотрудничестве недопущение гегемонии внешних акторов в Юго-Восточной Азии. Следствием этой политики стало недоверчивое отношение к инициативам по созданию постоянно действующих союзов и блоков в области безопасности, и сотрудничество ограничивалось созданием институтов, выполнявших консультационной функцию. Консультации в рамках АСЕАН способствуют региональному доверию, компенсируя недостаток информации о происходящем и о намерениях участников. Члены Ассоциации знают, что недостаток внутренней согласованности даст возможность более крупным, чем каждый из них по отдельности, региональным и мировым акторам нанести ущерб фактической и институциональной целостности этой организации.[193]

На устойчивые военные соглашения полагаются пять держав региона: Австралия и Новая Зеландия (АНЗЮС), Япония, Республика Корея, Филиппины, и партнером каждого из них являются США. У Соединенных Штатов есть и менее формализованные соглашения с рядом стран региона. Например, право на посадку и дозаправку на таиландской авиабазе У-Тапао, считающейся крупнейшим логистическим узлом в регионе для военных операций США. Подобные договоренности обычно оформляются в виде совместных деклараций.

С военно-политической точки зрения в регионе есть два центра притяжения — совокупность институтов (принимающих форму от двусторонних соглашений до крупных

[193] Acharya, A. The evolution of ASEAN norms and the emergence of the ‘ASEAN Way’ // Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the problem of regional order / A. Acharya. — London: Routledge, 2003. — Pp. 47–99. — Режим доступа: https://fmc90.files.wordpress.com/2010/05/constructing-a-security-in-asean.pdf (дата обращения: 31.04.2019)

организаций вроде АРФ) на базе АСЕАН и США. В условиях возможности выбора страны способны придерживаться одной из трех линий поведения:

1) Опираться в целом на АСЕАН (Вьетнам, Камбоджа, Лаос и др.)

2) Опираться в целом на США (Австралия, Новая Зеландия, Япония, Тайвань, РК, Филиппины)

3) Лавировать между АСЕАН и США сообразно стратегии поддержания баланса сил (Индонезия и Малайзия)

В действительности эти три линии поведения не применяются в чистом виде: особенность регионализма АТР — в том, что страны стабильно избегают таких юридических обязывающих решений, при которых выбор одного пути автоматически закрывает второй. Так, самопредставление Таиланда в вопросах региональной безопасности — в существенной мере следствие развития среды: в годы холодной войны наличие угрозы со стороны коммунистических Вьетнама и Китая заставило королевство сделать ставку на США, а ее окончание позволило естественным образом разделить эту функцию с институциональными решениями АСЕАН. Среди таких решений — формат сотрудничества АСЕАН+8, на основе которого возник Восточноазиатский Саммит (ВАС). Для вступления в эту организацию необходимо подписать Договор о дружбе и сотрудничестве 1976, что раньше было прерогативой только новых членов АСЕАН.

Роль Китая в военно-политических вопросах делает его не только участником, но и в определенном смысле фактором развития среды: напряженность возникает из-за связанной с этим государством исторической памяти, а его политика в отношении спорных территорий в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, рассматривается пострадавшими от нее странами, как агрессивная. Немаловажной особенностью региональной подсистемы безопасности является значительное превосходство Китая над РК, Японией и странами АСЕАН в абсолютном выражении бюджетных расходов на нужды армии и обороны.[194] Таким образом, Китай, следующий региональной практике отказа от вовлечения в военные блоки и союзы, вольно или невольно способствует консолидации регионального сообщества. С другой стороны, Китай не отказывается полностью от институционализации региональной безопасности. Признавая приоритет инклюзивности всех стран региона в формировании единой архитектуры безопасности, китайская «Новая концепция азиатской безопасности для нового прогресса в сотрудничестве по безопасности» предполагает увеличение роли Совещания по

[194] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019 [Электронный ресурс]. / Annual Report to Congress. — Office of the Secretary of Defence. — 2019. Режим доступа: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (дата обращения: 31.04.2019)

взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА);[195] из этих же соображений КНР поддержала создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), содействует возобновлению Шестисторонних переговоров по Северной Корее и сотрудничает с региональными институтами (АСЕАН, СААРК) по вопросу безопасности.

С точки зрения участия АСЕАН, КНР и США в формировании регионального комплекса безопасности в АТР наблюдается несимметричность. Например, давление на баланс отношений между государствами, задействованными в территориальных спорах, со стороны КНР толкает их на получение поддержки от США и АСЕАН. Расширение представленности американской военной мощи в регионе увеличивает беспокойство КНР и АСЕАН. КНР в ответ может только форсировать создание новых островов и использовать экономические инструменты давления на американских партнеров, т.к. не может заключать двусторонние соглашения в этой же плоскости и прямым образом компенсировать успехи американской дипломатии. АСЕАН не может принудить своих членов к единой политике по отношению к спорным территориям (у них самих есть обоюдные претензии) и военно-политическим связям с США. При этом Ассоциации невыгодно усиление ни США, ни КНР, но у нее не хватает возможностей, чтобы балансировать между этими державами как целостная политическая единица. Таким образом, несимметричность проистекает из отношения каждого из трех участников к институциональному оформлению регионального комплекса безопасности: у США есть политическая воля и актуальная способность строить профильные институты, у АСЕАН эти ресурсы ограничены, а у КНР полностью отсутствуют.[196] К примеру, Китай мог бы сделать попытку привлечь на свою сторону одну из стран, имеющих территориальные претензии к Филиппинам, связанным военным соглашением с США. Однако такая страна сама по себе обладает претензиями к КНР. Страны, не участвующие в территориальных спорах, не оценивают угрозу от Китая и США столь высоко и ограничиваются участием в институтах АСЕАН. С другой стороны, сами по себе они обладают только лишь потенциальной ценностью в качестве союзников КНР, в случае если «Жемчужная нить» перейдет из разряда геополитических замыслов в действительную стратегию.

Отсутствие возможности найти общие основания для институционализации военно-политических отношений между КНР и США таким образом, чтобы возникла устойчивая подсистема баланса сил и интересов, является источником нестабильности в регионе.[197]

---

[195] New Asian Security Concept For New Progress in Security Cooperation. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia [Электронный ресурс]. / By H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China. — 2014. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml (дата обращения: 31.04.2019)

[196] Арешидзе Л.Г. Указ. соч., с. 84

[197] Cropsey, S. The Rebalance to Asia: What Are Its Security Aims and What Is Required of U.S. Policy? / S. Cropsey. — Hudson institute. — 2014. — 28 p.

Ситуацию отягощают наличие территориальных споров, признаки гонки вооружений, неполнота информации о намерениях других участников, что в совокупности создает условия для неопределенности в военно-политических отношениях, мотивирует региональных акторов отказываться от сотрудничества и увеличивает риск выхода ситуации из-под контроля.

С другой стороны, отсутствие базовых правил поведения, специфичных для Азиатско-Тихоокеанского регионализма, в некотором смысле выгодно всем потенциальным участникам конфликта. Без ракетной и ядерной программы КНДР у США не было бы легитимных оснований предлагать своим региональным партнерам развернуть систему ПРО, хотя в большей степени стремление США внедрить ее определялось недоверием к позиции КНР по ядерным вооружениям и наращиванием военного потенциала, необходимого для реализации гарантированного ответного удара.[198] Страны АСЕАН, вовлеченные в территориальные споры с КНР, едва ли всерьез рассчитывают в ближайшее время удовлетворить свои претензии. Для них наиболее оптимальной стратегией стало снижение приобретенного Китаем относительного преимущество через создание препятствий на пути к официальному закреплению за «агрессором» островов, секьюритизацию проблемы, а полученный ущерб частично компенсирует сочувствие со стороны международного сообщества. Сама КНР в принципе не испытывает существенной потребности в оправдании высокого военного бюджета и модернизации армии, поэтому любой новый юридически обязывающий институт, направленный на снижение интенсивности гонки вооружений, может противоречить его интересам.[199] Таким образом, все субъекты формирования регионального комплекса безопасности имеют общее основание в виде конформизма со статусом-кво, что превращает процессы соперничества в порочный круг и исключает возможность для институционального строительства, направленного на создание балансирующего приобретенное КНР относительное преимущество института.

Использование доверия как институционального ресурса, нехватка которого служит причиной медленных и неравномерных темпов формирования регионального комплекса безопасности в АТР в целом и в Восточной Азии в частности, одинаково существенно для экономических и политических отношений.[200] Однако нежелание основных участников, от которых зависит конфигурация баланса сил, изменить ситуацию, делает наличие у них такой способности недостаточным условием для трансформации сложившегося порядка.

К существенным факторам среды относятся:

---

[198] Конышев В.Н., Сергунин А.А. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. № 5 (2016). — С. 165–177.

[199] Thayer, C.A. New Strategic Uncertainty and Security Order in Southeast Asia // Changing Security Dynamics in East Asia / C.A. Thayer. — Critical Studies of the Asia Pacific Series. — 2014. — pp. 127–146

[200] Арешидзе Л.Г. Указ. соч., с. 225

— Тенденция к снижению американского присутствия в регионе: America First, замена соглашения о ТТП, отказ от поворота к Азиатско-Тихоокеанскому региону, сокращение ресурсов жесткой силы.

— Растущая вовлеченность Индии в региональную экономическую интеграцию.

— Северокорейская ракетная и ядерная программа.

— Территориальные споры в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей.

— Признаки разворачивающейся гонки вооружений в Северо-Восточной Азии.

2.1.2 Экономический аспект.

Признание экономического измерения в качестве центра регионализма АТР стало общим местом как в российских, так и зарубежных региональных исследованиях.[201] С помощью институционального строительства страны региона хотели преодолеть последствия Азиатского кризиса 1997–1998 годов. Для выполнения этой цели они сосредоточили усилия на защите национальных экономик с помощью ослабления зависимости от американского доллара, а также введения режимов преференциальной торговли. Участники региональной интеграции в АТР ориентированы «на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии.[202]»

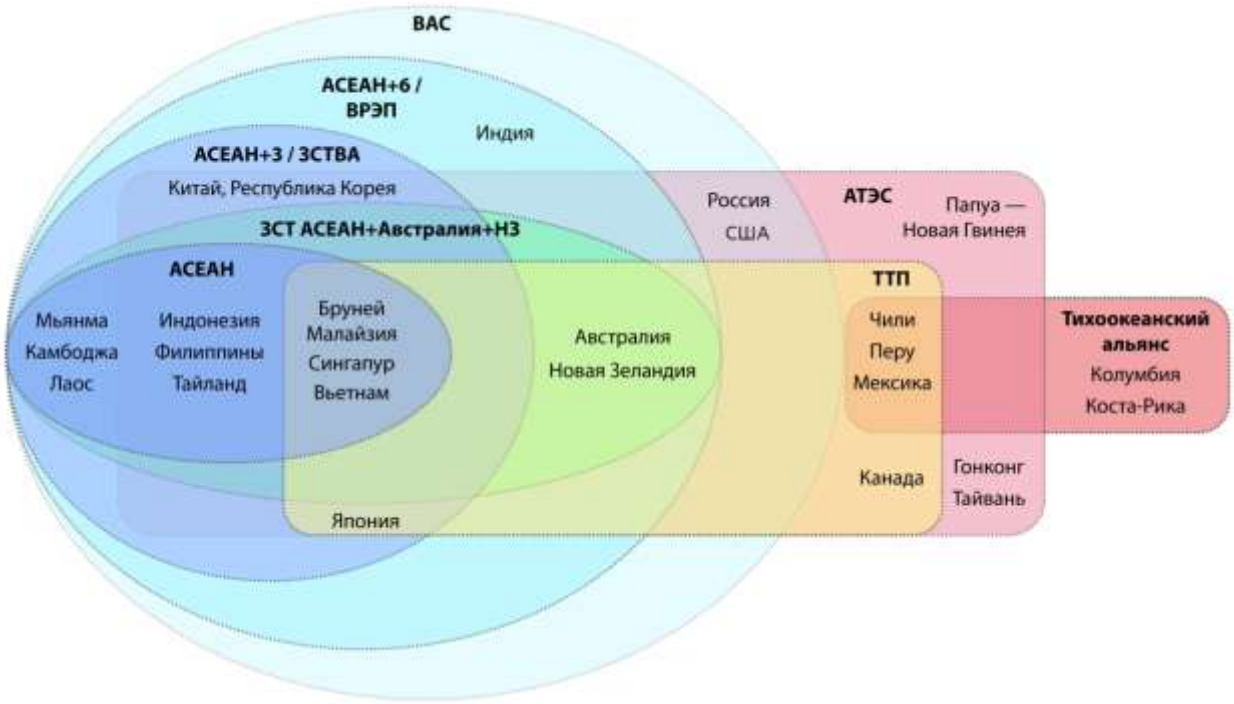

Рис. 15. Диаграмма основных экономических институтов АТР

[201] Арешидзе Л.Г. Указ. соч., с. 233
[202] Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Указ. соч., с. 103

В экономическом регионализме АТР выделяются два основных импульса — в рамках АСЕАН и треугольника КНР—Япония—РК. При этом КНР и Япония претендуют на экономическое и политическое лидерство в рамках обоих институтов, где складываются предпосылки к применению инструментов соперничества. Со стороны Японии они ограничены ее желанием снизить значимость двусторонних отношений с США и взаимодействия с глобальными институтами путем уменьшения уязвимости региональной подсистемы к деятельности внерегиональных держав и глобальной системы.[203] Возможность чередовать инструменты сотрудничества и соперничества возникла благодаря созданию условий, способствовавших росту взаимозависимости между тремя странами Северо-Восточной Азии, с одной стороны, и между каждой из них по отдельности с АСЕАН, с другой. Ассоциация и Трехстороннее сотрудничество — многосторонние институты, которые реже достигают положительных результатов, чем двухсторонние. В таком формате претендентам на региональное лидерство труднее закрепить свою региональную специализацию, к тому же, необходимо сопоставлять ожидаемые темпы роста внешней торговли с возможной выгодой конкурента от нее. Следует добавить, что представленная визуализация позволяет обнаружить аномальные «пустоты»: например, нет ни одного участника Тихоокеанского альянса, который состоял бы в АТЭС, но не в ТТП. Нет ни одного участника переговоров по ВРЭП, который состоял бы в переговорах по ВРЭП, в ВАС и в АТЭС, но при этом не состоял бы в ТТП и / или находился среди 10 членов АТЭС. В действительности обе аномалии являются результатом десятилетнего моратория на вступление в АТЭС, который истек в 2018 году, и «выпадающие» из пробелов Индия, Колумбия и Коста-Рика являются кандидатами в члены организации.

АСЕАН была заинтересована в либерализации торговли для того, чтобы стимулировать привлечение прямых иностранных инвестиций: их значимость в качестве одного из важнейших факторов экономического роста увеличилась на рубеже 1990/2000-х годов. Либерализация торговли означала также и трансформацию институционального оформления других составляющих региональных экономических отношений, в первую очередь — свободного передвижения товаров и услуг, рабочей силы, капитала и т.д. Несмотря на достигнутые успехи и опору на экономическое сотрудничество, даже в нем страны АСЕАН крайне избирательны: например, даже такой продвинутый и многомерный институт, как АЕС, не предполагает внедрения единого подхода к налогообложению или созданию общего таможенного режима,[204] так как налоги считаются прерогативой государственного суверенитета.

---

[203] Веремеев Н. Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане [Электронный ресурс]. / Международные процессы // Н. Веремеев. — 2016. — Т.14, №2 (45). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1584/9jGCFnJhjZ.pdf (дата обращения: 31.04.2019)

[204] Журавлева О.О. Проблемы взаимодействия налоговых систем Азиатско-Тихоокеанского региона // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе... — С. 139

Обобщающим для интеграционных импульсов элементом институционального регионализма является АТЭС, на базе которого региональное сообщество стремится очертить контуры такого режима свободной торговли, который аккумулировал бы весь спектр представленных в регионе мнений о предпочтительной конфигурации экономического сообщества. По количеству включенных в переговорный процесс государств этот институт превышает состав ВРЭП и ТТП, переговоры развиваются медленно, и даты, к которым планируется достичь тот или иной практический результат, постоянно сдвигаются. При этом АТЭС — институт открытого регионализма, то есть допускает дальнейшее расширение своего состава. Помимо политической инициативы государств, его появлению способствовала растущая активность неправительственных агентов на транснациональном уровне, опасавшихся, что «естественной реакцией стран Восточной Азии на новые вызовы глобализации станет ужесточение политики протекционизма».[205] Интересной особенностью этого института является обилие подинститутов — рабочих и исследовательских групп, диалоговых площадок, фондовых организаций, специализированных центров и др. В этом организация пытается быть похожей на ОЭСР, готовясь в случае приближения региональной подсистемы к очертаниям регионального сообщества наделить его множеством современных и продуманных практик по широкому спектру специализированных вопросов: развитие биотехнологий, совершенствование механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации, прозрачность рынков и многое другое. Наконец, следует отметить процедуру включения в этот институт не стран, а «участвующих экономик», что позволило расширить состав путем вступления Тайваня, Гонконга и Макао. Это важное достижение для регинализма АТР, т.к. найденное решение стало компромиссом между прагматическими соображениями и принципиальной политикой «одного Китая», а потому теоретически может быть реализовано в других региональных институтах, чью деятельность мог бы обогатить, к примеру, Китайский Тайбэй. Также АТЭС имеет в своем составе орган, который можно назвать институтом трансграничных взаимодействий неправительственных агентов — Деловой консультативный совет (ДКС), в котором работают по три представителя бизнес-сообщества каждой из участвующих экономик. В институциональном измерении это связывает регионализм и регионализацию таким образом, чтобы имелись условия для максимально упрощенного обмена мнениями между правительствами и теми, кто будет выполнять принимаемые решения.

Сотрудничество и соперничество сочетаются в процессах формирования интегрированных валютных рынков. Ослабление валютного курса может стимулировать рост экономики, поставив при этом валюту в более сильную зависимость от курса доллара. Показательно, что искусственно заниженный курс юаня вкупе с низким внутренним

[205] Арешидзе Л.Г. Указ. соч., с. 238

потреблением позволяет Китаю обходить правила ВТО и выигрывать на тарифах на импортные товары. Интеграция рынков выравнивает ценовые показатели относительно ожиданий, исходя из которых вовлеченные страны регулируют экономическую политику. Она позволяет понять, насколько велик фактор искусственного воздействия на курс валюты. Наличие взаимозависимости является инструментом, способным обеспечить баланс интересов, стратегическую стабильность и сдержанность в вопросах военно-политической безопасности. Например, зависимость Японии и РК от импорта промышленного сырья из КНР в частности и наличия выхода на восточноазиатский региональный рынок, как и зависимость Китая от торгово-экономических связей с партнерами по Северо-Восточному субрегиону и рынком АСЕАН, повышает атмосферу доверия как ресурс сотрудничества[206]. Находясь в отношениях конкуренции за относительное преимущество, претенденты на региональное лидерство знают, что их конкурент будет по возможности избегать односторонних действий, которые повлекут снижение выгоды от участия в региональных интеграционных взаимодействиях.

Большая часть активного экономического сотрудничества приходится на создание двусторонних зон свободной торговли. Участниками переговорных процессов являются не только государства, но также экономики и институты. Сеть контактов покрывает АТР по обоим берегам океана и уходит далеко за пределы этого региональной подсистемы.

[206] Vu, Truong-Minh. International Leadership as a Process: The case of China in Southeast Asia [Электронный ресурс]. / Revista Brasileira de Política Internacional // Truong-Minh Vu. — 2015. — Vol. 60, № 1. — Режим доступа: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0034-73292017000100201 (дата обращения: 31.04.2019)

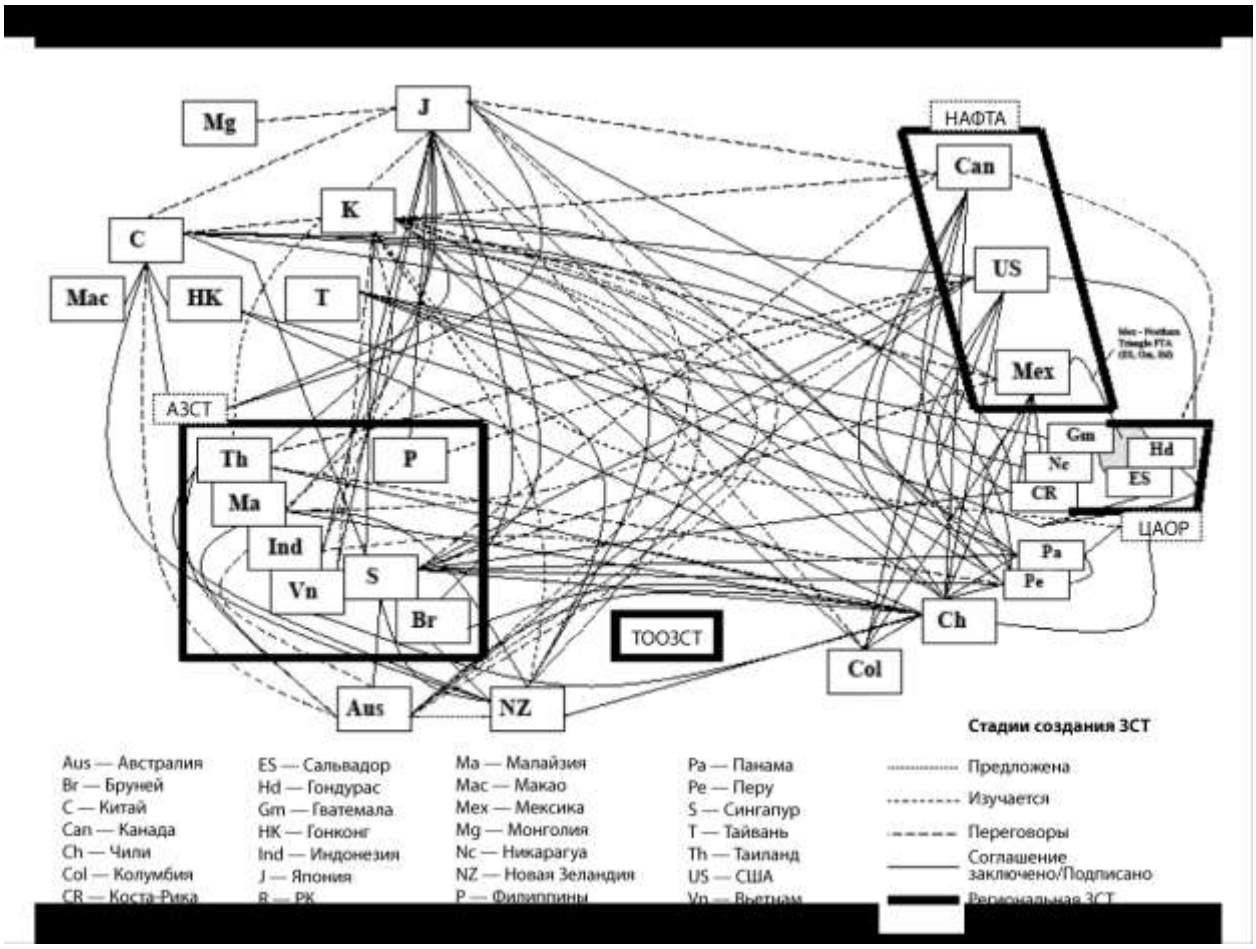

Рис. 16. Карта зон свободной торговли в АТР в середине 2013 года. Источник: Christopher M. Dent, Free Trade Agreements in the Asia-Pacific: Going Around in Circles?[207]

Существенные факторы среды:

— Неравномерность социально-экономического развития стран, участвующих в региональных процессах, и их различия в накопленном правовом наследии отражаются на функционировании и эффективности институтов.

— Странам АТР свойственно опираться на высокую роль государства в экономической политике, что создает предпосылки для более осмотрительной и продуманной институционализации секторов сотрудничества.

— Процессы интеграции валютных рынков развиваются в условиях зависимости от стремления некоторых государств региона поддерживать более низкий курс своей валюты, чем если бы он полностью зависел от рыночной конъюнктуры.[208]

[207] Dent, C.M. Free Trade Agreements in the Asia-Pacific: Going Around in Circles? [Электронный ресурс]. / C.M. Dent // International Affairs (London). — 2013. — Volume 89, number 4. Режим доступа: https://docplayer.net/38244994-Free-trade-agreements-in-the-asia-pacific-going-around-in-circles.html (дата обращения: 31.04.2019)

[208] Семилютина Н.Г. Тенденции правового регулирования инвестиционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Глобализация и интеграционные процессы в АТР…, с. 79

— Государства региона выступают одновременно как импортеры и экспортеры капитала, что создает потребность в институционализации механизмов урегулирования споров между государством и инвестором.

— Обилие инфраструктурных проектов под управлением Китая (строительство дорог, тоннелей, каналов, логистических узлов, объектов региональной энергетической системы и др.), направленных на развитие связности региона.

Отличительной особенностью и военно-политической, и экономической составляющей региональных процессов в АТР следует считать двусторонние соглашения как фактор первичной институционализации регионального сообщества. Именно правила поведения, построенные на двусторонних контактах, являются «строительным материалом» регионализма АТР: государства полагаются прежде всего на них, так как накопленный в опыт впоследствии обобщается и переносится в многосторонние инициативы. Этот тренд развит в регионе вплоть до того, что на двусторонней основе создаются новые институты между уже существующими институтами и отдельными государствами. Наиболее успешным оказался формат свободной торговли АСЕАН+1, который реализован с Китаем, Южной Кореей, Индией, Японией, а также Австралией и Новой Зеландией, причем последние две страны выступили в переговорном процессе сообща. С другой стороны, даже двусторонние инициативы по созданию свободной торговли буксуют там, где напрямую сталкиваются интересы Японии и КНР. Несмотря на очень оптимистичные экономические оценки, между этими государствами так и не создана зона свободной торговли на двустороннем или на трехстороннем (с участием РК) уровне. Из стран Северо-Восточной Азии только Южной Корее удалось договориться о свободной торговле с соседом по субрегиону, ее партнером стал Китай.

2.2 Азиатско-Тихоокеанский институциональный регионализм как объект моделирования.

Индивидуальный уровень институционального регионализма является средой, опосредующей протекающее в виде конкурентного или кооперативного поведения действие регионального актора и одну из трех основных функций региональной подсистемы, изменение которой является целью осуществления действия:

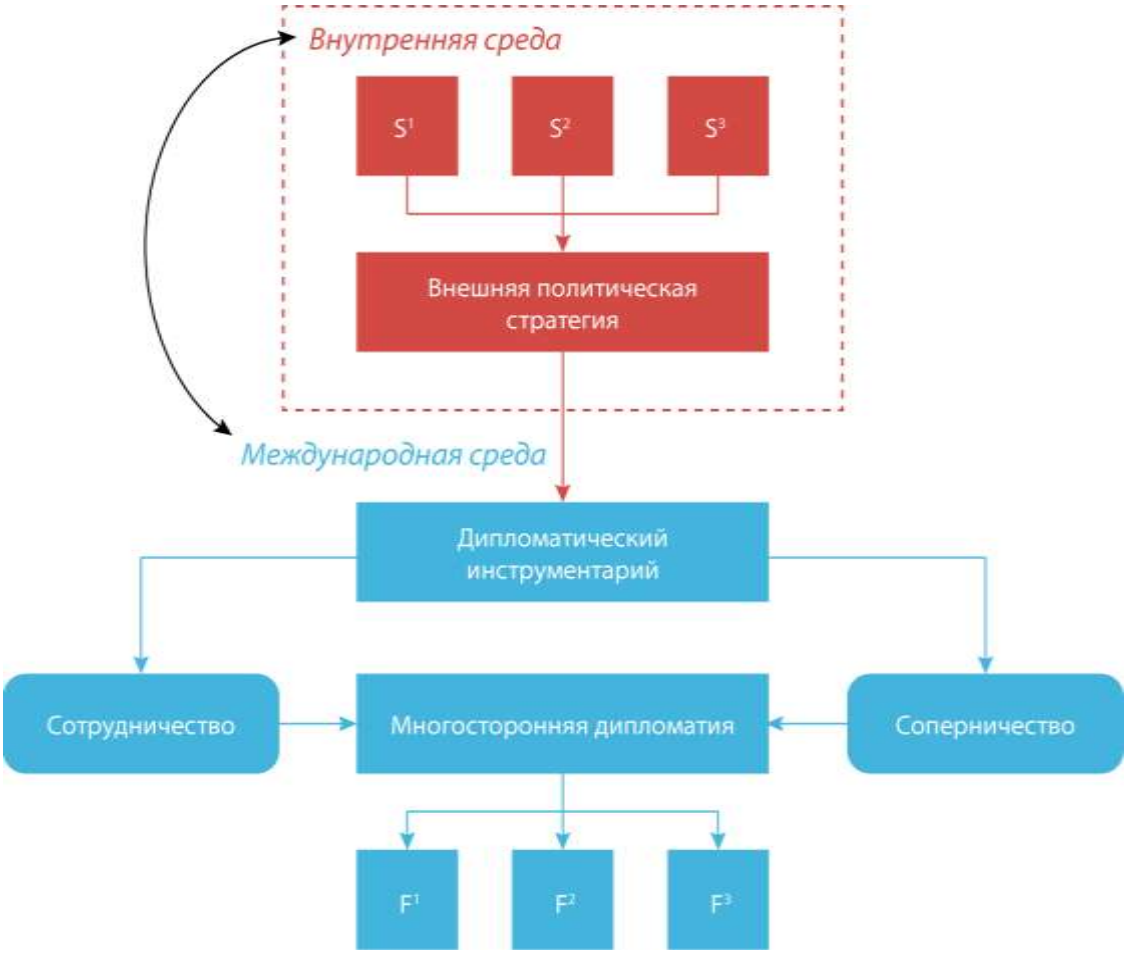

Рис. 17. Структурно-функциональная модель применения инструментов сотрудничества и соперничества в реализации внешнеполитической стратегии

В этой многомерной структурно-функциональной модели отражена взаимная обусловленность между интересами государственного актора, диктуемых его внутренним контекстом, и возможностями эти интересы обеспечить, предоставляемыми региональной подсистемой. Военно-политической структуре (S^1) соответствует функция региональной системы баланса сил и интересов (F^1), экономической (S^2) — функция региональной интеграции (F^2), социо-культурной (S^3) — функция регионального гражданского общества (F^3). Такое содержание структурно-функциональной модели построено на методологии, разработанной Б. Бузаном и Р. Литтлом в работе «Международные системы в мировой истории».[209] Региональный актор определяет свои интересы не только на основе условий среды, но и исходя из принятой внешнеполитической стратегии, в которой представлены ожидания от участия в структурировании регионального пространства. Достижение интересов, как правило, сопровождается применением дипломатических инструментов, а их выбор зависит от готовности к сотрудничеству либо соперничеству. Поскольку рассматривается

[209] Buzan B. Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / B. Buzan, R. Little. — Oxford University Press, 2000. — 452 p.

институциональное измерение, применение инструментов производится через тот или иной двух- либо многосторонний институт.

Более высоким уровням регионализма в АТР соответствуют свои характерные черты:

1) Макроэкономический и политический: английский язык доминирует в документообороте, США и Япония выступают главными поставщиками технологий,[210] наибольшее скопление внутренних институциональных ресурсов в руках Соединенных Штатов отводит им роль гаранта региональной безопасности и крупнейшего рынка сбыта для внешней торговли региональных акторов.

2) Микроэкономический: ведущая роль Японии в организации производственных сетей и стратегического планирования в промышленном развитии, ведущая роль Китая в создании новых и инфраструктурном обеспечении существующих цепей поставок.

3) Китаецентричный: КНР является главной производственной базой, постепенно уступает некоторые низкотехнологичные производства более дешевой и конкурентоспособной рабочей силе в странах ЮВА, использует диаспоры как инструмент реализации мягкой силы.

Также Китай, поставивший одной из главных целей создание благоприятной периферии, нуждается в режимах преференциальной торговли со всеми пограничными странами и объединениями. Институционализированная в соответствии с интересами КНР периферия является промежуточным этапом дальнейшей экспансии китайской региональной модели через создание инфраструктуры и внедрение новых правил торговли и экономического партнерства, сопровождающих использование построенных объектов.

Важная особенность региональных отношений в АТР — сосуществование четырех правовых систем: англосаксонской, континентальной, исламской и социалистической. Это препятствует имплементации институтов на национальном уровне. Фокус интеграции в АТР — на экономике, а следовательно, той или иной мере либерализации механизмов, сопровождающих международную торговлю. Соответственно, в первую очередь особенности национальных правовых систем определяют функционирование торговых барьеров, тарифных и нетарифных. Использование электронной коммерции (включая электронные деньги и криптовалюту), офшоров, торговля производными финансовыми инструментами и хеджирование значительно усложняет оценку и расчет облагаемой налогами материальной базы, объем находящегося в движении капитала и измерение других параметров, от которых зависит устойчивость региональных финансовых систем. Важным условием стабильности институционализированного экономического сорудничества является возможность делать

[210] Китай реагирует на это требованием самостоятельно разрабатывать все технологии, используемые при производстве товаров и услуг, продаваемых китайскому правительству. Это заставило ТНК стремиться производить НИОКР на территории Китая, привлекая к ним китайских ученых.

точные оценки ожидаемых преимуществ, выгод партнеров и объективных параметров развития экономики.[211]

Для Азиатско-Тихоокеанского регионализма наслоение и пересечение компетенций институтов, созданных государствами, является особенно заметной исследовательской проблемой. Разграничение и систематизация институтов средствами самого институционального измерения, ограниченного набором связанных с ним определений и установленных отношений между его элементами, будут давать разные исследовательские результаты в зависимости от сделанного выбора. Путь к разрешению данного противоречия лежит через использование объяснительной системы еще более обобщенной и абстрактной, чем основанной на институтах, но эта задача выходит за рамки настоящего исследования.

2.2.1 Сущность и характеристика Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма.

Институциональное оформление регионального порядка сопровождается многими факторами и процессами, следующими логике социально-экономических условий государств АТР, их политических режимов, особенностей региональной специализации и системы разделения труда. К примеру, Япония и США переносят грязные и трудоемкие производства в Юго-Восточную Азию, поскольку страны этого субрегиона ожидают получение относительного преимущества в объеме, превосходящем издержки от ущерба окружающей среде. Произведенное в этих странах сырье импортируют ведущие экономические державы, чтобы использовать его для производства более наукоемких товаров.[212] Это один из наиболее актуальных сегодняшнему дню механизмов формирования экономической взаимозависимости в АТР. По ходу ее развития возникают условия, делающие необходимыми разработку и внедрение механизмов валютно-финансовой координации. Однако ни одно из государств, способных создавать централизованный институт, контролирующий финансовую интеграцию, не может убедить конкурентов в том, что не станет злоупотреблять своим влиянием на него для приобретения дополнительного относительного преимущества. Исключение составляет РК, которая ввиду особенностей своей модели поведения избегает выступать с подобными инициативами. Решением стало использование и развитие институтов, созданных на основе АСЕАН.

Этому выбору послужило несколько причин. Во-первых, в Ассоциацию входят страны-поставщики сырья. Во-вторых, на основе АСЕАН+3 еще в 2000 году была создана Чиангмайская инициатива, система своп-соглашений по взаимной поддержке национальных

[211] Журавлева О.О. Указ. соч., с. 132
[212] Байков А.А. Op cit. — С. 98

валют, которая подходит для решения этой задачи. В-третьих, АСЕАН пользуется доверием со стороны участников регионального пространства как субъект, равноудаленный от претендентов на региональное лидерство. В 2003 году была открыта инициатива по созданию и развитию азиатского рынка облигаций, годом позже возник форум по развитию азиатского рынка капитала, а в 2010 году было принято Соглашение о самоуправляемом резервном пуле, интегрировавшее все соглашения инициативы Чианг Май. Новое качество региональных процессов, возникшее следом за ростом взаимозависимости ввиду изменений в региональном раскладе конкурентоспособности трудовых ресурсов, вынуждает исследовать вопрос о необходимости и возможности дальнейшего развития института. Интенсивность и скорость протекания процессов структурирования регионального пространства заставляет регулярно возвращаться к уже изученным проблемам. Если в начале 2015 года группа экономистов дала низкую оценку необходимости АСЕАН разработать новое соглашение о региональной монетарной политике,[213] то уже спустя два года экономист из другого учреждения дает рекомендацию развить институциональные практики Соглашения о самоуправляемом резервном пуле, создав на их основе Региональный резервный фонд с помощью наднационального резервного актива.[214] При этом финансовые институты, созданные в рамках АСЕАН как компромиссной площадки, несут в себе отпечаток противостояния между претендентами на региональное лидерство. Так, Я. Лексютина показывает, что созданные под эгидой Ассоциации Чиангмайская многосторонняя инициатива и Институт кредитных гарантий и инвестиций (часть Инициативы азиатского рынка облигаций) были организованы таким образом, чтобы вклады Китая и Японии в них были соразмерны; не в силах укрепить свое положение на региональном финансовом рынке средствами этих институтов, КНР поспособствовал созданию новых, ориентированных на китаецентричную модель — Пул валютных резервов БРИКС и Новый банк развития.[215]

Этот кейс показывает, что региональные акторы обращаются к компромиссам, если решение поставленной перед институциональным строительством задачи собственными силами оказывается невозможным из-за патовой ситуации. В данном случае ее смысл заключается в том, что каждый претендент на региональное лидерство знает о бесперспективности создания собственного валютно-финансового института, открытого для участия других региональных субъектов, из-за неопределенности относительно стоящих за этим предложением истинных

[213] Gharleghi, B., Shafighi, N., Chan Yin Fah, B. Financial Integration and Common Currency Area in ASEAN [Электронный ресурс]. / B. Gharleghi, N. Shafighi, B. Chan Yin Fah // Journal of Economics, Business and Management. — 2015. — Vol. 3, No. 1. — Режим доступа: http://www.joebm.com/papers/164-W10056.pdf (дата обращения: 31.04.2019)

[214] Park, Y.-J. Strengthening ASEAN+3 Regional Financial Arrangements: A New Framework Beyond CMIM / Y.-J. Park // East Asian Economic Review. — 2017. — Vol. 21, no. 1. — P.p. 59-80

[215] Лексютина Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы. — Сравнительная политика. — 2018. Т. 9, № 3. С. 26–41

намерений. Руководствуясь логикой публичного выбора, для решения проблемы акторы в течение 2000-х гг. обращались к наиболее нейтральному варианту, АСЕАН, и создавали правила поведения с настолько ограниченной юрисдикцией, насколько это возможно с точки зрения решаемой проблемы. Примерами аналогичных институтов являются появившиеся в 2010 г. Форум развития рынка облигаций ИРАРО, Восточноазиатское финансовое сотрудничество, Экономический обзор и политический диалог стран АСЕАН+3, Институт кредитных гарантий и инвестиций, открытый в 2011 г. Центр макроэкономических исследований стран АСЕАН. Последними стали Рамки многовалютного выпуска облигаций (2015 г.) и Отдел макроэкономического анализа (2016 г.). Узкая специализация этих институтов продиктована неготовностью конкурентов за региональное доминирование обсуждать институты, обладающие широкой юрисдикцией, даже на «нейтральной территории», так как подобный институт повысит количественные показатели экономической интеграции, а значит, соперники приобретут сравнительное преимущество.

Фокус региональной интеграции лежит в торговле товарами и услугами, создании общих инвестиционных режимов, развитии валютных и финансовых рынков, строительстве инфраструктуры. Такие формы сотрудничества, как таможенные союзы, единая валюта и общий рынок вызывают мало заинтересованности у региональных игроков. Следует, однако, добавить, что предпосылки к возникновению условий, допускающих эволюцию экономических отношений в сторону общего рынка, содержались в Соглашении о ТТП и предполагаются любой формой расширенного экономического партнерства, включая ВРЭП. Исторические противоречия, в первую очередь связанные с наследием Второй мировой войны и территориальными спорами, нередко используются для того, чтобы затормозить процесс регионализации и регионализма по одному или нескольким из направлений в случае, если один из его участников теряет позиции в переговорном процессе или как-либо иначе испытывает ущерб от влияния региональной подсистемы.

Структурирование экономического пространства в АТР построено на интеграции де-факто, поэтому ее участники не чувствуют себя скованными относительно своей географической базы, хотя и заинтересованы в ограничении влияния внерегиональных держав. В любой момент времени ей характерна однозначная направленность на достижение практических результатов. В то время как двухсторонние и многосторонние соглашения фиксируют промежуточные итоги достигнутых успехов в регионализме, основным инструментом движения институционального развития от одного состояния к другому являются саммиты и встречи на уровне профильных министров, а в отдельных случаях — и глав государств. Непрерывно действующие рабочие группы, агентства, исследовательские институты и другие организации занимаются изучением, проработкой, координацией и

содействием реализации политического курса. На подобных регулярных встречах принимаются решения, формулируются новые и корректируются имеющиеся направления сотрудничества, что впоследствии становится предметом формальной институционализации.

Под эгидой только лишь АТЭС и АСЕАН запланировано провести в 2017 году почти 300 встреч, брифингов, диалогов, семинаров и других мероприятий. Если добавить раунды переговоров по двусторонним и многосторонним ЗСТ, мероприятия в рамках других дискуссионных площадок, получившееся значение окажется намного выше. Большинство из этих встреч носят консультационный характер и предназначены не для немедленного введения новых институтов, а для уточнения и согласования позиций участников. Единодушие в готовности адресовать усилия на деятельность, не создающей материальную пользу, вызвано признанием достоверной информации о ходе регионализации, региональных интеграционных взаимодействий и намерениях участников в качестве ценного практического результата. Атмосфере доверия служит также стремление АСЕАН инициировать и воплощать проекты, для которых не требуется наднациональная координация. При этом решения принимаются от лица всей Ассоциации, но страны, воспользовавшиеся механизмом конструктивного воздержания, освобождаются от их выполнения. Для взаимодействия с внешними партнерами, в особенности обладающими сильной переговорной позицией, страны АСЕАН сначала вырабатывают консолидированную позицию по обсуждаемой проблеме, а затем выступают как единое целое.

Чем больше областей сотрудничества оказываются охваченными институциональным строительством — созданием новых региональных организаций и расширением повестки имеющихся, деятельностью рабочих групп, регуляционными мерами международных соглашений и договоренностей, тем выше доверие между участниками этого процесса, устойчивее сотрудничество, стабильнее региональный баланс сил и интересов. И наоборот, отказ от выделения проблемных зон в плоскость регионального сотрудничества, нерешительность в углублении и расширении интеграционных проектов, саботаж институционального строительства непрямыми действиями являются источниками угроз и проблем всей региональной подсистеме. Однако отдельный участник регионализма может осознать, что выбор сотрудничества приведет к утрате части его относительного преимущества в пользу формирующегося сообщества. Если ожидаемый ущерб оценивается как неприемлемый, актор прибегнет к конкуренции: региональная подсистема проиграет, но этот проигрыш может нанести меньший сопутствующий урон, чем сотрудничество, к тому же, реакция системы займет более продолжительное время по сравнению с эффектом от взятых на себя невыгодных обязательств. В свою очередь, если слишком много региональных акторов откажутся от сотрудничества, сопутствующий ущерб, который нанесет им реакция региональной подсистемы, окажется несоизмеримо выше. Это объясняет, почему участникам

регионализма настолько важно минимизировать неопределенность. Из этого проистекает логика влияния сотрудничества и соперничества на модели институционального регионализма:

	Государство выбирает сотрудничество	Государство выбирает соперничество
Большинство государств выбирает сотрудничество	2, 2	1, 0
Большинство государств выбирает соперничество	-1, -2	-1, -1

Табл. 1: Матричная игра для распределения выигрышей между конкурентными и кооперационными стратегиями государства и средневзвешенной стратегии других государств

Рассмотрим реакцию региональной подсистемы на выбранное поведение как матричную игру с ненулевой суммой и с неполной информацией. Значения основаны на том, что государства руководствуются рациональным выбором, то есть отказ от сотрудничества действительно является оптимальной стратегией в условиях неопределенности по отношению к намерениям партнеров. Наибольший выигрыш от совпадения в намерениях сотрудничать в данном случае не привязан к лидерским амбициям, а соответствует имманентной идее регионализма о коллективной выгоде от возникновения нового качества региональных отношений. Аналогичным образом наибольший ущерб наносит единогласный отказ от сотрудничества, так как отбрасывает темпы развития регионального порядка к предыдущей стадии, сводя на нет задействованные с той поры коллективные усилия. Частный случай такой ситуации рассмотрен Кристофером Дентом в статье «Соглашения о свободной торговле в АТР: хождение кругами?». В ней автор, сопоставив сотрудничество с участием в ЗСТ и соперничество с выбором протекционистских мер, продемонстрировал, почему кумулятивное воздействие системных эффектов из-за всеобщего выбора протекционизма заставляет региональных акторов возвращаться к одним и тем же практикам.[216] Наименее оптимальная стратегия — сотрудничество в одностороннем порядке: институциональная активность бессмысленна без поддержки других региональных акторов, и ее инициатор не только получает ущерб от деградации региональной подсистемы, но и лишается потраченных ресурсов. Наконец, выбор соперничества в условиях, когда большинство игроков готовы сотрудничать, позволяет актору соблюсти свои интересы в виде сохранения собственного относительного преимущества (которое, в свою очередь, недополучает инициатива прочих акторов, снижая их

[216] Dent, C.M. Free Trade Agreements in the Asia-Pacific: Going Around in Circles? [Электронный ресурс]. / C.M. Dent // International Affairs (London). — 2013. — Volume 89, number 4. Режим доступа: https://docplayer.net/38244994-Free-trade-agreements-in-the-asia-pacific-going-around-in-circles.html (дата обращения: 24.03.2017)

выигрыш), но со временем оно снижается по сравнению с той выгодой, которую приобретают участники института.

2.2.2 Конкурентные модели Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма.

Частные случаи гипотезы, лежащей в основе данного исследования, встречаются в некоторых работах, посвященных Азиатско-Тихоокеанскому регионализму. Характерным примером является идея уже упомянутого Джоэла Ратуса, продемонстрировавшего зависимость между возвышением Китая и реакции Японии:

Рис. 18. Развитие противоречий между позициями Китая и Японии. Источник: Joel Rathus. China, Japan and Networked Regionalism in East Asia[217]

Более широкий взгляд на происходящее требует принять во внимание, что не только Китай и Япония являются претендентами на односторонний источник структурирования регионального пространства. Во-первых, правила, вокруг которых институционализируется формирующееся сообщество, могут возникать не только с подачи государственных акторов, но и целых институтов, в первую очередь АСЕАН, апологизирующего свою модель «Путь АСЕАН» (“the ASEAN Way”) — некоторые примеры такой деятельности изложены в предыдущих параграфах. Концепция Ратхауса редуцирует роль институтов к объекту противостояния между государствами, хотя если мы включаем в определение института разветвленную систему органов, учреждений и договоренностей, способную выступать в региональных процессах самостоятельно, это не всегда будет корректно. Во-вторых, претендентами на региональное лидерство в историческом пути региональных интеграционных взаимодействий были также США, стремившиеся с помощью Соглашения о ТТП придать новое качество региональной торговле, причем не только в АТР, но и — в перспективе, через Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) — в евроатлантическом пространстве. Тот факт, что Япония присоединилась к ТТП лишь под конец переговорного процесса, является одним из свидетельств ненадежности интерпретации ее внешней политики в однозначном сведении к фарватеру стратегического союза с США (во всяком случае, в институциональном содержании регионализма). В-третьих, сама по себе модель, ограниченная реактивной политикой Японии по отношению к Китаю, не открывает путь к пониманию содержанию способов реализации такой политики. Она построена в духе соперничества, но на самом деле государство может компенсировать утрату инициативы сотрудничеством в рамках

[217] Rathus, J. China, Japan and Networked Regionalism in East Asia…

альтернативных институциональных инициатив, в которых его соперник обладает меньшим весом.

В сфере военно-политической безопасности КНР отказывается признавать сам факт наличия проблем с признанием принадлежности территорий, лежащих в акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Эта позиция лишает возможности поставить включить вопрос в повестку региональных организаций, выработать и институционализировать дальнейшее решение. Отказ от сотрудничества в пользу сохранения статуса-кво принимают и другие государства, преуспевшие в освоении спорных территорий, что создает порочный круг в региональной военно-политической безопасности и снижение ресурса доверия.[218] Такая линия поведения соответствует одной из тактик, обозначенных в дереве решений П. Хаса и Т. Элли, при которой обе стороны отказываются идти на уступки, что развязывает руки «нарушителю» продолжать менять статус-кво под свои интересы.

В экономической сфере интеграционные инициативы также оказываются жертвой односторонних решений участвующих в них государств. Например, действия Японии по отношению к островам Сенкаку / Дьяоюй, посещение премьер-министром С. Абэ храма Ясукуни, проведение в Японии Всемирного уйгурского конгресса (признан правительством Китая террористической организацией) подорвали доверие КНР и РК к этой стране в период, предшествовавший очередному витку трехстороннего сотрудничества. Отсутствие доверия саботировало обсуждение зоны свободной торговли между тремя странами, из-за чего очередной раунд был отложен на целый год, а повторение ситуации в 2015 году свело всю деятельность Трехстороннего партнерства к историческому минимуму.[219]

Аналогичным образом односторонний выход США из Соглашения о ТТП нанес ущерб региональной стабильности, поставив других участников этого института перед угрозой приобретения Китаем преимущества в переговорной позиции по созданию правил свободной торговли, которые способны оформить будущее интеграционной повестки в АТР.[220] Это событие заставило заинтересованные государства региона искать пути к созданию нового баланса интересов, чтобы сохранить здоровую конкуренцию между различными интеграционными проектами. В конечном итоге практика показала, что институциональный регионализм АТР нуждался в возникновении такого института, как ТТП, что заставило

---

[218] Гарри, М. Конкурентные стратегии Пекина и малых стран АСЕАН в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] / М. Гарри // Международные процессы. — 2015. — Том 13, № 1. — С. 81-88. — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/732/Garri.pdf (дата обращения: 01.05.2019)

[219] Более подробно этот кейс рассмотрен в § 3.1.1.1 Трехсторонняя зона свободной торговли КНР—РК—Япония

[220] Выход США из Транстихоокеанского партнерства и проблема глобального лидерства // Воробьев В. Я. Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения / В. Я. Воробьев, И. Е. Денисов, А. Д. Дикарев, А. В. Лукин; МГИМО МИД России, Институт международных исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – С. 34–38

региональных акторов, стремившихся нивелировать неожиданное появление относительного преимущества у КНР как наиболее могущественного центра притяжения инициативы в региональной свободной торговли, прийти к облегченной версии института — Всеобъемлющему и прогрессивному соглашение для Транстихоокеанского партнерства (ВПСТТП).

Япония и США состоят в непростых отношениях не только по линии стратегического союза и созданию правил свободной торговли, но и в силу взаимоисключающих взглядов по поводу Азиатско-Тихоокеанского регионализма. Япония нуждается в США, чтобы балансировать рост относительного преимущества во владении КНР, но при этом Соединенные Штаты не позволяют ей занять самостоятельную позицию по отношению к институциональному строительству:

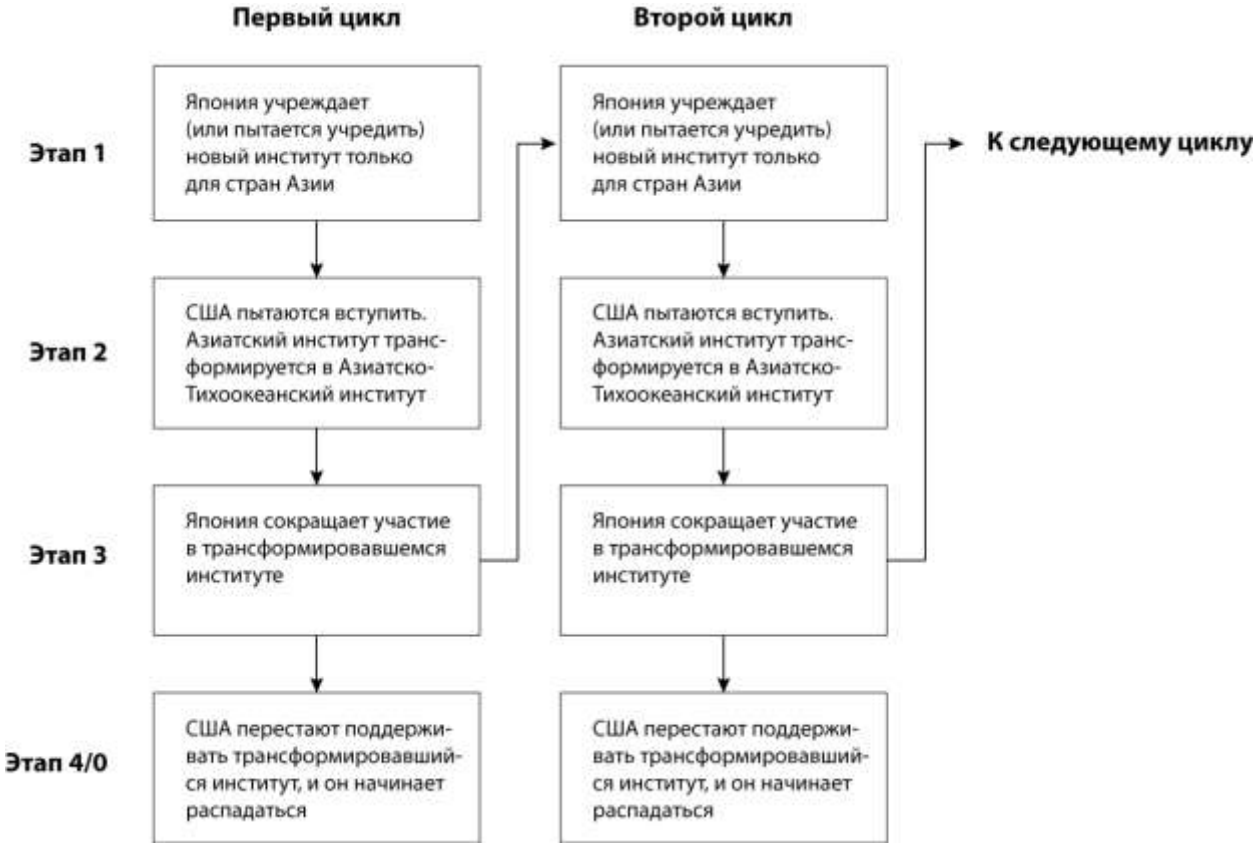

Рис. 19. Циклы противостояния Японии и США в развитии региональных институтов. Источник: Hamanaka, Shintaro. Regionalism Cycle in Asia (-Pacific): A Game Theory Approach to the Rise and Fall of Asian Regional Institutions[221]

Эти события показывают, что конкурентным моделям регионального институционализма присущи два важных свойства. Во-первых, динамику описываемых ими отношений способны придавать действия, лежащие в среде региональной подсистемы, но за рамками институционального строительства. Во-вторых, конкуренция может являться как

[221] Hamanaka, S. Op. cit.

осознанным и целенаправленным выбором, так и эффектом от действий, изначально преследовавших совершенно другие интересы.

2.2.3 Кооперационные модели Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма.

Развитию регионального сотрудничества в институциональной плоскости способствует не только создание имеющихся институтов, но и расширение компетенции уже существующих. Например, в АСЕАН на протяжении 1990-х годов сугубо прагматическая, хозяйственная повестка дня была обогащена вопросами совместных мер по защите окружающей среды, создания единых международно-правовых стандартов, развития культурного обмена, осторожным формулированием общего видения контуров коллективной безопасности — как минимум, в отношении пиратства и терроризма. Эта тенденция в 2000-х годах переросла в изменение отношения других региональных держав к форматам экономического сотрудничества: вместо зон свободной торговли стороны начали обсуждать более широкое и абстрактное понятие экономического партнерства.[222] Его яркими особенностями стало принятие единых решений по отдельным вопросам трудового и экологического законодательства (ВРЭП и Соглашение о ТТП), а также готовность брать больше ответственности за справедливое выполнение экономических обязательств (более широкое внедрение института разрешения споров между государством и инвестором).

Наконец, тогда же, в начале 2000-х годов, АСЕАН поставила перед собой цель дифференцировать весь комплекс регионализма на базе этого института между тремя измерениями, закрепив за каждым Политическое, Экономическое и Социально-культурное сообщества. По ряду причин лишь одно из них удалось внедрить к заявленному сроку, хотя и с опозданием, т.к. решение пришлось перенести с 1 января 2015 г. на 31 декабря того же года.[223] Можно считать, что это несоответствие между ожиданиями и возможностями подчеркивает стремление Ассоциации консолидировать усилия по реализации своего видения регионального порядка в кратчайшие сроки и вопреки всем сложностям и ограничениям. Необходимость дифференцировать деятельность была вызвана несколькими причинами. Во-первых, экономическое сотрудничество стало явным образом опережать военно-политическое, и потому от института требовалась гибкость в решении связанных с ними вопросов по отдельности. Во-вторых, успехи в экономическом развитии и политическая стабильность стран-участниц

[222] Weixing Hu, R. Building Asia Pacific Regional Architecture: The Challenge of Hybrid Regionalism. [Электронный ресурс]. / Richard Weixing Hu // Brookings Institution. July 14, 2009. — Режим доступа: https://www.brookings.edu/research/building-asia-pacific-regional-architecture-the-challenge-of-hybrid-regionalism/ (дата обращения: 01.05.2019)

[223] Xianbai, Ji. Why the ASEAN Economic Community Will Struggle [Электронный ресурс]. / Ji Xianbai // The Diplomat. September 24, 2014. — Режим доступа: https://thediplomat.com/2014/09/why-the-asean-economic-community-will-struggle/ (дата обращения: 01.05.2019)

АСЕАН позволяют придать большой вес ожиданиям по отношению к возникновению эффекта переливания: триггером, способным запустить ее, может оказаться институционализация периферийных по отношению к экономике областей сотрудничества.

Однако центральной мотивацией в институциональном регионализме, объединяющей и АСЕАН, и страны региона, остается развитие экономики, в особенности торговых отношений. Страны не готовы идти на взаимные уступки и затрагивать политические и социо-культурные области, если это не подразумевает логика дальнейшего экономического сотрудничества.

В военно-политической области потребность в сотрудничестве была обеспечена возникновением Регионального Форума АСЕАН по безопасности. Организация этого института характеризует позицию региональных акторов по принятию обязывающих решений. Поскольку в него входят не только АСЕАН и другие страны АТР, но и, к примеру, Пакистан, Шри-Ланка и Евросоюз, становится сложнее найти возможности выработать глубокое и взаимно приемлемое решение для урегулирования каждого отдельного аспекта, входящего в комплекс проблем военно-политической безопасности. В этом отношении институт, с одной стороны, напоминает АСЕМ, обладающий еще более широкой повесткой, с другой — АТЭС, активно избегающий занимать положение, выходящее за пределы его консультационной функции. Появление и существование этого института является надежным индикатором отличий между региональными интеграционными взаимодействиями и регионализмом. На его платформе не принимаются усиливающие взаимную зависимость правила поведения, но при этом выполняемая этим институтом функция по обеспечению обмена мнениями на многосторонней основе и через него — мониторинга состояния стратегического баланса сил и интересов определенно дает вклад в формирование регионального сообщества.

Свойства кооперационных моделей содержатся в логике регионального сотрудничества. Во-первых, трансграничные взаимодействия неправительственных агентов, очевидно, направлены на обеспечение их собственных интересов, а не ставят перед собой явным образом артикулированную цель по созданию стабильного регионального сообщества и возникновения баланса сил и интересов. Во-вторых, интеграционная политика государств тоже способна служить причиной возникновения региональной стабильности и устойчивого развития сотрудничества как системного эффекта, а не результата целенаправленного поведения. Не всегда можно однозначно интерпретировать какое-либо действие с точки зрения стоящих за ним мотивов. Гораздо важнее, что результатом этого действия всегда является изменение статуса-кво в региональном сотрудничестве в сторону нового качества, а его окончательное утверждение достигается путем институционального строительства. Влияние сотрудничества на модели Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма характеризуется теми же двумя свойствами, что определяют конкурентные модели, но с инвертированным

содержанием. Если конкуренция средствами институционального строительства представляет собой не более чем смещение фокуса сотрудничества на альтернативные предложения (или, в крайнем случае, самоустранение от участия в создании институтов), а основная масса действий приходится на среду (ухудшение атмосферы доверия и сокращение относительного преимущества конкурента), то кооперация целиком лежит в институциональной области, и по мере достижения ей успехов улучшается контекст региональных процессов. В то же время, Азиатско-Тихоокеанскому регионализму знакомы случаи, когда соперничество позволяло появиться условиям, делавшим возможным новые форматы сотрудничества.

Например, конкуренция между японским и китайским интеграционными проектами на базе АСЕАН, ВАЗСТ и ВЭПВА, в конечном итоге привела к возникновению переговорного процесса по ВРЭП. И хотя эту инициативу принято сопоставлять с достижениями китайской региональной политики,[224] она не эквивалентна ВАЗСТ, а значит, не настолько релевантна интересам КНР, как его изначальное предложение, и его ожидаемое приобретение относительного преимущества заведомо снижается. Необходимо использовать более гибкий и открытый к компромиссу подход, чтобы привлечь на свою сторону 16 государств, чем 13, и потому появление и усилия по отношению к ВЭПВА не были бессмысленными. То, что когда-то следовало логике конкурентных моделей в экономической сфере, в результате оказалось важным шагом в развитии стабильности и совершенствовании регионального сотрудничества. Чередование конкурентного и кооперативного поведения в процессе антагонизма институциональных инициатив как системный эффект впоследствии проявлял себя с 2013 по 2017 год, когда в восприятии региональных акторов ВРЭП закрепился за китайской стороной, а ТТП — за США (затем и Японии). Дальнейшие события показали, что эта логика оказалась способна воспроизводить себя в последующих итерациях. Так, например, ни один из оригинальных участников переговоров по ТТП не отказался от участия в институте из-за решения США о выходе. В то же время, переговоры по ВРЭП продолжают носить затянутый характер — во многом из-за нежелания Индии рисковать своим экономическим суверенитетом, уступая рынок Китаю. Прогностическая конкурентная модель демонстрирует, что страны, не желающие допустить относительного преимущества Китая в позиции по региональным правилам свободной торговли, будут стремиться компенсировать ее созданием альтернативного гипотетического института — на базе Соглашения о ТТП или совершенно нового. Более того, эта закономерность будет существовать, пока региональные акторы верят в свою способность внедрить свое видение правил свободной торговли / экономического партнерства путем

[224] Harding, R., Mitchell, T., Peel, M. China and Japan vie for control of Asia trade deal / R. Harding, T. Mitchell, M. Peel // Financial Times. — 2017. — Режим доступа: https://www.ft.com/content/d34d324c-03d8-11e7-ace0-1ce02ef0def9 (дата обращения: 01.05.2019)

создания многостороннего института. В конечном итоге эта идея может разделить участь гипотетического регионального валютного фонда.

Выводы по главе 2:

Таким образом, одни и те же государства АТР в своей политике прибегают и к кооперационным, и к конкурентным моделям в зависимости от различий между ожиданиями от институционального строительства и их конкретными результатами, а также состояния среды. Именно поэтому государство может одновременно постулировать свою приверженность той или иной интеграционной инициативе и предпринимать действия, из-за которых дальнейшее развитие этой инициативы становится временно невозможным. Прежде всего это характерно для институциональных форматов, включающих в себя Японию и КНР: интеграционные инициативы на базе АСЕАН показывают, что один и тот же процесс может подчиняться логике, заложенной как в конкурентных, так и в кооперационных моделях. С другой стороны, есть АРФ, организованный таким образом, чтобы любой его участник, вне зависимости от его ресурсов, был лишен возможности применять конкурентную стратегию — компетенция института, ограниченная консультациями, делает такое поведение бессмысленным. Тем не менее, формат отношений внутри АРФ позволяет артикулировать опасения групп малых стран по отдельным вопросам военно-политической безопасности, открывая им путь к формированию коалиций ad hoc для сохранения баланса в подсистеме перед лицом вызовов и угроз как от факторов среды, так и действий отдельных крупных государств. Из этого следует, что даже институт, предназначенный целиком и полностью для сотрудничества, содержит в себе средства, позволяющие государствам эффективно конкурировать в отдельных вопросах.

С точки зрения предлагаемых конкурентных и кооперативных моделей АРФ и АТЭС схожи по обозначенной системной характеристике. С одной стороны, заложенная в АТЭС логика организации хода принятия решений, их обязательность и охватываемые компетенции, позволяли (и позволяют) странам-участницам проектировать свою линию поведения по компенсации издержек от международных и региональных кризисов, монопольных тенденций ведущих игроков, излишних протекционистских барьеров, неравенства в социально-экономическом развитии. С другой стороны, некоторые ее члены, особенно из Восточной Азии, изначально были крайне скептично настроены по поводу создания организации, построенной на мотивации западных государств не допустить возникновения регионального сообщества без их (западных государств) участия. Это предрешило сосредоточение АТЭС на исполнении консультационной функции в том же смысле и тех же пределах, каковой обладает АРФ по отношению к вопросам безопасности.

Из всего сказанного следует, что в Азиатско-Тихоокеанском институциональном регионализме соперничество так же важно, как и сотрудничество. Для системного анализа АТР этот вывод ценен тем, что допускает условия возникновения взаимной обусловленности применения двух стратегий. Как существование и развитие институтов, подчиняющихся на первый взгляд логике конкурентных моделей, порождают возможность сотрудничества, так и стратегия в рамках кооперативных моделей может оказаться способом конкуренции. На подсистемном уровне кооперативные и конкурентные модели связаны тем, как их применение повлияет на статус-кво с точки зрения стратегического баланса сил и интересов.

Глава 3. Процессы сотрудничества и соперничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма

3.1 Закономерности применения инструментов сотрудничества и соперничества в подсистеме Азиатско-Тихоокеанского региона.

Закономерности, которым подчиняется институциональный регионализм в АТР, определяются не только эмерджентными свойствами Азиатско-Тихоокеанского региона как формирующегося сообщества, но и диктуются самими интересами региональных акторов, имеющих собственное видение уклада будущего сообщества и способных это видение претворять в жизнь. «Развитые страны в соглашениях стремятся взамен на открытие своих рынков получить дополнительный выигрыш от урегулирования вопросов, связанных с защитой прав собственности, электронной коммерцией, инвестициями. Развивающиеся страны, в силу своих особенностей и переговорной силы, открывая товарные рынки, особое внимание уделяют торговле услугами и при этом максимально используют такие инструменты торговой политики, как санитарные и фитосанитарные меры, технические торговые барьеры, торговая защита через антидемпинговые меры, компенсационные пошлины, субсидии».[225]

Характерные примеры асимметричной взаимозависимости содержатся в экономической политике Японии. Во-первых, в структуре ее экспорта существенную часть занимают «промышленное оборудование и технология, от которых зависят производственные мощности восточноазиатских экономик».[226] Импортируемые товары созданы с помощью этих товаров и к тому же облагаются таможенной пошлиной — особенно остро эта ситуация стояла до 1 января 2008 года, когда у Японии появилась зона свободной торговли со всей АСЕАН. Во-вторых, в торговых отношениях между этой страной и Республикой Корея возникла ситуация усиливающей обратной связи в виде взаимно обусловленной зависимости экспорта Южной Кореи на региональные и международные рынки от импорта из Японии. Вполне естественно, что Япония для закрепления успеха в торговом балансе стремится усилить позиции иены в региональном обмене, а ее партнеры стремятся этой ситуации избегать.

Значение и содержание монетарной политики Токио соответствует его видению формата регионального лидерства. Идея, появившаяся в 1997 году на фоне Азиатского кризиса, заключается в создании регионального валютного фонда с процедурой принятия решений, аналогичной принятой в МВФ. По задумке, институт, расположенный на территории Японии, должен координировать и упорядочивать процессы интеграции регионального финансового

[225] Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. Указ. соч., с. 265
[226] Арешидзе Л.Г. Указ. соч., с. 239–240

рынка.[227] Количество голосов зависит от размера взноса каждого участника. При этом региональный валютный фонд должен быть построен на закрытом регионализме, то есть не допускать участия внерегиональных акторов, в первую очередь США.[228] Поскольку Японии выгодно, чтобы иена стала основной расчетной валютой в региональном пространстве, построенном вокруг этого фонда, США и КНР выступили против инициативы. В условиях нехватки информации о намерениях Японии США ожидают, что спрос на доллар в регионе будет падать, а Китай не собирается жертвовать процессом интернационализации жэньминьби и стремится сделать юань основной валютой, с помощью которой, как минимум, должно финансироваться строительство инфраструктуры. Скорее всего, Японии бы принадлежало наибольшее число голосов, что позволило бы ей сместить центр тяжести финансовой интеграции в пользу своих частных компаний.

Аналогичная логика применима и к Китаю. В принципе, он тоже заинтересован сделать юань основной региональной валютой, чтобы проводить через нее платежи и предоставлять кредиты на осуществление инфраструктурных проектов. Очевидно, что ему не удалось бы преуспеть в точно такой же инициативе, которую предлагала Япония, к тому же, конвертируемость юаня была ограниченной. Поэтому КНР в качестве инструмента конкуренции предприняла не предложение симметричной инициативы, а использовала возможности институциональной среды. В 2015 году удалось договориться с МВФ о включении юаня в корзину резервных валют, что произошло 1 октября 2016 года.[229] Таким образом, путем выхода за пределы региональной среды Китаю удалось приобрести сравнительное преимущество в финансовой интеграции. К тому же, глобальный институт лучше соответствовал его интересам, так как инфраструктурные проекты реализуются не только в АТР, но и в других региональных подсистемах.

Изложенная в китайской «Белой книге дипломатии» позиция о том, как должно быть организовано региональное сообщество, сводится к следующим принципам:

1) Приоритет экономического аспекта в сотрудничестве;
2) Приоритет сотрудничества над другими формами регионального взаимодействия;

---

[227] Lipsey, P.Y. Japan's Asian Monetary Fund Proposal / P.Y. Lipsey // Stanford Journal of East Asian Affairs. — 2003. — 3 (1). — Pp. 93–104.

[228] Yamakage S. New Regionalism and Japan’s Options; Evaluating Recent Trends in North-South Regionalism of Vertical Integration. [Электронный ресурс] / S. Yamakage. — Режим доступа: http://www2.jiia.or.jp/pdf/asia_centre/h15_japan/1_yamakage.pdf (дата обращения: 02.05.2019)

[229] Худякова Л.С., Поливач А.П. Китайский юань включён в корзину СДР / Л.С, Худякова, А.П, Поливач. — ИМЭМО РАН. — 2015. — Режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2018&ret=640 (дата обращения: 02.05.2019)

3) Приоритет интересов Азии в региональной политике.[230]

Такая формула позволяет Китаю максимально эффективно отслеживать соответствие происходящих в регионе процессов его интересам. Поступательное и бесперебойное сотрудничество позволяет этой стране накапливать свой экономический потенциал, обеспечивать стабильность на территориях сопредельных государств и пограничных с ними и ограничивать вовлеченность региональных держав в орбиту американских интересов.[231] КНР, участвуя в инфраструктурных проектах, стремится отражать эти принципы, так как от соответствия между ее действиями и риторикой зависит доверие со стороны других участников. Инициированная американской стороной торговая война дала дополнительную возможность Китаю официально преподносить свою внешнюю политику как проводника взаимовыгодного сотрудничества, построенного на свободной торговле и отказе от дискриминирующих форм экономического взаимодействия.[232]

В свою очередь, «Путь АСЕАН» тоже содержит в себе определенную модель регионального сообщества, позволяющую Ассоциации позиционировать себя как целостного и самостоятельного актора региональных процессов: «Сам факт образования АСЕАН отражал объединенное стремление ее членов к такому положению на международной арене, при котором они смогли бы проводить относительно независимый внешнеполитический курс, играя при этом на противоречиях между великими державами и по возможности избегая жесткого блокирования с Западом или привязки к нему, что не всегда удавалось».[233] Конкурентным преимуществом модели АСЕАН является ее максимальная приближенность к применению институционализированных практик сотрудничества, способность заставлять другие субъекты региональных отношений считаться со своей позицией, даже если они превосходят Ассоциацию в экономическом или военно-политическом могуществе. АСЕАН обладает сравнительным преимуществом в доверии: другие страны региона не испытывают опасений, что формулируемая этим институтом повестка продиктована интересами какой-либо одной державы. Эта линия поведения воспроизводит политическую практику, доказавшую свою эффективность в годы холодной войны, когда малым странам АТР было необходимо

[230] China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation [Электронный ресурс]. — The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2017. — Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (дата обращения: 02.05.2019)

[231] Parameswaran, P. China: New White Paper, Old Asia Conundrum [Электронный ресурс]. / P. Parameswaran // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/china-new-white-paper-old-asia-conundrum (дата обращения: 02.05.2019)

[232] The Facts and China’s Position on China-US Trade Friction [Электронный ресурс]. — The State Council Information Office of the People’s Republic of China. — 26 September 2018. — Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm (дата обращения: 05.05.2019)

[233] Малетин, 258

уравновешивать воздействие на свои позиции со стороны СССР, США и КНР.[234] Организация настаивает на необходимости сохранять дистанцию между собой и ведущими государствами, равномерно вовлекать их в практики институционального строительства, управляя имеющимися между ними противоречиями, и обеспечивать единство между странами, зависящими от состоятельности АСЕАН как независимого игрока.[235] В этой связи стоит заметить, что политическая независимость Ассоциации ограничена тем фактом, что многих его членов Китай является главным торгово-экономическим партнером.[236]

Уникальную модель структурирования регионального пространства в АТР воплощали США в годы «поворота к Азии», объявленного в ходе второго президентского срока Б. Обамы. Особенность, делавшая ее принципиально несовместимой с китайским видением, заключалась в отказе от разделения экономической и политической повестки в сотрудничестве. Новые правила свободной торговли должны не ограничиваться увеличением количественных показателей в обмене товарами, услугами и общем инвестиционном режиме, а создавать новое качество в условиях труда работников, на которых напрямую повлияет вступление института в силу, стимулировать озеленение отраслей производства. Иными словами, внимание смещается от свободной торговли как таковой к широкому экономическому партнерству. Институциональная среда должна обладать механизмами защиты интересов неправительственного актора, если они ущемлены государством, даже если это может трактоваться как нанесение ущерба суверенитету. Вмешательство во внутренние дела оправдано, если нарушаются права человека, и в качестве симметричного ответа следует использовать инструменты сокращения относительного преимущества нарушителя, получаемого им из участия в регионализме.[237] Выход США из ТТП и начало торговой войны против Китая дало основания полагать, что политике разворота к Азии пришел конец; тем не менее, угроза неминуемой утраты инициативы в продвижении региональной интеграционной повестки обеспечивает сохранение контуров внешнеполитического курса, который теперь обеспечивается при поддержке лояльных союзников США, в частности, Индии. По итогам встречи Д. Трампа и премьер-министр Индии Н. Моди было обнародовано соглашение о видении многостороннего партнерства. Документ свидетельствует об общем подходе сторон к свободной торговле и принятии сторонами на себя роли «ответственных распорядителей»

---

[234] Богатуров А.Д. Реакция малых и средних стран на ослабление активности СССР и США / Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945-1995. — М.: Сюита, 1997. — Режим доступа: http://obraforum.ru/lib/book5/7.htm (дата обращения: 05.05.2019)

[235] Quah, D. Is the ASEAN Way the Right Way? / D. Quah // The Economist. — 2015. — Режим доступа: http://aseaninsight.economist.com/2015/07/28/is-the-asean-way-the-right-way (дата обращения: 01.04.2017)

[236] Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? — Сравнительная политика. — 2018. — Т. 9, № 3. — С.75–87

[237] Blackwill, R.D.; Tellis, A.J. Revising U.S. Grand Strategy Toward China / Council Special Report No. 72. — 2015. — P. 18–23

Индийско-Тихоокеанского региона, а также содержит призывы в адрес других региональных держав к соблюдению свободы морской навигации, перелетов и торговли и к мирному урегулированию территориальных споров на суше и на море.[238] Последнее замечание напрямую касается проблемы территориальных споров в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

Республика Корея, хотя и обладает существенными внутренними ресурсами в виде крепкой экономики и современной многочисленной армии, усиленной американским контингентом, а также внешним ресурсом в виде доверия со стороны стран АСЕАН, не предпринимает усилий по приобретению лидерства. Конкуренция одновременно с КНР, Японией и США предполагает недопустимые издержки, поэтому Южной Корее выгодно балансировать между своими соседями по субрегиону, повторяя их паттерны в институциональном строительстве. Например, РК последовала примеру Китая и Японии, когда те начали переговоры по двусторонним ЗСТ с АСЕАН, причем, согласно Е.Я. Араповой, стране удалось добиться большей выгоды, чем Японии.[239] Отсутствие каких-либо ожиданий относительно того, какой должна стать региональная система, и использование максимальной выгоды в каждой итерации региональных процессов, парадоксальным образом являются характеристиками наиболее оптимальной стратегии. РК выбирает догоняющее развитие, позволяя претендентам на лидерство получать ущерб от ошибок, воспроизводя следом за ними наиболее эффективные решения.[240] Выбор сотрудничества и соперничества определяется единственным критерием — разницей в количестве приобретенного ими относительного преимущества. Такая модель наилучшим образом отражает тенденцию к возвращению региональной системы баланса сил и интересов к патовому состоянию.

Парное сопоставление моделей поведения акторов, способных оказывать заметное влияние на региональный порядок в АТР, показывает, что практически у всех них есть по одной совместимой и одной взаимоисключающей характеристике.

Табл. 2: Общее и различное в ожиданиях ведущих акторов АТР относительно будущего регионального сообщества.

/	Япония	КНР	АСЕАН	США	РК
Япония	/	+: Поддержка закрытого регионализма	+: Стремятся сохранить баланс сил	+: Вместе выступают против КНР	+: Стремятся сохранить

[238] Joint Statement — United States and India: Prosperity Through Partnership // Government of India. Ministry of External Affairs. 27 June 2017. Режим доступа: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/28560/United_States_and_India_Prosperity_Through_Partnership (дата обращения: 05.05.2019)

[239] Арапова Е.Я. Об эффективности и перспективах общерегиональной интеграции в Восточной Азии / Регионализация в Восточной Азии в условиях диверсификации источников экономического роста. — М.: Проспект, 2016. — С. 202–220

[240] Wook, Ch. Op. cit.

		-: Конкурируют между собой за региональную валюту	-: Конкурируют за лояльность членов Ассоциации	-: Конкурируют между собой за лидерство	баланс сил -: РК может занять место Японии
КНР	+: Поддержка закрытого регионализма -: Конкурируют между собой за региональную валюту	/	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Конкурируют за лояльность членов Ассоциации	+: Нет -: Конкурируют между собой за лидерство	+: Вместе выступают против Японии -: Нет
АСЕАН	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Конкурируют за лояльность членов Ассоциации	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Конкурируют за лояльность членов Ассоциации	/	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Конкурируют за лояльность членов Ассоциации	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Нет
США	+: Вместе выступают против КНР -: Конкурируют между собой за лидерство	+: Нет -: Конкурируют между собой за лидерство	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Конкурируют за лояльность членов Ассоциации	/	+: Вместе выступают против КНР -: Нет
РК	+: Стремятся сохранить баланс сил -: РК может занять место Японии*	+: Вместе выступают против Японии -: Нет	+: Стремятся сохранить баланс сил -: Нет	+: Вместе выступают против КНР -: Нет	/

Южная Корея гораздо более похожа на Японию с точки зрения их культурных особенностей, географической близости, политических режимов, экономических условий (от отношений между государством и рынком до специализации) и некоторых других характеристик, чем на КНР. РК формулирует собственные региональные инициативы реже, чем ее ближайшие соседи, и явным образом не стремится к региональному лидерству. Более того, Япония способна обращаться к РК, если ей необходимо компенсировать усилившееся влияние КНР или США. Тем не менее, двусторонние переговоры между Японией и РК по зоне свободной торговли зашли в тупик, в то время как между РК и КНР уже есть подобное соглашение. Причем переговоры между РК и КНР начались на три года позже, чем

переговорный процесс между РК и Японией. Вступлению соглашения между РК и Китаем в силу в 2015 году не помешал тот факт, что параллельно шли обсуждения трехстороннего формата свободной торговли с участием этих же стран. Единственный объективно ограничивающий сотрудничество фактор — это историческая память. Япония нередко использует его как инструмент провокаций по отношению к Южной Корее.[241] Можно сделать предположение, что таким образом Япония находит способ саботировать развитие Трехстороннего партнерства, так как многие провокации, затрагивающие Сеул, одновременно вызывает критику Пекина.[242] Однако это предположение не объясняет, почему Япония отказывается от создания ЗСТ с Южной Кореей на двухсторонней основе, затягивая процесс принятия соглашения.

Поведение Токио перестает выглядеть иррациональным, если проанализировать его средствами институционального регионализма, сравнив способность двух стран создавать институты. С точки зрения военно-политического могущества Южная Корея превосходит Японию: основной закон не ограничивает ее вооруженные силы, а наличие непредсказуемого соседа вынуждает тратить значительные средства на нужды обороны, а также содержание не только собственной многочисленной армии, но и американского воинского контингента. В то время как РК расширяет американское присутствие на своей территории,[243] Япония ищет способы его сокращения. По экономической силе РК проигрывает, но находится в сопоставимой категории с Японией, утратившей 1/3 ВВП с 2012 по 2015 гг.,[244] незначительно превосходя в темпах экономического роста.[245] С точки зрения внешнего ресурса, доверия, у РК отсутствует необходимость предпринимать целенаправленные усилия по информированию о своих намерениях. Это государство оптимизирует региональную подсистему под свои интересы, но среди них нет ориентации на доминирование. В итоге, по данным Центра Азиатской региональной интеграции АБР, по состоянию на середину 2019 г. КНР участвует в 45 режимах свободной торговли: 17 вступили в силу, 2 подписаны и еще не вступили в силу, 26 на стадии переговоров или приостановлены; в 2017 г. экономика участвовала в 29 режимах, причем страна находилась в состоянии переговоров по 17 из них. Япония участвует в 32

---

[241] Suzuki, Sh. Can the “history issue” make or break the Japan-ROK “quasi-alliance”? / Sh. Suzuki // Korean Journal of Defense Analysis. — 27 (2). — 2015. — Pp. 201–215 https://www.researchgate.net/publication/286744285_Can_the_history_issue_make_or_break_the_Japan-ROK_quasi-alliance

[242] Подробнее этот кейс рассмотрен в § 3.1.1.1 Трехсторонняя зона свободной торговли КНР—РК—Япония

[243] Borowiec S., Pyeongtaek: A US base, Americana in rural South Korea [Электронный ресурс]. / S. Borowiec // Al Jazeera. — 2017. — Режим доступа: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/pyeongtaek-base-americana-rural-south-korea-170213115535035.html (дата обращения: 05.05.2019)

[244] World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files [Электронный ресурс]. / WB; OECD. — 2017. — Режим доступа: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KR-JP&view=chart (дата обращения: 05.05.2019)

[245] Ibid / Режим доступа: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KR-JP&view=chart (дата обращения: 05.05.2019)

режимах: по 17 договоренности вступили в силу, по остальным идут переговоры;[246] в 2017 экономика участвовала в 24 режимах, из которых 15 были оформлены, а 9 находились на стадии подготовки. Южная Корея участвует в 38 режимах: 16 из них подписаны и вступили в силу, 1 еще не вступил в силу, по остальным ведутся исследования и переговоры. В 2017 экономика участвовала в 25 режимах, при этом 16 проектов были реализованы, а по 9 шел переговорный процесс.[247] Эти данные свидетельствуют о соразмерной способности Японии и РК оказывать влияние на региональный порядок, поэтому Токио видит в своем географическом соседе потенциального опасного конкурента и вынужден применять инструменты соперничества для минимизирования его относительного преимущества. Последние сообщения о двусторонней зоне свободной торговли РК-Япония датированы началом 2017 г.;[248] после этого Япония, к неудовольствию корейской стороны, предложила перенести фокус переговорных процессов на трехсторонний формат, включающий Китай.

3.1.1 Сравнительное преимущество в свободной торговле как инструмент достижения регионального лидерства.

2015 год для АТР отметился пиковой интенсивностью процессов, направленных на институциональное обеспечение интересов двух региональных центров притяжения, США и Китая, в их стремлении обогатить практику международной торговли собственным видением. Решая частные экономические задачи, они по-разному преследуют достижение этой стратегической цели. В тактическом отношении Китаю и США приходится ориентироваться на возможности, определенные весом их позиций в уже существующих институтах. Гипотетическая зона свободной торговли, объединяющая КНР и США, требует наличия такой экономической модели, которая обладала бы компромиссным характером по отношению к их интересам.

Региональные и нерегиональные акторы возлагают большие надежды на интеграцию в АТР как на источник справедливых правил, способных стать новой основой деятельности глобальных торговых институтов — таких, как ВТО или ЮНКТАД. Нахождение подходящей модели также важно для воплощения зоны свободной торговли между Евросоюзом и КНР, потенциально способной произвести революцию в глобальном экономическом укладе. Зная об этом, США заинтересованы в привлечении европейских стран к собственному видению такой

[246] Следует обратить внимание, что источник разделяет Соглашение о ТТП и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о ТТП. Если считать второй институт логическим продолжением первого, то количество режимов сокращается до 31.

[247] Free Trade Agreements by Country [Электронный ресурс]. / Asia Regional Integration Center. — 2017. — Режим доступа: https://aric.adb.org/fta-country (дата обращения: 05.05.2019)

[248] S. Korea advised to sign FTA with Japan to overcome global protectionism [Электронный ресурс]. / Yonhap News Agency. — 29 March 2017. — Режим доступа: https://en.yna.co.kr/view/AEN20170329002700320 (дата обращения: 05.05.2019)

модели — в том числе посредством Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства,[249] «европейского аналога» ТТП. С изменением американской позиции по созданию зон свободной торговли эта инициатива оказалась под угрозой заморозки, но после непродолжительного противостояния торгового характера в середине 2018 г. переговоры возобновились.[250]

Если стратегия США состояла в структурировании двух макрорегиональных пространств путем создания институтов свободной торговли как таковой,[251] замысел Китая сводится к тому, чтобы привести к общему началу интеграционные механизмы в АТР и Евразии. Под этим общим началом понимается инфраструктура.[252] В самом деле, представляется логичным, что облегчение торговли между Восточной Азией и Европой с помощью развития морских и сухопутных транспортных узлов привлечет инвестирование, а следом за ним — вызовет спрос на облегчение тарифных режимов. Для этого КНР делает ставку на свою инициативу ОПОП, возникшую как результат синтеза Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Интересы в максимизации выгоды от развития инфраструктуры являются ключом к пониманию того, чем руководствуется Пекин при выборе стратегии участия в институциональном строительстве. Следуя своему классическому пути реализации реформ, китайская политика постепенно испытывает и внедряет свое видение «справедливой свободной торговли». Благодаря своей инфраструктурной направленности китайский подход к региональной интеграции резко контрастирует с американским. США стремятся к интеграции «сверху вниз», то есть формулированию правил торговли, к которым государства должны в течение нескольких лет адаптировать свои экономические системы и законодательства. Китай, в свою очередь, создает железные и автомобильные дороги, транспортно-логистические узлы и другие объекты, чтобы торговля стала более интенсивной и появилась необходимость в ее либерализации, а вопрос о ее конкретных правилах оставляет открытым. Цели участия КНР в АТЭС: содействие развитию региональной экономики, использование ресурсов сообщества для собственного развития и укрепления его модели, совершенствование американско-китайского сотрудничества, укрепление сотрудничества с

---

[249] Inman, P. TTIP: the key to freer trade, or corporate greed? [Электронный ресурс] / P. Inman // The Guardian. — 2016. — Режим доступа: http://www.theguardian.com/business/2016/jan/02/ttip-terms-growth-markets-worker-protection (дата обращения: 05.05.2019)

[250] Swanson, A.; Ewing, J. Trump's Trade Truce With Europe Has a Familiar Feel: It Mirrors Obama's Path [Электронный ресурс]. / A. Swanson, J. Ewing // The New York Times. — 26 July 2018. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2018/07/26/us/politics/trump-trade-european-union.html (дата обращения: 05.05.2019)

[251] Boutin, J.D.K. Balancing Act: Competition and Cooperation in US Asia-Pacific Regionalism [Электронный ресурс]. / J.D.K. Boutin // Japanese Journal of Political Science. — Vol. 12, issue 2. — 2011. — Режим доступа: https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/article/balancing-act-competition-and-cooperation-in-us-asiapacific-regionalism/2F7911183B67A6846331AF88D17CC9A0 (дата обращения: 05.05.2019)

[252] Roland-Holst, D. Infrastructure as a Catalyst for Regional Integration, Growth, and Economic Convergence: Scenario Analysis for Asia [Электронный ресурс]. / D. Roland-Holst. — 2009. — Режим доступа: https://are.berkeley.edu/~dwrh/Docs/ADB_CH4_Infrastructure_DRH.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

другими странами организации. С США были достигнуты наибольшие объемы товарооборота, а в институциональном разрезе 70% китайской внешней торговли и 70% иностранных инвестиций в Китай приходится на страны АТЭС.[253]

Как активное стремление США форсировать внедрение готовых решений для модели свободной торговли XXI века, так и экономическая экспансия Китая таят вызовы и угрозы для положения России в будущей конфигурации экономических и политических отношений. Чем раньше и активнее РФ начнет проявлять себя в происходящих институциональных процессах, тем меньше вероятность, что ей придется оптимизировать свои ожидания под сложившийся после прохождения точки невозврата баланс сил и интересов без возможности изменить его. Для этого необходимо диверсифицировать участие в различных институтах, воплощающих альтернативные подходы региональных лидеров к укреплению их позиций в интеграционных процессах. Эффективность собственной региональной политики России зависит от способности рационально использовать особенности каждого института, опосредующего состояние региональной подсистемы и кумулятивную политическую волю государств и неправительственных акторов.

3.1.1.1 Трехсторонняя зона свободной торговли КНР—РК—Япония

Одним из подтипов экономического регионализма по Г.К. Широкову и А.И. Салицкому является вариант формально институционализированного сотрудничества, которому свойственно порождать так называемые «треугольники роста».[254] Отношения между тремя экономическими лидерами Северо-Восточной Азии являются типичным примером такого развития сотрудничества, и как все прочие существующие в регионе форматы взаимодействия, оно чувствительно к изменениям поведения своих участников с точки зрения применения ими кооперативных и конкурентных моделей.

Важность влияния на региональный облик интеграционных процессов между КНР, Японией и РК на трехсторонней основе нельзя недооценивать ввиду ряда причин. Во-первых, совместный ВВП этих государств в 2014 году составлял 21% от мирового, что уступало только показателям НАФТА (26,3%) и Евросоюза (23,8%). Для сравнения, создававшееся в то время Экономическое сообщество АСЕАН создавало только 3,2% от мирового валового продукта.[255] Во-вторых, трехстороннее партнерство — это уникальный опыт поиска «общего знаменателя» как между объективными экономическими и политическими условиями развития этих

[253] Ж.В. Петрунина, Современный Китай и его окружение…, с. 124

[254] Широков Г.К. Тенденции современного развития: глобализация и/или регионализация? (Регионализация и ее типы) / Г. К. Широков, А. И. Салицкий // Восток (ORIENS). 2003. № 5. С. 89–90.

[255] Three Countries in the World Statistics [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2018. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20180816200547/http://www.tcs-asia.org/en/data/statistics.php (дата обращения: 05.05.2019)

локомотивов региональной и мировой экономики, так и между их ценностными парадигмами, с помощью которого они осмысливают судьбу региона и свое место в нем. АСЕАН, тоже охватывающая крайне разнородное по своим характеристикам пространство, состоит из малых стран, для которых институционализированное сотрудничество — не вспомогательный инструмент приобретения относительного преимущества, а необходимое условие способности отстаивать свои интересы, в том числе в безопасности. Для КНР, Японии и РК нет такой насущной необходимости в силу отсутствия явно выраженной угрозы, способной в любой момент нанести непоправимый ущерб их интересам. Для них региональные интеграционные взаимодействия и регионализация — это способы минимизации недополученной выгоды, и свое участие в институтах они способны дозировать сообразно изменениям региональной и глобальной обстановки, запросам внутренней политики и т.д. Поэтому те решения, которые войдут в основу обсуждаемого трехстороннего режима свободной торговли, будут использоваться как образец в дальнейших институциональных практиках и диктовать соответствующую повестку в последующие годы, в то время как возможность воспроизведения аналогичных практик, созданных странами АСЕАН, в том числе в формате АСЕАН+1 с каждым из участников треугольника по отдельности, будет довольно ограничена.

Современная история института трехстороннего партнерства между КНР, РК и Японией начинается с принятого в 2008 году Плана действий по развитию сотрудничества.[256] Данный документ является подведением промежуточного итога усилиям, предпринятым с 1999 года, когда был проведен первый саммит. Он объединил в себе решения предыдущих саммитов вместе с идеями, которые получили выражение в форме Совместной декларации по развитию трехстороннего сотрудничества 2003 года[257] и Стратегии действий 2004 года.[258] В результате принятия Плана действий кооперация между тремя государствами получила дополнительные инструменты координации в виде четырех подинститутов: самого Саммита, встреч министров иностранных дел, старших служащих внешнеполитических ведомств (механизм стратегической дискуссии о региональных и глобальных процессах), а также так называемого «Кибер-секретариата трехстороннего сотрудничества», предназначенного для непрерывного

[256] Action Plan for Promoting Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Japan-China-ROK Trilateral Summit. — 2008. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2008.12.13)Action%20Plan%20for%20Promoting%20Trilateral%20Cooperation.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[257] Joint Declaration on the Promotion of Tripartite Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea [Электронный ресурс]. / Japan-China-ROK Trilateral Summit. — 2003. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2003.10.07)Joint%20Declaration%20on%20the%20Promotion%20of%20Tripartite%20Cooperation.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[258] The Action Strategy on Trilateral Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea [Электронный ресурс]. / Three-Party Committee. — 2004. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2004.11.27)The%20Action%20Strategy%20on%20Trilateral%20Cooperation.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

мониторинга реализации отдельных партнерских программ. Было достигнуто также взаимно приемлемое видение четырех масштабных направлений развития и детального содержания каждого из них.

1) Экономическая деятельность: консультации национальных научно-исследовательских учреждений, соглашение по трехстороннему инвестированию, условия ведения бизнеса, позиция по взаимоотношениям в вопросах энергетики, логистическому сотрудничеству, таможенные контакты, консультационный механизм по промышленному сотрудничеству и финансам.
2) Окружающая среда, наука и технологии: укрепление контактов для создания Восточноазиатского партнерства по снижению выброса атмосферных газов, наблюдение за состоянием морской акватории и миграций птиц, научно-техническая площадка для сотрудничества, совместное развитие коммуникационных и информационных технологий.
3) Социетальная сфера: прибрежное патрулирование для поиска и спасения лиц, терпящих бедствие, улучшение здравоохранения, возобновление трехстороннего форума (служит целям обмена знаниями и опытом в региональных делах для академических кругов), молодежные обмены, проект совместного хранилища культурных ценностей, спорт, туризм.
4) Политическая координация по международным вопросам: диалог внешнеполитических курсов по изменению климата, Африке, сотрудничеству в АТР, шестисторонним переговорам, реформе ООН, режиму нераспространения и разоружения.

В 2010 году принято соглашение, обозначившее совместное решение об установлении Секретариата трехстороннего сотрудничества.[259] Его призвание состояло в эволюции модели «Кибер-секретариата» путем наделения его практической возможностью по централизации деятельности, направленной на обеспечение организационных потребностей сообщества. К таковым относились административно-техническое управление консультативными механизмами (к числу которых присоединился трехсторонний комитет), сотрудничество с другими международными институтами, особенно восточноазиатскими организациями, исследование потенциальных проектов сотрудничества среди трех стран и соединение их с подходящим для их дальнейшего принятия институциональным механизмом, разработка

[259] Agreement on the Establishment of Trilateral Cooperation Secretariat [Электронный ресурс]. / Japan-China-ROK Trilateral Summit. — 2010. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2010.12.16)Agreement%20on%20the%20Establishment%20of%20the%20Trilateral%20Cooperation%20Secretariat.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

собственных проектов и ежегодных отчетов, а также информационное обеспечение сотрудничества.

Положение о Секретариате устанавливает определения и регулирует отношения в стандартном для подобных документов ключе.[260] Во главе ставился Генеральный секретарь, избиравшийся на два года поочередно между представителями каждой страны и обладавший подробно расписанными полномочиями. По сути, это соглашение представляет собой полноценный уставной документ международной организации. Как и большая часть документооборота, сопровождающего институционализацию АТР, он составлен на английском языке. Наиболее принципиальное значение имел выбор места размещения секретариата, поскольку он напрямую подразумевает видение географического местоположения как самой будущей организации, так и предопределенного ей экономического роста, будь ее деятельность развернута в полную силу. Япония и КНР нашли компромиссное решение в виде Южной Кореи.

Последний этап интеграционного развития институциональной структуры трехсторонних отношений сопровождался новым витком мирового кризиса (т.н. «Великой рецессии»), потребовавшим повторной мобилизации совместных инструментов по смягчению его влияния на глобальные финансовые институты. Был дан долгожданный толчок развитию центральных экономических механизмов в процессе введения новых — трехсторонней свободной торговли и инвестиционной базы.[261] В 2012 году объем совместного пространства для деятельности стал настолько глубоким, многофакторным, разветвленным и детализированным, что не оставлял сомнений в огромной проделанной этими странами работе по формированию коллективного облика будущего и своего места в нем. На протяжении всего периода развития этой инициативы возникали противодействия, скандалы и провокации, отличающиеся от нынешних только интенсивностью конфронтационного начала между КНР и Японией. В предыдущие годы ни одна, ни другая страна не проявляла столь принципиальной настойчивости в нанесении урона репутации конкуренту. В таких ситуациях соблюдалась двойственность: политический дискурс мог в отдельных случаях радикализироваться, но стабильно отстаивалась презервация состояния экономических отношений.

---

[260] Agreement on the Establishment of Trilateral Cooperation Secretariat...

[261] 2008-2012 Progress Report of the Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2012. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/2.%20Progress%20Reports/1.%20English/2008-2012%20Progress%20Report.pdf (дата обращения: 05.05.2019) См. также: 2012-2013 Progress Report of the Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2013. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/2.%20Progress%20Reports/1.%20English/2012-2013%20Progress%20Report.pdf (дата обращения: 05.05.2019); 2014-2016 Progress Report of the Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2016. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/publication/progress/2015-2016%20Progress%20Report%20of%20Trilateral%20Cooperation.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

К маю 2012 года уровень отношений в трехсторонней интеграции вплотную приблизился к точке невозврата, за которой наступал качественный скачок в уровне взаимозависимости между странами. Переориентировать внешнюю политику в сторону США, Евросоюза или ее какого-либо игрока при таком раскладе значило бы нанести серьезный ущерб своему экономическому росту, к тому же навсегда изменилась бы конфигурация суверенитета. К тому времени в пространстве трехстороннего сотрудничества получили институциональное воплощение все механизмы, предложенные в программах развития. Их дальнейшее развитие оставалось за окончательным утверждением правовых рамок, которые должны были дать ход воплощению замыслов. В числе таковых — зона свободной торговли, переговоры по которой было решено начать в 2012, а также инвестиционного соглашения и плана действий по таможенному сотрудничеству.[262] Комбинация этих трех мер медленно, но решительно преображает облик дипломатических отношений между странами.

С весны 2012 г., одновременно с V саммитом трехстороннего партнерства, шел процесс по покупке Японией части островов Сенкаку, находившихся в частной собственности.[263] Первоначально идею приобрести часть земель у их собственников озвучил губернатор Токио, однако вскоре эту инициативу подхватило правительство Японии, и премьер-министр добился решения о проведении сделки. Ожидалось, что реакция Пекина будет сдержаннее, если ее проведет государственное, а не столичное правительство. Покупка состоялась за несколько дней до саммита АТЭС во Владивостоке, и Пекин выразил протест, оспорив законность сделки. Обе страны продолжали считать острова собственной территорией, к тому же, был задан ход ответным провокациям со стороны представителей радикально настроенного населения Китая — более 50 городов охватили акции протеста. Особенную поддержку получил призыв к бойкоту японских товаров: в результате импорт КНР из Японии в сентябре упал на 14%, что уменьшило объем торговли на 4,5%, продолжив снижаться в октябре, также сократился размер прямых инвестиций Японии, а общий ущерб от демонстраций ее правительство оценивает в 10 млрд иен[264] (что в пять раз превысило сумму скандальной сделки).

Хуже того, все попытки КНР обратиться к японской стороне по поводу урегулирования встречали непризнание самого факта существования проблемы, и дальнейшие попытки Китая спровоцировать начало обсуждения приводили только ко все большему неприятию Токио.

---

[262] Joint Declaration on the Enhancement of Trilateral Comprehensive Cooperative Partnership [Электронный ресурс]. / The Fifth Trilateral Summit Meeting among The People's Republic of China, the Republic of Korea and Japan. Beijing, China. — 2012. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2012.05.13)Joint%20Declaration%20on%20the%20Enhancement%20of%20Trilateral%20Comprehensive%20Cooperative%20Partnership.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[263] Przystup, James J. Japan-China Relations: 40th Anniversary: “Fuggetaboutit!” [Электронный ресурс]. / James L. Przystup. // Comparative Connections. — January 2013. — Режим доступа: http://cc.pacforum.org/2013/01/40th-anniversary-fuggetaboutit/ (дата обращения: 05.05.2019)

[264] Przystup, James J. Japan-China Relations…

Аналогичной позиции будет впоследствии придерживаться Китай в отношениях со странами ЮВА, которые тоже имеют территориальные претензии, отрицая сам факт наличия объекта диспута. Ситуация, которая позволяла под благовидным предлогом свернуть активные переговоры по созданию условий роста взаимозависимости между Японией и КНР, получила развитие с приходом к власти Синдзо Абэ. Во время первого срока своего правления ни разу не посещавший храм Ясукуни из-за данного им тогда предвыборного обещания, он совершил визит во время своего второго премьерского срока.[265] С. Абэ делал небольшие пожертвования, а в 2013 году высказал свои соображения о справедливости желания воздавать память жертвам, мотивируя это тем, что лидеры США посещают могилы солдат-конфедератов.[266] Со временем к протестам КНР присоединилась Южная Корея, чей министр иностранных дел отменил свой японский визит,[267] а С. Абэ окончательно превратил храм Ясукуни в своего рода политический инструмент, посещая его либо отказываясь от посещения в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры.[268]

Многие другие действия японского премьер-министра в последующие годы, а именно призыв к частичному пересмотру роли Японии во Второй мировой войне,[269] празднование «дня восстановления суверенитета» в годовщину упразднения послевоенной администрации,[270] еще более ухудшили состояние отношений между Японией, с одной стороны, и КНР и РК, с другой. Неформальные попытки улучшить положение силами лидера партии Комэйто, находящейся в коалиции с ЛДПЯ, который действовал по линии Ассоциации японско-китайской дружбы, делегации во главе с бывшим премьер-министром Маруямой, которая тоже обратилась в эту ассоциацию, и лично бывшего премьер-министра, Юкио Хатояма, который провел переговоры с министром иностранных дел и руководителем политического и консультативного совета, где признал наличие спора, не привели к какому-либо успеху.[271]

В условиях такой конъюнктуры, в 2013 г. активность Саммита трехстороннего партнерства значительно снизилась. Проведенный в марте первый раунд переговоров по

---

[265] Посещение Синдзо Абэ храма Ясукуни бросило еще одну тень злого рока на Азию и весь мир [Электронный ресурс]. / Жэньминь жибао. — 18 октября 2012. — Режим доступа: http://russian.people.com.cn/31520/7981878.html (дата обращения: 05.05.2019)

[266] КНР осудила посещение премьером Японии «милитаристского» храма в Токио [Электронный ресурс]. / РИА Новости. — 26 апреля 2013. — Режим доступа: https://ria.ru/20131226/986514726.html (дата обращения: 05.05.2019)

[267] Глава МИД Южной Кореи в знак протеста отменил визит в Японию [Электронный ресурс]. / Лента. — 22 апреля 2013 — Режим доступа: http://lenta.ru/news/2013/04/22/cancelled/ (дата обращения: 05.05.2019)

[268] Абэ отказался от визита в «милитаристский» храм Ясукуни в преддверии визита в Китай [Электронный ресурс]. / Интерфакс. — 18 октября 2018. — Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/633911 (дата обращения: 05.05.2019)

[269] Przystup, J.J. Japan-China Relations: Treading Troubled Waters [Электронный ресурс]. / James J. Przystup. // Comparative Connections. — May 2013. — Режим доступа: http http://cc.pacforum.org/2013/05/treading-troubled-waters/ (дата обращения: 05.05.2019)

[270] Japan marks 'return of sovereignty' day [Электронный ресурс]. / BBC. — 28 April 2013. — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-22330635 (дата обращения: 05.05.2019)

[271] James J. Przystup. Japan-China Relations: Treading…

созданию трехсторонней зоны свободной торговли продлился в Сеуле два дня. Было принято решение произвести в течение года еще две встречи — на территории Китая и Японии.[272] Тем не менее, в том году ни саммит, ни встреча на уровне министров иностранных дел не состоялись. Таким образом, традиция ежегодного проведения саммитов, на которых три стороны обсуждали вопросы, относящиеся не только к созданию зоны свободной торговли, но и более широкую повестку всеобъемлющего партнерства в экономическом и социальном партнерстве, прервалась в 2012 году. В 2015 году переговоры были возобновлены, во многом благодаря усилиям Южной Кореи, которая из всех участников площадки занимает наименее ангажированную позицию и заинтересована в свободном доступе на рынок Японии. Тем не менее, мероприятие носило символический характер и не касалось острых тем.[273] Как бы то ни было, конъюнктура для возобновления регулярных встреч вновь оказалась неудачной, и следующая встреча на высшем уровне состоялась только в 2018 г. на волне обострения северокорейского кризиса. По всей видимости, стороны использовали формат как дополнительный инструмент согласования позиций в отношении Пхеньяна, а в повестке свободной торговли ограничились высказыванием поддержки в адрес переговорного процесса по ВРЭП.[274]

В настоящий момент наибольшую обеспокоенность вызывает безопасность самой работы по разработке и принятию решений, которые обеспечат новый положительный стимул всей мировой экономике через ее ключевых производителей. Когда Трехстороннее сотрудничество подобралось вплотную к воплощению механизмов экономического взаимопроникновения, подготовленных интеграционным курсом, дипломатические отношения двух главных триггеров этого процесса, КНР и Япония, испытали взрыв провокаций и взаимного давления. В настоящий момент накопленный КНР-РК-Японией опыт занимает центральное место в «существующих экономических связях», призванных разработчиками ВРЭП «подтолкнуть экономический рост и справедливое экономическое развитие, модифицировать экономическое сотрудничество в расширении и углублении интеграции региона».[275] В ходе этой деятельности должна быть параллельно достигнута реализация нового

[272] Hui. L. China, Japan, ROK end 1st FTA talks with progress [Электронный ресурс]. / L. Hui // Xinhua. — 2013. — Режим доступа: http://www.wtocenter.vn/chuyen-de/2654-china-japan-rok-end-1st-fta-talks-with-progress (дата обращения: 05.05.2019)

[273] Tiezzi, S. With Trilateral Summit, China-Japan-Korea Cooperation 'Completely Restored' / S. Tiezzi // The Diplomat. — 3 November 2015. — Режим доступа: https://thediplomat.com/2015/11/with-trilateral-summit-china-japan-korea-cooperation-completely-restored (дата обращения: 05.05.2019)

[274] Hurst, D. China-Japan-South Korea Trilateral (Finally) Meets Again / D. Hurst // The Diplomat. — 12 May 2018. — Режим доступа: https://thediplomat.com/2018/05/china-japan-south-korea-trilateral-finally-meets-again (дата обращения: 05.05.2019)

[275] Ganeshan W. Why the RCEP matters for Asia and the world / W. Ganeshan. — East Asia Forum. — 2013. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2013/05/15/why-the-rcep-matters-for-asia-and-the-world (дата обращения: 05.05.2019)

партнерского соглашения, обеспечивающего открытый характер торговому и инвестиционному климату в регионе.

3.1.1.2 ВРЭП

Ранняя инициатива по созданию многосторонней зоны свободной торговли, которая объединяла бы АСЕАН с группой других государств, возникла еще в начале 2000-х годов, когда Ассоциация начала экспериментировать с расширенными форматами постоянного сотрудничества. Параллельно с возникновением таких институтов, как АСЕАН+3 (КНР, РК, Япония) и АСЕАН+6 (КНР, РК, Япония, Индия, Австралия, Новая Зеландия), шли переговорные процессы по созданию зон свободной торговли с каждым из перечисленных государств, за исключением Австралии и Новой Зеландии, которые выступили в переговорах вместе.[276] Все зоны свободной торговли появились к концу 2010 года. Начиная с 2004 года на базе АСЕАН+3 обсуждалась идея создания Зоны свободной торговли для Восточной Азии по инициативе Китая. Чтобы не допустить его лидерства в экономической интеграции, в 2006 году на базе АСЕАН+6 Япония озвучила идею Всеобъемлющего экономического партнерства для Восточной Азии.

С течением времени Япония оказалась постепенно выдавлена из числа локомотивов этого переговорного процесса, и все его результаты были перенесены на ВРЭП, который стал формальным преемником ВЭПВА. Инициатива возникла в 2012 году, и уже в следующем году Япония решила сделать ставку на ТТП, формально не выходя из переговоров по ВРЭП. В 2017 году этот институт объединял 16 стран с населением в более чем 3,5 млрд человек (почти половина населения Земли) и $ 25,4 трлн ВВП (около 28.8% мирового ВВП).[277] Если проект партнерства вступит в силу, он станет крупнейшим в мире интеграционным образованием. Состав участников переговоров с момента их начала не менялся, но теоретически для этого нет препятствий: это институт открытого регионализма, и создание зоны свободной торговли в формате АСЕАН+1 дает основания присоединиться к нему.

Обсуждение формата сотрудничества идет по стандартному для основанных на АСЕАН соглашений о свободной торговле механизму: стороны сначала договариваются о рамках партнерства, затем адресно решают вопросы обмена товарами, услугами и создания общего инвестиционного режима. При этом принимается во внимание неравномерность экономического развития участвующих стран, что позволяет принимать неодинаковые решения

[276] Free Trade Agreements with Dialogue Partners / ASEAN Economic Community [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: http://asean.org/asean-economic-community/asean-free-trade-area-afta-council/agreements-declarations (дата обращения: 05.05.2019)

[277] Regional Comprehensive Economic Partnership. RCEP market snapshot (including Australia) [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/Pages/regional-comprehensive-economic-partnership.aspx (дата обращения: 05.05.2019)

по снятию торговых тарифов и ограничений: от страны к стране могут меняться отрасли, размеры тарифа и сроки их снижения. Собственно, эта гибкость, с одной стороны, делает ВРЭП более выгодным форматом (в первую очередь по сравнению с ТТП), а с другой — усложняет и замедляет переговорный процесс. Считается, что КНР не может навязать с помощью этого режима свои правила, так как остальные страны могут от них отказаться.[278] Но отсутствие конкуренции улучшает его переговорную позицию: например, если в одном формате КНР получает 3% и его партнер 1,5% к торговому обороту, а в другом формате, в котором Китай не участвует, партнер получает 2,5%, то Китаю приходится либо менять предлагаемые правила, либо лишаться потенциально выгодной сделки.

Разрабатываемое соглашение затрагивает вопросы конкуренции, защиты частной собственности, электронной торговли, финансовых услуг, телекоммуникаций, таможенного оформления. Системообразующая функция института — привести к единому началу сеть зон свободной торговли, которые установлены между АСЕАН в целом и его участниками со странами, не входящими в Ассоциацию, таким образом, чтобы установленные стандарты стали основой для правил торговли на ближайшее десятилетие в региональном масштабе. Наиболее амбициозной составляющей этого института является стремление использовать выработанные решения, чтобы обогатить практику таких институтов, как ВТО и ЮНКТАД, выведя стандарты и правила торговли на глобальный уровень. Это особенно важно в ключе трансрегиональных соглашений Китая — например, с группой стран Центральной и Восточной Европы и Персидского залива.

Сведение двух конкурирующих процессов институционального строительства (ВАЗСТ и ВЭПВА), казалось бы, показали, что два локомотива интеграционного развития смогли договориться как минимум о формате будущего образования, сделав выбор между зоной свободной торговли и всеобъемлющим экономическим партнерством. В дальнейшем это в определенном смысле оказалось выгодно для китайской политической конъюнктуры, ставшей позиционировать себя как едва ли не главного сторонника экономической либерализации в регионе с утратой этой позиции Соединенными Штатами.[279] Такое позиционирование стало особенно актуальным в условиях необходимости давать экономическое и политическое обоснование активному продвижению китайской инициативы «Один пояс, один путь».[280] И тем

[278] Why the RCEP is The Only Game in Town For Asean Following TPP Trumping [Электронный ресурс]. / East Asia Forum. — 2017. — Режим доступа: https://aecnewstoday.com/2017/why-the-rcep-is-the-only-game-in-town-for-asean-following-tpp-trumping (дата обращения: 05.05.2019)

[279] China vigorously promotes free trade across Asia-Pacific [Электронный ресурс]. / Xinhua. — 6 November 2017. — Режим доступа: https://www.chinadailyhk.com/articles/53/30/249/1509982036094.html (дата обращения: 05.05.2019)

[280] U.S. trade war set to hurt China, but may render ASEAN winner [Электронный ресурс]. / ABS-CBN news. — 27 December 2018. — Режим доступа: https://news.abs-cbn.com/overseas/12/27/18/us-trade-war-set-to-hurt-china-but-may-render-asean-winner (дата обращения: 05.05.2019)

не менее, стороны по переговорам в рамках ВРЭП до сих пор не могут преодолеть фундаментальные противоречия; в конце 2018 года они в очередной раз договорились о том, что переговоры должны завершиться в следующем, 2019, году. Одним из камней преткновения стала протекционистская политика Индии, не желающей уступать Китаю 86% своего рынка.[281] Интересно, что Индия рассматривается некоторыми аналитиками как проводник интересов США в региональной экономической повестке, государство, способное, как минимум, сдерживать Китай, а в перспективе — стать центром интеграционных процессов в концепции Индийско-Тихоокеанского региона.[282] Таким образом, вопреки формальной самоизоляции США из процессов интеграционного строительства в АТР, значение этой страны в институциональном регионализме как таковом не свелось до роли аутсайдера. Как минимум часть американского политического истеблишмента воспринимает в качестве угрозы возможность консолидации интеграционной повестки вокруг ВРЭП, где Китай способен получить лидирующее положение.[283] Одним направлением для балансирования ВРЭП является поддержка ВПСТТП с тем, чтобы больше стран, участвующих в АСЕАН, вступали в этот институт. Таким образом, Вашингтон способен оказывать не только непрямое воздействие на переговоры по ВРЭП, но и увеличивать конкурентные позиции института на более долгосрочную перспективу, когда ВРЭП вступит в силу (если его не сменит какая-либо иная инициатива КНР), а США вернутся в институциональный регионализм АТР как его активный участник. В то же время, Индия выигрывает время для своего партнера, ставя новые условия в переговорном процессе по ВРЭП и затягивая принятие окончательного соглашения.

В начале июня недовольство медленным ходом переговоров по ВРЭП актуализировало вопрос о возвращении к оригинальной китайской инициативе — ВАЗСТ на основе АСЕАН+3.[284] Это предложение стало очередным витком в цикле применения инструментов сотрудничества и соперничества в институциональном строительстве с целью поиска баланса между желанием участников приблизить выгоды от новых источников роста и стремлением не допустить чрезмерного усиления кого-либо из претендентов на глобальное лидерство. Некоторые аналитики считают, что готовность Китая исключить из переговорного процесса не

---

[281] Baird, V. Winners and losers [Электронный ресурс]. / V. Baird. // New Internationalist. — 7 January 2019. — Режим доступа: https://newint.org/features/2019/01/07/winners-and-losers (дата обращения: 05.05.2019)

[282] Chandran, N. As Pence kicks off his Asia tour, other countries have their own ideas for the 'Indo-Pacific' [Электронный ресурс]. / N. Chandran // CNBC. — 11 November 2018. — Режим доступа: https://www.cnbc.com/2018/11/12/us-japan-and-indonesia-set-their-sights-on-the-indo-pacific-region.html (дата обращения: 05.05.2019)

[283] Sundararaman, S. Indo-Pacific economic corridor: A vision in progress [Электронный ресурс]. / S. Sundararaman. // Observer Research Foundation. — 10 February 2018. — Режим доступа: http://www.orfonline.org/research/indo-pacific-economic-corridor-a-vision-in-progress/ (дата обращения: 05.05.2019)

[284] Sen Amiti. Indian, Chinese officials hold dialogue to break deadlock in RCEP trade negotiations [Электронный ресурс]. / Hindu Business Line. — June 11, 2019. — Режим доступа: https://www.bilaterals.org/?indian-chinese-officials-hold (дата обращения: 15.06.2019)

только Индию, но и Австралию с Новой Зеландией, повлияет на последние две страны и убедит их оказать давление на Индию.[285]

Несмотря на выход США из ТТП, другие участники нашли способ сохранить его. Одной из целей визита С. Абэ в США было стремление японской стороны переубедить Дональда Трампа в его позиции по ТТП и, как минимум, договориться о двустороннем режиме свободной торговли.[286] Австралия (и, скорее всего, Новая Зеландия) разрабатывает формат, в который можно было бы перенести принятые решения — в качестве одного из вариантов назывался «ТТП минус 1»,[287] который в итоге и вошел в основу нового соглашения: логика регионализма АТР требовала сохранения баланса интересов в экономике.

3.1.1.3 Соглашение о ТТП

ТТП объединяет 11 стран, представляющих около 30% мирового ВВП и почти четверть мирового торгового оборота.[288] Процесс ратификации оригинального Соглашения о ТТП должен был занять около двух лет, причем для начала деятельности института данный документ должен был получить одобрение в половине стран. Реализация всех положений в их нынешнем виде займет вплоть до десятилетия. Институт создан не только для либерализации торговли путем снижения тарифных барьеров, но также для создания общих правовых рамок защиты интеллектуальной собственности и общих стандартов экологического и трудового законодательства.[289] Наиболее же противоречивой частью оригинального Соглашения считался механизм урегулирования споров между государствами и инвесторами, облегчающий способность частного сектора вовлекать государства в судебные разбирательства и добиваться компенсаций, если их экономические интересы ущемлены.[290] Тем не менее, в этом отношении важно понимать, что уже к концу 2015 года существовало около 3000 международных

---

[285] China proposes ASEAN+3 mega free trade agreement sans India, Australia and NZ [Электронный ресурс]. / Hindu Business Line. — May 26, 2019. — Режим доступа: https://www.bilaterals.org/?china-proposes-asean-3-mega-free (дата обращения: 15.06.2019)

[286] Abe, Trump agree to discuss post-TPP bilateral trade framework [Электронный ресурс]. / The Japan Times. — 2017. — Режим доступа: http://www.japantimes.co.jp/news/2017/02/11/national/politics-diplomacy/abe-trump-agree-discuss-bilateral-trade-framework (дата обращения: 05.05.2019)

[287] Fenson, A. While Trump and Abe Eye Bilateral Pact, Australia Keeps TPP Alive [Электронный ресурс]. / A. Fensom // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/while-trump-and-abe-eye-bilateral-pact-australia-keeps-tpp-alive (дата обращения: 05.05.2019)

[288] Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership [Электронный ресурс]. / World Bank. — 2016. — Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/freepdfdownloadservlet?articleID=1X0A7NFO&LANGUAGE=en (дата обращения: 05.05.2019)

[289] TPP Final Table of Contents [Электронный ресурс]. / Office of the United Stated Trade Representative. — 2016. — Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text (дата обращения: 05.05.2019)

[290] Zaccone, J. The Trans Pacific Partnership: A Corporate Wish-List [Электронный ресурс]. / J. Zaccone. — 2016. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/294428661_The_Trans_Pacific_Partnership_A_Corporate_Wish-List (дата обращения: 05.05.2019)

договоров,[291] предполагающих наличие такого инструмента, в том числе с участием Китая, поэтому внедрение его в общепринятую торговую практику можно считать состоявшимся.

С точки зрения Bank of China, принадлежащего правительству КНР, отличительные особенности ТТП таковы:[292]

— включение в переговорный процесс либерализации торговли не только товарами, но и услугами, технологиями, а также механизмов инвестирования;

— регулирование не только тарифных, но и нетарифных барьеров, а также мер, относящихся сугубо к компетенции внутренней политики;

— наличие вопросов трудового и экологического законодательства, положения малого и среднего бизнеса, а также государственных предприятий, обеспечения транспарентности.

ТТП отражает важную особенность интеграционных процессов в АТР, отличающих Азиатско-Тихоокеанский регионализм от других: наличие среди участников Соглашения стран, уже имеющих режим свободной торговли либо с США, либо друг с другом без участия США (возможно также сочетание обоих вариантов).[293] Этот факт демонстрирует высокую интенсивность процессов институционального строительства, что, в свою очередь, отражает релевантность интеграции в АТР позициям вовлеченных в нее государств. При этом существуют сомнения в том, действительно ли появление нового института свободной торговли способно повлиять на региональный баланс сил.[294] К примеру, появление зоны свободной торговли между США и Южной Кореей не изменило региональные позиции этих государств, в отличие от политических договоренностей между этими странами в свете северокорейской ядерной и ракетной программ. Этот факт заставляет многих исследователей сомневаться в том, что гипотетическая неудача в ратификации Соглашения, например, в Японии серьезно подорвет японо-американский союз.

США не только в ТТП, но и в других институтах свободной торговли уделяют особое внимание следующим отраслям: сельское хозяйство, инвестирование, сфера услуг,

---

[291] Investor-to-State Dispute Settlement (ISDS). Some facts and figures [Электронный ресурс]. / European Commission. — 2015. — Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/january/tradoc_153046.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[292] Global Economic and Financial Outlook. 2016 Annual Report / Bank of China [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: http://pic.bankofchina.com/bocappd/rareport/201512/P020151231839629859302.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[293] Williams, B.R. Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Trade and Economic Analysis [Электронный ресурс]. / Congressional Research Service. — 2013. — Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[294] Williams B.R., Dolven B., Fergusson I.F. The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications [Электронный ресурс]. / Congressional Research Service. — 2016. — Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

интеллектуальная собственность.[295] Важно отметить тот факт, что проект подвергался критике внутри Соединенных Штатов. Политические оппоненты нынешней администрации президента утверждают, что зарубежным инвесторам будет проще устанавливать финансовый контроль над землей, частными компаниями, природными ресурсами и объектами инфраструктуры, а еще большее количество рабочих мест окажется перенесено за границу.[296] В ответ на это сторонники соглашения замечают, что эти издержки соответствуют Шумпетерову «созидательному разрушению», необходимому для того, чтобы освобождалось место для более эффективных экономических агентов, выводящих условия торговли на более высокий уровень.[297]

К вышеупомянутой критике стоит добавить, что, как и в прочих проектах свободной торговли, выгода от участия в ТТП разнится от страны к стране и целиком зависит, во-первых, от уровня ее экономического развития, во-вторых, от структуры экономики. Свободная торговля лучше сочетается с одними видами деятельности (например, информационные технологии) и практически не уживается с другими. В частности, сельское хозяйство, для которого характерны убывающая отдача и совершенная конкуренция, даже в экономически развитых странах нуждается в тарифной защите.[298] Что же касается экономической структуры, то свободная торговля способна усилить социально-экономическое неравенство за счет сокращения предприятий и снижения зарплат их сотрудников, если из-за введения свободной торговли их конкурентоспособность оказывается ниже аналогичных в других странах. Таким образом, для того, чтобы сформировать новую торговую практику, ТТП должно подтвердить, что участие в нем на деле не ухудшает экологические и трудовые условия вовлеченных в него стран.

Китай признал ключевое значение ТТП для продвижения повестки западных стран во введении новых правил торговли, что должно было повлечь за собой формирование нового экономического порядка.[299] Значение Соглашения для процессов, создающих Азиатско-

---

[295] Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief [Электронный ресурс]. / Congressional Research Service. — 2016. — Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[296] 10 Presidential Candidates Criticize the Trans-Pacific Partnership, Upping Political Costs of Supporting the Pact [Электронный ресурс]. / Citizen.org. — 2015. — Режим доступа: https://www.citizen.org/documents/presidential-candidates-TPP.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[297] Domínguez, G. The pros and cons of the Trans-Pacific Partnership pact [Электронный ресурс]. / G. Domínguez // DW. — 2016. — Режим доступа: http://www.dw.com/en/the-pros-and-cons-of-the-trans-pacific-partnership-pact/a-18597149 (дата обращения: 05.05.2019)

[298] Assessing the Trans-Pacific Partnership. Volume 1: Market Access and Sectoral Issues [Электронный ресурс]. / Peterson Institute for International Economies. — 2016. — Режим доступа: http://www.piie.com/publications/briefings/piieb16-1.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[299] Global Economic and Financial Outlook. 2016 Annual Report…

Тихоокеанский регионализм, с точки зрения поставленных в нем ключевых задач[300] в процессах институционального формирования регионального сообщества сводилось к четырем основным компонентам.

1) Снижение тарифных барьеров.

Абсолютное большинство интеграционных инициатив как в АТР, так и за его пределами начинается с создания зон свободной торговли, под которыми понимается экономическая деятельность в условиях недискриминирующего таможенно-тарифного режима. Снижение тарифных барьеров признается в качестве первичного фактора экономической интеграции как сторонниками «вашингтонского консенсуса», настаивающими на либерализации торговли, так и «неприсоединившимися» участниками (КНР, страны АСЕАН[301]). Такая распространенность задачи по построению региональных или субрегиональных зон свободной торговли среди интеграционных проектов в АТР является как объединяющим, так и разъединяющим фактором. С одной стороны, общее видение позволяет всем участникам процессов регионализма сформулировать общий подход к проблеме и фундамент для дальнейшей деятельности. С другой, одни и те же государства, одновременно участвуя в разных, но направленных на решение аналогичных задач, интеграционных группах, в конечном итоге могут приходить к разным результатам в отношении одних и тех же вопросов. Причина этому лежит в слабой скоординированной между собой деятельности региональных интеграционных групп.

2) Общие правовые рамки защиты интеллектуальной собственности.

Известные проблемы с защитой авторских прав в Китае[302] создают для этого государства как определенные конкурентные преимущества, так и ограничения в сотрудничестве с экономически развитыми странами. Создание еще более усложненного механизма защиты интеллектуальной собственности способно увеличить разрыв в этом отношении между участниками соглашения и Китаем, ограничив его потенциальные возможности по вступлению в институт. Важно заметить, что гибкость и адаптируемость, свойственные интеграционным институтам Азиатско-Тихоокеанского регионализма, в перспективе предполагало возможность включения КНР в рассматриваемое Соглашение,[303] например, в формате ТТП+1.

---

[300] Brief on Trans-Pacific Partnership [Электронный ресурс]. / Ministry of International Trade and Industry of Malaysia. — 2015. — Режим доступа: http://fta.miti.gov.my/miti-fta/resources/auto%20download%20images/555e5f99650cf.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[301] Tan M., Tan Bin Eng. Trade Secrets. ASEAN economic community: The last mile toward 2015 and beyond [Электронный ресурс]. / EY ASEAN Business Services Network. — 2015. — Режим доступа: https://www.ey.com/sg/en/industries/government---public-sector/ey-the-asean-economic-community-toward-a-streamlined-asean-supply-chain (дата обращения: 05.05.2019)

[302] Intellectual Property Rights In China [Электронный ресурс]. / Intellectual Property Office. — 2013. — Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/456352/IP_rights_in_China.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[303] China cautiously welcomes Trans-Pacific free trade deal [Электронный ресурс]. / BBC. — 2015. — Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-asia-34451326 (дата обращения: 05.05.2019)

3) Общие стандарты трудового и экологического законодательств.

Вызванное кризисом и другими факторами снижение потребления в Китае соответствует уменьшению спроса на энергоресурсы, что, вкупе с ориентацией КНР на «озеленение» своей энергетической сферы,[304] позволило государству несколько замедлить рост своей доли в выбросах CO2, хотя еще рано говорить о том, что этот процесс прошел свою пиковую стадию.[305] С другой стороны, наблюдается постепенное усложнение структуры производства в Китае и стабильный рост наукоемких производств, что заставляет руководство страны более внимательно относиться к нуждам работников производственной сферы и совершенствовать трудовое законодательство. В этом отношении у КНР и ТТП имелось пространство для сотрудничества. Тем не менее, проблемы могут возникнуть внутри самого института. В первую очередь это касается Вьетнама, сравнительно недавно переориентировавшего свою экономику на рыночную парадигму и создавшего условия для интенсификации урбанизации.[306] Таким образом, государству предстоит в скором времени воспроизвести в той или иной мере путь, который проходили современные развитые экономики региона во второй половине XX века. Если экстраполировать их опыт, следует ожидать, что экономика Вьетнама поначалу так или иначе будет характеризоваться низкой стоимостью рабочей силы, ориентацией на недорогие товары массового потребления в сфере производства, стремлением к созданию наименее трудоемкой энергетической инфраструктуры, а также возможными нарушениями прав интеллектуальной собственности. В меньшей степени эти проблемы могут наблюдаться в экономиках Брунея, ориентированного в первую очередь на экспорт энергоресурсов, Мексики, Чили, Перу и Малайзии. Иными словами, неудача при имплементации предусмотренных стандартов в упомянутых странах, как и некорректная оценка возможностей их экономик при выработке данных стандартов, сами по себе являлись существенным препятствием на пути будущей реализации ТТП.

4) Механизм урегулирования споров между инвесторами и государствами:

Данный инструмент являлся ключевым и наиболее противоречивым решением в рассматриваемой интеграционной инициативе. Сами по себе институциональные основы, обеспечивающие возможность ТНК подавать в суд на государства в случае нарушения последними прав собственности, не новы для международной практики. К концу 2015 года

[304] Rapoza, K. China To Spend Trillions On 'Green Tech' [Электронный ресурс]. / K. Rapoza // Forbes. — 2015. — Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/08/11/china-to-spend-trillions-on-green-tech (дата обращения: 05.05.2019)

[305] Zhu L. China's Carbon Emissions Report 2015 [Электронный ресурс]. / L. Zhu. — Belfer Center for Science and International Affairs. — 2015. — Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/carbon-emissions-report-2015-final.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[306] Vietnam Urbanization Review. Technical Assistance Report [Электронный ресурс]. / The World Bank in Vietnam. — 2011. — Режим доступа: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2826/669160ESW0P1130Review000Full0report.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

имелось около 3000 международных договоров,[307] предусматривающих эту процедуру, но большинство из них, что характерно и для АТР, являются двусторонними. Между тем, ТТП предоставляет сравнительно большой группе государств с широким спектром представленных в них экономических особенностей общий фундамент для правового разрешения возникающих между ними споров. Часть нынешних и потенциальных участников ТТП состояли в разворачивающей свою деятельность китайской инициативе — АБИИ, открытом в октябре 2014 года. Разумно предполагать, что государства, по различным причинам не способные принимать участие в АБИИ, озабочены необходимостью хотя бы частично сохранить баланс сил в области инвестиций и их правового регулирования. В частности, ими двигало стремление защитить интересы своих ТНК, действующих в тех же государствах, которые присоединились или могут присоединиться к АБИИ. С другой стороны, эволюция данного инструмента в сторону сближения с АБИИ была способна создать основы для возникновения более взаимовыгодной правовой защиты как государственных, так и частных инвестиций. Так как институционализация Азиатско-Тихоокеанского регионализма характеризуется интенсивным сотрудничеством и ожесточенной конкуренцией между интеграционными инициативами, любое дальнейшее развитие ТТП повлекло бы за собой адаптацию всей подсистемы путем изменений внутри альтернативных институтов.

Стратегическая цель ТТП для США состояла в создании и закреплении правил торговли, которые выгодны Соединенным Штатам в том смысле, что странам, принявшим их, станет удобнее всего налаживать и развивать торговые отношения Вашингтоном. С помощью ТТП государство стремилось проверить свою способность лидировать в региональных делах.[308] При этом одни исследователи считали, что ТТП являлось противовесом растущему экономическому и политическому влиянию Китая в регионе,[309] а другие — что данный институт дополнял другие интеграционные инициативы и не исключал участия КНР.[310] Будучи успешно апробированным в АТР, этот проект должен был воспроизвести свои практики в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, нового института, призванного создать дополнительную выгоду от режимов свободной торговли с европейскими

[307] Investor-to-State Dispute Settlement (ISDS). Some facts and figures [Электронный ресурс]. / European Commission. — 2015. — Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/january/tradoc_153046.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[308] Froman, M. The Strategic Logic of Trade [Электронный ресурс]. / M. Froman // Foreign Affairs. — November/December. — 2014. — Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/strategic-logic-trade (дата обращения: 05.05.2019)

[309] Takashi T., Japan and the TPP Conclusion: Regional Order, Negotiations, and Domestic Adjustment [Электронный ресурс]. / T. Takashi. — The Asan Forum. — 2015. — Режим доступа: http://www.theasanforum.org/japan-and-the-tpp-conclusion-regional-order-negotiations-and-domestic-adjustment (дата обращения: 05.05.2019)

[310] 2014 Leader's Declaration [Электронный ресурс]. / APEC. — 2014. — Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx (дата обращения: 05.05.2019)

странами.[311] Помимо прочего, эта инициатива показала, что уже не только европейские институты становятся прообразом для интеграционной практики в других регионах, но и опыт институционального строительства в АТР переносится практически на европейскую почву.

2016 г. оказался решающим для Соглашения о ТТП: будучи подписанным 4 февраля, оно еще не успело вступить в силу, когда появилась угроза его фактического прекращения. После прихода к власти президентской администрации Д. Трампа дальнейшее существование ТТП оценивалось крайне скептически, а выход из договора 23 января 2017 г. поставил точку в роли Соединенных Штатов как поставщика новых правил свободной торговли в регионе и знак вопроса во всей политике американского поворота на Восток. Тем не менее, официальное прекращение Соглашения произведено не было. Соглашение содержало в себе многочисленные достижения переговорных процессов, связанных с внедрением беспрецедентных практик, которые воплощают по-прежнему требующие реализации общие интересы. К тому же, невступление ТТП в силу оставляет институциональную пустоту, которая должна быть занята альтернативными проектами свободной торговли — в первую очередь, ВРЭП.[312] Китай успел отреагировать на гибернацию ТТП, присоединившись вместе с РК к переговорам о дальнейших действиях участников этого института: они обсуждали возможность ТТП без США, присоединение к ВРЭП или ВАЗСТ.[313] Тем не менее, оставшиеся 11 подписантов организовались в ТТП-11 и не позволили КНР перехватить инициативу. Усилиями ее участников, в особенности стран Латинской Америки, в 2017 г. были предложены несколько вариантов реформации института, долго время критиковавшегося за жесткие меры регулирования трудового и экологического права, а также права интеллектуальной собственности. Считалось, что, будь соглашение принято в том виде, в каком было предложено к началу 2017 года, оно могло нанести ущерб экономическому суверенитету участникам из числа развивающихся стран.[314] Эти положения были исключены в новой версии соглашения,

---

[311] Petri P.A., Plummer M.G. The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates [Электронный ресурс]. / P.A. Petri, M.G. Plummer. — 2016. — Режим доступа: http://www.iie.com/publications/wp/wp16-2.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[312] Trading down. [Электронный ресурс]. / The Economist. — 2016. — Режим доступа: http://www.economist.com/news/asia/21710287-big-free-trade-deals-demise-leaves-worrying-void-asia-trading-down (дата обращения: 05.05.2019)

[313] Chandran, N. After US drops TPP, China joins member states in trade talks [Электронный ресурс]. / N. Chandran // CNBC. — 2017. — Режим доступа: http://www.cnbc.com/2017/03/14/china-south-korea-join-tpp-members-in-trade-talks.html (дата обращения: 05.05.2019)

[314] Стапран Н.В. Битва за интеграцию: Транстихоокеанское партнерство и «Один пояс, один путь» как главные экономические проекты года [Электронный ресурс]. / Н.В. Стапран // МГИМО. 11 января 2016. Режим доступа: http://mgimo.ru/about/news/experts/bitva-za-integratsiyu-transtikhookeanskoe-partnerstvo-i-odin-poyas-odin-put-kak-glavnye-ekonomichesk (дата обращения: 05.05.2019)

ВПСТТП,[315] принятой 11 странами спустя всего год после приостановки оригинального ТТП, 8 марта 2018 года, и вступившей в силу 30 декабря 2018 г.[316]

Таким образом, возникновение проекта ТТП вписывается в картину конкурентной эволюции институтов АТР, адаптирующихся как под ожидания, так и под экономические и политические цели сторонников «западной» и «китайской» моделей регионального сообщество, а также стран, вынужденных лавировать между региональными центрами притяжения в поисках наиболее выгодного состояния. Эти процессы наглядно показывают, что столь сложное и многогранное явление, как Азиатско-Тихоокеанский регионализм, не следует стремиться описать средствами лишь одной из теорий или школ международных отношений. С одной стороны, перенос конкуренции в пространство институционального строительства в поисках экономической выгоды демонстрирует адекватность институционалистских построений в рамках неолиберальной парадигмы, с другой стороны конкуренция посредством интеграционных инициатив следует неореалистической логике стремления игроков к балансу сил и интересов.

3.1.2 Сравнительное преимущество в инфраструктурных проектах как инструмент достижения регионального лидерства.

Принятый в качестве инструментальной основы для измерения социально-экономических процессов развития мировой хозяйственной системы подход, спецификации которого разработаны в «Докладе о мировом развитии» 2009 года, предполагает исследование международных акторов через три уровня: локальный, национальный и региональный, при этом для оценки интеграционных взаимодействий на каждом из них требуется опираться на три коэффициента:

→ плотность: определяет равномерность распределения производств и внутреннюю разницу уровня жизни (индекс Джини);

→ расстояние: состояние транспортной инфраструктуры (насколько она удовлетворяет нуждам сообщества как единого целого)

→ разобщенность: степень взаимной открытости границ, валютные отношения, единство нормативной базы.[317]

Второй параметр долгое время находился в ведении глобальных институтов — таких, как Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана, ВБ и другие.

[315] Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение по ТТП (CPTPP)

[316] Ariffin, E. How the CPTPP could widen inequality [Электронный ресурс]. / E. Ariffin. // The Asian Post. — 20 February 2019. — Режим доступа: https://theaseanpost.com/article/how-cptpp-could-widen-inequality (дата обращения: 05.05.2019)

[317] Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор [Электронный ресурс]. / Всемирный банк. — 2008. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2009.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

Поворотным моментом для современной истории региональных процессов в АТР стало окончательной изменение ориентации внешней политики КНР с простого участия в институтах к позиции законодателя институционального строительства и одного из центров его притяжения. Китай больше не довольствуется активной ролью в региональном сотрудничестве, но стремится переосмыслить его контуры и содержания, делая свое видение глобализма, свободной торговли и формирования регионального сообщества самостоятельной частью международной повестки. Иными словами, как глобальным институтам вроде ВТО, так и участникам региональной подсистемы приходится считаться не только с самим фактом регионализма в АТР, но и с тем, как ее преподносит Китай.[318]

Выбранный Пекином подход к реализации его региональной модели отличается одновременной уникальностью с точки зрения современной практики интеграционных процессов[319] и эффективностью, продемонстрированной историческим опытом. Этот подход заключается в опоре на «материальную базу» регионального сотрудничества — финансирование и строительство инфраструктуры. Действительно, создание режимов свободной торговли, упрощение оформления грузоперевозок, сближение региональных рынков и другие способы институционализировать сотрудничество в конечном итоге ограничены способностью благ — товаров, услуг и капитала — перемещаться через границы участвующих в цепи поставок государств. Для того, чтобы максимизировать приобретенную прибыль в единицу времени, необходимо увеличивать «пропускную способность торговли», а для этого необходимо обращать внимание не только на юридическую сторону вопроса, но и сугубо практическую. Региональная торговля, как и мировая, зависит в основном от морских путей сообщения, которые нуждаются в современных портах, железных дорогах, связывающих их с удаленными в глубине материка производствами, каналах, сокращающих путь движения товаров, и многих других элементах логистики. С другой стороны, КНР не ограничивается морской торговлей и с рубежа 2000–2010-х годов стремится увеличить значение сухопутных цепей поставок, возродив исторический Шелковый путь.

Вкладывая значительные средства в региональную инфраструктуру, Китай одновременно решает несколько задач. Во-первых, создание новых мостов, автомобильных и железных дорог, тоннелей и других объектов на территории государств, через которых проходит тот или иной путь, оказывает существенное воздействие на их дальнейшее экономическое развитие. Особенно это важно в контексте экономического превосходства Китая

---

[318] Parameswaran, P. China: New White Paper, Old Asia Conundrum [Электронный ресурс]. / P. Parameswaran // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/china-new-white-paper-old-asia-conundrum (дата обращения: 05.05.2019)

[319] Конышев В.Н., Лагутина М.Л. Проблемы и перспективы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь» / Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века // Под ред. В.И. Михайленко. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. – С. 289

по сравнению с большинством стран, с которыми идет сотрудничество по возведению инфраструктуры. Во-вторых, КНР добивается больших репутационных преимуществ от глобальных институтов, отмечающих серьезную потребность Азии в инфраструктуре. В-третьих, каковы бы ни были будущие характеристики региональной интеграции вообще и правила свободной торговли в частности, если производимые с помощью соответствующих институтов процессы перемещения товаров и услуг осуществляются на принадлежащих Китаю транспортных путях, он способен влиять на деятельность таких институтов. Для КНР это выгодно в том отношении, что в рамках институционального строительства эта страна испытывает ожесточенную конкуренцию с другими региональными акторами, а противостоять в строительстве инфраструктуры ей не может практически никто.

3.1.2.1 Инфраструктурное измерение инициативы «Один пояс, один путь»

ОПОП — это стратегическая концепция, направленная на создание и организацию так называемых экономических коридоров. Под таковыми понимаются сухопутные и морские маршрутов, которые свяжут Китай с Юго-Восточной Азией, Ближним Востоком, Европой и Африкой с помощью инфраструктуры — автомобильных, железных дорог, тоннелей, мостов, трубопроводов, логистических центров. Другое направление работы — обеспечение товарооборота в рамках этих экономических коридоров торговыми и инвестиционными режимами, упрощением таможенных процедур. Реализация стратегии производится в трех плоскостях — политической, экономической и инфраструктурной. Политическое значение проекта определено количеством государств, вовлеченных в проект, уровнем международного сотрудничества (от министерского от руководства стран). Экономическая составляющая отражает китайские планы по текущей реформе и развитию экономики, обозначенные в 13-м пятилетнем плане.[320]

Стратегия состоит из двух частей: Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (МШП), последний также предполагает строительство множества элементов сухопутной инфраструктуры. Развитие обоих направлений не производится последовательно и постепенно от границ Китая; напротив, руководство КНР использует все возможности одновременно и ведет сотрудничество со своими государственными и коммерческими партнерами параллельно, невзирая на их удаленность от китайского рынка. Подобная активность обусловлена тем, что в свете необходимость обеспечить стабильные темпы роста, страна вынуждена не просто обратиться к поиску их

[320] China’s NPC Approves 13th Five-Year Plan. / National People’s Congress of China. Issue 1, 2016. [Электронный ресурс]. / The National People's Congress (NPC) of the People's Republic of China. — 2016. — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/zgrdzz/site1/20160429/0021861abd66188d449902.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

источников за рубежом, но гарантировать их наличие в будущем, взяв инициативу в свои руки.[321] При этом Пекин не ограничивает свой горизонт интересов ближней периферией; примером тому служит сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы путем проведения ежегодных встреч на уровне глав правительств Китая и 16 европейских государств. Этот формат достиг разработки среднесрочной повестки и разработки руководящих принципов сотрудничества в ноябре 2015 года.[322] Другой пример — переговорный процесс по созданию зоны свободной торговли с шестью странами Персидского залива, соответствующий Коммюнике по арабской политике Китая.[323]

Экономический пояс Шелкового пути («один пояс») — это направление, проходящее сквозь евразийский континент. Предполагается, что путь должен пролегать через территории России, Монголии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана, Армении, Азербайджана, Грузии, Турции, Азербайджана, Армении, Грузии, стран Евросоюза. Некоторые компоненты проекта подразумевают возможность строительства инфраструктуры также в Афганистане, Пакистане и Иране.

Морской Шелковый путь XXI века («один путь») ориентирован на выход в Индийский океан. Китай получит доступ в Бенгальский залив, Малаккский пролив, Персидский залив и другие акватории с помощью портов стран-участниц. Выход к морю обеспечивается с помощью коммерческих инструментов: например, подписание Меморандума о взаимопонимании между Китаем и Сингапуром производилось руками Международной Корпорации Сингапура и Китайского строительного банка, который обязался предоставить $ 21 млрд на проведение совместных экономических проектов.[324] а 51% порта в Пирее, Греция, был приобретен Китайской логистической группой COSCO.[325] Морской маршрут свяжет Китай со странами

---

[321] Киреева А.А. Инициатива «пояса и пути»: содержание, цели и значение. — Сравнительная политика. — 2018. Т. 9, № 3. — С. 61-74.

[322] Co-operation between China and the CEE Countries: The Medium-Term Agenda and The Suzhou Guidelines. 2015 / The Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 2015. — Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/One-Belt-One-Road/Co-operation-between-China-and-the-CEE-Countries-The-Medium-Term-Agenda-and-The-Suzhou-Guidelines/obor/en/1/1X3CGF6L/1X0A4F8J.htm (дата обращения: 05.05.2019) См. также: The Medium-Term Agenda for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. [Электронный ресурс]. — Ministry of the Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 2015. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1318038.shtml (дата обращения: 05.05.2019); The Suzhou Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. [Электронный ресурс]. — Ministry of the Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 2015. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1318039.shtml (дата обращения: 05.05.2019)

[323] China's Arab Policy Paper. January 13, 2016. [Электронный ресурс]. — Ministry of the Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 2016. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1331683.shtml (дата обращения: 05.05.2019)

[324] IE Singapore and China Construction Bank sign MOU for infrastructure projects. April 26, 2016 [Электронный ресурс]. / China Go Abroad. — 2016. — Режим доступа: http://www.chinagoabroad.com/en/market_review/ie-singapore-china-construction-bank-sign-mou-for-infrastructure-projects (дата обращения: 05.05.2019)

[325] Greece sells largest port Piraeus to Chinese company [Электронный ресурс]. / RT. — 2016. — Режим доступа: https://www.rt.com/business/338949-greece-china-port-sale (дата обращения: 05.05.2019)

АСЕАН, Бангладеш, Индией, Пакистаном, Ираном и другими странами Персидского залива, Кенией, Суданом, Египтом. Торговля ведется уже сейчас, но для увеличения товарооборота требуются модернизация портов, логистических узлов, упрощение подвоза товаров из производственных центров, удаленных от береговой линии, принятие дополнительных меры по стандартизации и унификации. Из-за этого некоторые страны оказываются частью одновременно и северного, и южного направлений — например, Пакистан и Иран.

Распространенная практика дифференцирования составляющих стратегии ОПОП — рассмотрение их с точки зрения шести главных экономических коридоров, на создании которых сосредоточены усилия китайской внешней и внутренней политики. Не всегда представляется возможным однозначно и корректно сопоставить тот или иной экономический коридор с ЭПШП или МШП, так как сухопутная инфраструктура в перспективе должна обеспечить более интенсивную торговлю на морских маршрутах. Как будет показано дальше, даже такое разделение, принятое в некоторых исследовательских группах,[326] оказывается достаточно условным.

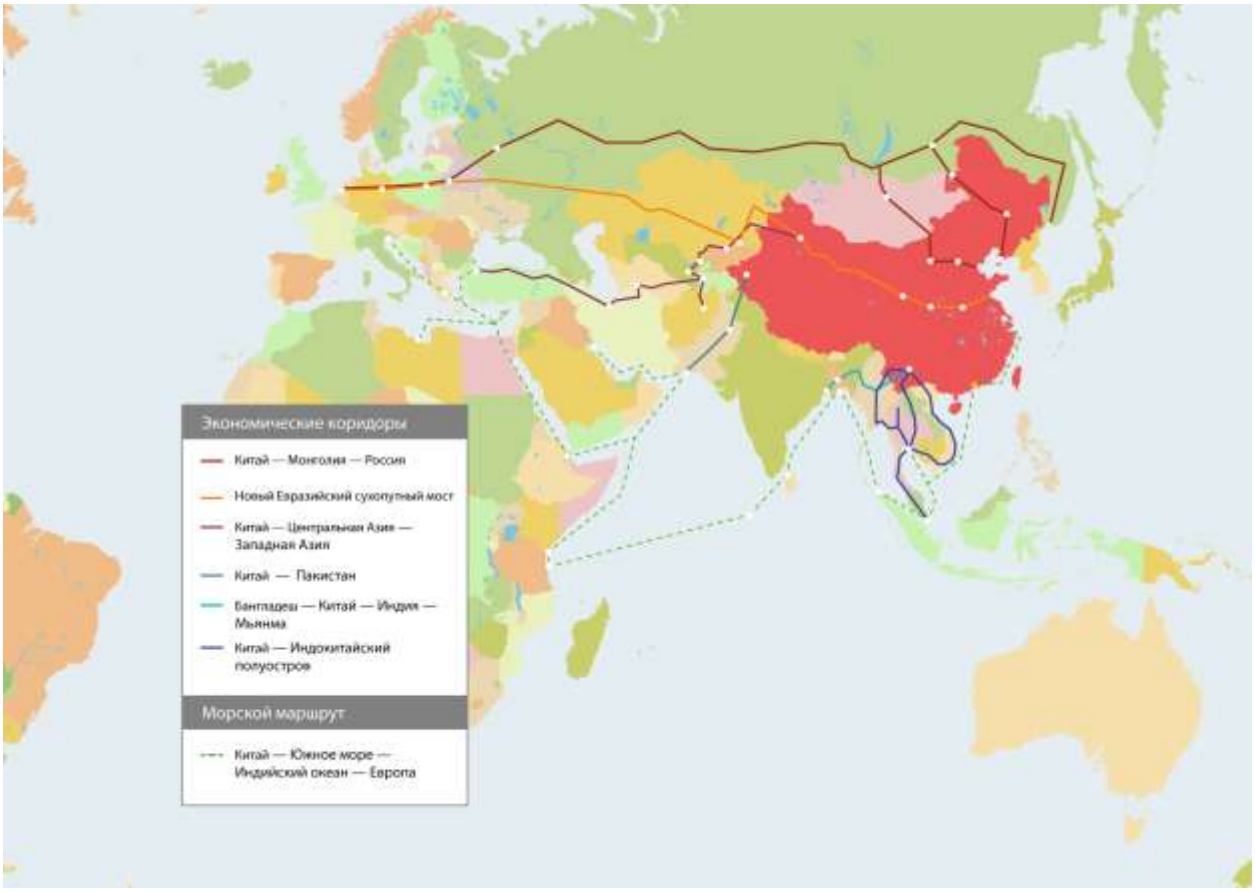

Рис. 20. Маршруты инициативы «Один пояс, один путь».

[326] The Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 2016. — Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/The-Belt-and-Road-Initiative/The-Belt-and-Road-Initiative/obor/en/1/1X000000/1X0A36B7.htm (дата обращения: 05.05.2019)

ОПОП состоит из шести основных экономических коридоров, соединяющих Китай с являющимися для него предметом интереса рынками.

1. Китайско-Монгольско-Российский экономический коридор.[327]

Принятая в сентябре 2016 г., Программа по созданию экономического коридора Китай — Монголия — Россия[328] была направлена на совершенствование условий торговли между Монголией и Китаем, на который в тот момент приходилось до 80% монгольского экспорта.[329] Несмотря на увеличение этого параметра в абсолютных величинах, как и общего объема внешнеторгового оборота страны, к началу 2019 г. он уменьшился до 70%.[330] Товарообмен осуществляется по двум стратегическим артериям: автодороге Тяньцзинь — Улан-Удэ длиной в 2152 км, обеспечивающей проход грузов за 7 дней,[331] и Трансмонгольской железной дороге. Результаты работы в данном направлении сама китайская сторона в ходе II Форума «Пояс и путь» охарактеризовала сдержанно, признав, что она до сих пор находится в стадии согласования с программой развития самой Монголии.[332]

2. Новый Евразийский сухопутный мост.[333]

Также известный как Второй Евразийский сухопутный мост и Новый Евразийский континентальный мост, этот маршрут предназначен для товарообмена между КНР и странами Евросоюза через территорию Казахстана. Китай заинтересован в строительстве более короткой железнодорожной ветки по сравнению с той, что предоставляют Монголия и Россия, с применением единого стандарта ширины колеи. Учитывая характерную для Центральной Азии политическую нестабильность, Китай придерживается тактики снижения рисков путем

---

[327] 中蒙俄经济走廊; CMREC — China-Mongolia-Russia Economic Corridor

[328] Программа по созданию экономического коридора Китай — Монголия — Россия [Электронный ресурс]. / Министерство промышленности и торговли Республики Бурятия. — 2016. — Режим доступа: http://minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[329] Mongolia: key economic indicators [Электронный ресурс]. / The Observatory of Economic Complexity [official website]. — MIT. — 2019. — Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/mng (дата обращения: 05.05.2019)

[330] Внешнеторговый оборот Монголии в 2018 году вырос на 22,3 процента [Электронный ресурс]. / СИНЬХУА Новости. — 15 января 2019. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2019-01/15/c_137745872.htm (дата обращения: 05.05.2019)

[331] Shepard, W. How China's Belt And Road Economic Corridors Are Enhanced By The UN's TIR Convention [Электронный ресурс]. / W. Shepard. // Forbes. — 22 August 2016. — Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/08/22/how-the-emerging-china-mongolia-russia-economic-corridor-is-enhanced-by-the-uns-tir-convention (дата обращения: 05.05.2019)

[332] Си Цзиньпин призвал ускорить создание экономического коридора Китай — Монголия — Россия [Электронный ресурс]. / ТАСС. — 25 апреля 2019. — Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/6376830 (дата обращения: 05.05.2019)

[333] 新亚欧大陆桥经济带; NELB — New Eurasian Land Bridge; также встречаются названия Второй Евразийский сухопутный мост и Новый Евразийский континентальный мост

строительства нескольких альтернативных маршрутов.[334] Китайские и местные инвестиции привели к тому, что перевозки железнодорожным транспортом с 2017 г. до 2018 г. выросли на 74%. Более того, эти перевозки обеспечили более 2% общего грузооборота между европейскими странами и Китаем, увеличившись вчетверо по сравнению с 2007 г. Развитие этого направления идет в тесной связке с мерами, предпринятыми Европейским союзом в рамках «площадки связности ЕС-Китай». Евросоюз выделил € 1.1 млрд, а Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) — в сумме около € 11.3 млрд. Эти средства были направлены на развитие сельского хозяйства, предпринимательства, образования и возобновляемых источников энергии.[335] Материалы II Форума «Пояс и путь» практически не поднимают вопрос о результатах, достигнутых в Центральной Азии; совместное коммюнике лишь упоминает необходимость дальнейшего укрепления транспортной связности стран, со всех сторон окруженных сушей.[336]

3. Китайско-Центральноазиатский-Западноазиатский экономический коридор.[337]

Экономический коридор Китай — Центральная Азия — Западная Азия в целом аналогичен Новому Евразийскому сухопутному мосту по своему предназначению — связать Китай и Европу посредством транспортных маршрутов, пролегающих через Центральную и Западную Азию. Его ключевыми компонентами являются ответвление к Персидскому заливу и Средиземному морю через Афганистан, Иран, Турцию и центральноазиатские республики[338] и ветвь железной дороги Иу — Мадрид с транспортным узлом в Тегеране.[339] Еще одна стратегически важная составляющая этого коридора — нефтегазовая инфраструктура, развитие которой включает в себя как строительство трубопроводов, так и запуск совместных нефтеперерабатывающих предприятий.[340] В ходе II Форума «Пояс и путь» президент

---

[334] Pomphret, R. The Eurasian Landbridge and China's Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / Richard Pomphret. // VOX: CEPR policy portal. — 2 May 2018. — Режим доступа: https://voxeu.org/article/eurasian-landbridge-and-chinas-belt-and-road-initiative (дата обращения: 05.05.2019)

[335] Connectivity in Central Asia. Reconnecting the Silk Road [Электронный ресурс]. / European Parliament. — April 2019. — Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637891/EPRS_BRI(2019)637891_EN.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[336] Joint Communique of the Leaders' Roundtable of the 2nd Belt and Road Forum for International Cooperation [Электронный ресурс]. / The Second Belt and Road Forum for International Cooperation. —27 April 2019. — Режим доступа: http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0427/c36-1311.html (дата обращения: 05.05.2019)

[337] 中国-中亚-西亚经济走廊; CCWAEC — China-Central and West Asia Economic Corridor

[338] The Silk Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / Global Security. — 2016. — Режим доступа: http://www.globalsecurity.org/military/world/china/silk-road-initiative.htm (дата обращения: 05.05.2019)

[339] Ramachandran, S. Iran, China and the Silk Road Train [Электронный ресурс]. / The Diplomat. — 30 March 2016. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2016/03/iran-china-and-the-silk-road-train (дата обращения: 05.05.2019)

[340] Hart, M. Central Asia’s Oil and Gas Now Flows to the East [Электронный ресурс]. / M. Hart // The Diplomat. — 18 August 2016. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2016/08/central-asias-oil-and-gas-now-flows-to-the-east (дата обращения: 05.05.2019)

Узбекистана Ш. Мирзиеев предложил ввести сквозной тариф на железнодорожные перевозки по этому экономическому коридору; по задумке, использование транзитного потенциала таких стран, как Узбекистан, укрепит взаимосвязанность региона в целом.[341] Представитель Китайского института современных международных отношений Ван Лицзю со ссылкой на исследование ВБ отметил, что успешная реализация инфраструктурных проектов по транспортному сопряжению Центральной и Западной Азии уменьшит себестоимость торговли в этом экономическом коридоре на 10.2%.[342]

4. Китайско-Пакистанский экономический коридор.[343]

Китайско-Пакистанский экономический коридор логистически относится к Новому Евразийскому сухопутному мосту и соединяет транспортными артериями китайский рынок с пакистанскими портами. Проект вызывает серьезное недовольство со стороны Индии, чья общественность с самого начала инициативы ОПОП усматривала в ней признаки военно-политической задачи по окружению страны.[344] В рамках деятельности по оснащению экономического коридора транспортной инфраструктурой Китай возводит высокогорную автомобильную и железную дорогу по оспариваемой части территории штата Кашмир;[345] в результате Индия демонстративно проигнорировала оба Форума «Пояс и путь».[346] Осложняет ситуацию и сближение Китая с другим региональным конкурентом Индии — Пакистаном, который в 2016 г. привлек посредством АБИИ инвестирование для строительства автомагистралей и собирается интегрировать их с дорожной сетью Китая.[347] Индийское руководство также подозревает, что Китай планирует использовать пакистанский порт Гвадар для базирования своих подводных лодок.[348] Этот транспортный узел может ждать судьба

---

[341] Мирзиёев предложил ввести сквозной тариф по железной дороге из Китая в Европу [Электронный ресурс]. / Sputnik News. — 27 апреля 2019. — Режим доступа: https://uz.sputniknews.ru/politics/20190427/11368751/Mirziev-predlozhil-vvesti-skvoznoy-tarif-po-zheleznoy-doroge-iz-Kitaya-v-Evropu.html (дата обращения: 05.05.2019)

[342] Второй Форум высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь»: новые вызовы и возможности [Электронный ресурс]. / Жэньминь жибао. — 26 апреля 2019. — Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0426/c95181-9572824.html (дата обращения: 05.05.2019)

[343] 中国-巴基斯坦经济走廊; CPEC — China-Pakistan Economic Corridor

[344] China's Economic Corridors [Электронный ресурс]. / New Dehli Times. — 29 January 2016. — Режим доступа: http://www.newdelhitimes.com/chinas-economic-corridors123 (дата обращения: 05.05.2019)

[345] Наркевский, Д. Китай — Индия: незамеченная встреча глобального масштаба [Электронный ресурс]. / Д. Наркевский // РСМД: Российский совет по международным делам. — 4 мая 2018. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-indiya-nezamechennaya-vstrecha-globalnogo-masshtaba/ (дата обращения: 05.05.2019)

[346] Индия вновь бойкотирует форум «Один пояс — один путь» в КНР [Электронный ресурс]. / REGNUM. — 21 марта 2019. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/2596034.html (дата обращения: 05.05.2019)

[347] AIIB to co-finance 1st project with ADB in Pakistan [Электронный ресурс]. / CCTV. — 5 May 2016. — Режим доступа: http://english.cctv.com/2016/05/05/VIDEIhiTxWIGn8ibSnUiRGMA160505.shtml (дата обращения: 05.05.2019)

[348] Белов, А. Asia Times: Рост влияния КНР не должен повергать Индию в панику [Электронный ресурс]. / А. Белов // REGNUM. — 27 апреля 2019. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/2620549.html (дата обращения: 05.05.2019)

шриланкийского порта Хамбантота в случае, если Пакистан не сможет обслуживать свой кредит; растущий дефицит счета текущих операций уже заставил эту страну обратиться за помощью к МВФ,[349] а премьер-министра страны Имрана Хана — отправиться с официальным визитом в КНР накануне II Форума «Пояс и путь» с целью «вывести на новые высоты» стратегическое партнерство между двумя странами.[350]

5. Китайско-Индокитайский экономический коридор.[351]

Деятельность в рамках Китайско-Индокитайского экономического коридора с самого начала была призвана улучшить торговые и инвестиционные условия для торговли со странами Субрегиона Большого Меконга (СБМ). Данная территория охватывает 5 стран АСЕАН (Мьянма, Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Таиланд) и 2 провинции Китая (Юньнань и Гуанси).[352] По всей видимости, тот факт, что на этом направлении Китай столкнулся с ожесточенным сопротивлением одной из стран, участвующих в коридоре, послужил причиной слабой освещенности этой тематики на II Форуме «Пояс и путь». Так, в 2018 году премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад выразил обеспокоенность относительно истинных мотивов китайской стороны и в ходе своего визита в Китай сделал попытку добиться нового соглашения или отмены проектов, общая стоимость которых составляет $ 20 млрд.[353] Китай, в свою очередь, нуждается в транспортной инфраструктуре Малайзии как ключевом участке, обеспечивающем через Сингапур доступ к Малаккскому проливу и морской части ОПОП. Кредитование китайской финансовой системой объектов инфраструктуры под высокий процент создает высокую нагрузку на долговые обязательства Малайзии, что угрожает экономике этой развивающейся страны. Опасения Махатхира Мохамада небеспочвенны: так, например, Шри-Ланка, не справившаяся с выплатами процентов по кредиту, была вынуждена уступить Китаю долю в одном из своих портов, причем с тех пор ее кредиторские обязательства только увеличились.[354] Стоимость финансируемого Китаем строительства железной дороги в Лаосе

---

[349] Джереми, П., Саид, Ш. Как Китай подтолкнул Пакистан к кризису [Электронный ресурс]. / П. Джереми, Ш. Саид // Ведомости. — 30 июля 2018. — Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/07/31/776943-kitai-podtolknul-pakistan (дата обращения: 05.05.2019)

[350] Khan, S. PM Imran reaches Beijing for second official visit of China [Электронный ресурс]. / S. Khan // Dawn. — 25 April 2019. — Режим доступа: https://www.dawn.com/news/1478336/pm-imran-reaches-beijing-for-second-official-visit-of-china (дата обращения: 05.05.2019)

[351] 中国-中南半岛经济走廊; CICPEC — China-Indochina Peninsula Economic Corridor

[352] Greater Mekong Subregion (GMS) in the Spotlight [Электронный ресурс]. / Asian Development Bank. — 2019. — Режим доступа: https://www.adb.org/countries/gms/main (дата обращения: 05.05.2019)

[353] Malaysia's Mahathir Mohamad warns against 'new colonialism' during China visit [Электронный ресурс]. / ABC News. — 20 August 2018. — Режим доступа: https://www.abc.net.au/news/2018-08-21/mahathir-says-china-will-sympathise-with-malaysia-problems/10145750 (дата обращения: 05.05.2019)

[354] Hillman, J.E. China's Belt and Road Initiative: Five Years Later [Электронный ресурс]. / Jonathan E. Hillman // CSIS: Center for Strategic & International Studies. — 25 January 2018. — Режим доступа: https://www.csis.org/analysis/chinas-belt-and-road-initiative-five-years-later-0 (дата обращения: 05.05.2019)

составляет половину ВВП этой страны.[355] Подобные тенденции заставляют китайских партнеров подозревать, что предоставление кредитов под залог стратегически важных активов является намеренной политикой агрессивной экономической экспансии. Недоверие подкрепляет тот факт, что Китай, находясь в поиске возможностей государственно-частного партнерства, при этом крайне неохотно допускает международное участие в кредитовании. Более того, МВФ обвинял китайские финансовые организации в непрозрачности условий предоставления кредитов странам-партнерам.[356]

6. Экономический коридор Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма[357]

Для развития Экономический коридор Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма был создан специальный Форум регионального сотрудничества Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма (BCIM Forum). Хотя на это направление возлагались большие надежды из-за того, что на территории четырех стран проживает 40% населения мира и производится 7,3% мирового ВВП,[358] политическое противостояние между КНР и Индией стало непреодолимым препятствием для его развития. В то время как некоторые эксперты по-прежнему дают высокие оценки перспективам транспортного объединения Бангладеш и Мьянмы, имеющих схожие экономические проблемы,[359] индийские СМИ отметили, что этот экономический коридор больше не числится среди проектов ОПОП в материалах II Форума «Пояс и путь».[360]

3.1.2.2 Институциональное измерение инициативы «Один пояс, один путь»

Согласно данным Берта Хофмана, директора ВБ, отвечающего за страны Восточной Азии и Тихого океана, проект охватит 65 стран, 4,4 млрд человек и около 40% мирового

---

[355] Janssen, P. Land-locked Laos on track for controversial China rail link [Электронный ресурс]. / Peter Janssen // Nikkei Asian Review. — 24 June 2017. — Режим доступа: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Land-locked-Laos-on-track-for-controversial-China-rail-link (дата обращения: 05.05.2019)

[356] Gerstel, D. It's a (Debt) Trap! Managing China-IMF Cooperation Across the Belt and Road [Электронный ресурс]. / Dylan Gerstel // CSIS: Center for Strategic & International Studies. — 17 October 2018. — Режим доступа: https://www.csis.org/npfp/its-debt-trap-managing-china-imf-cooperation-across-belt-and-road (дата обращения: 05.05.2019)

[357] 孟加拉国 – 中国 – 印度 – 缅甸经济走廊; BCIMEC: Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor

[358] Bhattacharjee, R. Bangladesh, China, India and Myanmar-Economic Corridor: Ushering a New Era of Interconnectedness [Электронный ресурс]./ R. Bhattacharjee // Indian defence review. — 18 September 2016. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:7o3H06qG5zsJ:www.indiandefencereview.com/spotlights/bangladesh-china-india-and-myanmar-economic-corridor-ushering-a-new-era-of-interconnectedness/+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 05.05.2019)

[359] Yesmin, S. Tapping the potential of BCIM-EC [Электронный ресурс]. / S. Yesmin // The Financial Express. — 17 February 2019. — Режим доступа: https://thefinancialexpress.com.bd/views/views/tapping-the-potential-of-bcim-ec-1550415602 (дата обращения: 05.05.2019)

[360] Aneja, A. Bangladesh-China-India-Myanmar (BCIM) Economic Corridor no longer listed under BRI umbrella [Электронный ресурс]. / A. Aneja // The Hindu. — 28 April 2019. — Режим доступа: https://www.thehindu.com/news/international/bangladesh-china-india-myanmar-bcim-economic-corridor-no-longer-listed-under-bri-umbrella/article26971613.ece (дата обращения: 05.05.2019)

ВВП[361]. При этом нет единства в оценках капиталоемкости инициативы: некоторые эксперты озвучивают стоимость в $ 2–3 трлн,[362] “The Economist”, ссылаясь на официальный источник, указывает $ 4 трлн, не уточняя, к какому сроку это финансирование будет предоставлено.[363] Между тем, по оценкам АБР, азиатская инфраструктура в целом нуждается в $ 8 трлн инвестирования.[364] Центральным элементом и одновременно целью финансовой интеграции как одного из средств реализации проекта является интернационализация жэньминьби.[365] По словам главного экономиста Банка Китая (Гонконг), Китай рассчитывает, что в течение 10 лет юань для стран-участниц проекта станет основной резервной, расчетной, инвестиционной и торговой валютой.[366] Инфраструктура же является основой стратегии и одновременно главным источником критики в адрес инициативы: есть опасения, что с помощью строительных проектов Китай сможет диктовать условия странам с менее развитой экономикой, приобретая контроль над инфраструктурой, природными ресурсами и навязывая кредитование на невыгодных для его партнеров условиях.[367]

Инициатива охватывает множество проектов, проводимых и финансируемых под руководством отдельных стран, частных компаний и международных институтов, в первую очередь финансовых. Фактически она построена на принципах открытого регионализма: основной документ, «Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути для XXI века», предполагает возможность участия всех заинтересованных стран и международных организаций, даже не находящихся на запланированном маршруте, и постулирует инклюзивность в качестве одного из

---

[361] Hofman, B. China’s One Belt One Road Initiative: What we know thus far. / East Asia & Pacific on the Rise. [Электронный ресурс]. / B. Hofman // The World Bank. — 2015. — Режим доступа: http://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/china-one-belt-one-road-initiative-what-we-know-thus-far (дата обращения: 05.05.2019)

[362] China’s One Belt, One Road: Will it reshape global trade? [Электронный ресурс]. / McKinsey&Company. — 2016. — Режим доступа: http://www.mckinsey.com/global-themes/china/chinas-one-belt-one-road-will-it-reshape-global-trade (дата обращения: 05.05.2019)

[363] Our bulldozers, our rules. China’s foreign policy could reshape a good part of the world economy. [Электронный ресурс]. / The Economist. — 2016. — Режим доступа: http://www.economist.com/news/china/21701505-chinas-foreign-policy-could-reshape-good-part-world-economy-our-bulldozers-our-rules (дата обращения: 05.05.2019)

[364] Infrastructure for Supporting Inclusive Growth and Poverty Reduction in Asia [Электронный ресурс]. / Asian Development Bank. — 2012. — Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29823/infrastructure-supporting-inclusive-growth.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[365] Интернационализация жэньминьби — политика, направленная на создание условий для свободного оборота китайской валюты на международных рынках.

[366] Чжунъинь: Жэньби ляо чен «идай илу» чжулю хоби. [Электронный ресурс]. / Банк Китая, Гонконг. — 2016. — Режим доступа: http://www.boc.cn/aboutboc/ab8/201606/t20160620_7113013.html (дата обращения: 05.05.2019)

[367] Wade, G. China’s ‘One Belt, One Road’ initiative. 2016 год. [Электронный ресурс]. / Парламент Австралии, Департамент по международным делам, обороне и безопасности. — 2016. — Режим доступа: http://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/BriefingBook45p/ChinasRoad (дата обращения: 05.05.2019)

основополагающих принципов.[368] Этот же документ определяет основные направления, которые нуждаются в поддержке с помощью региональных институтов: координация экономической политики; связность инфраструктуры (стандарты, технические регламенты, пропуск товаров через таможню); либерализация торговых режимов (в первую очередь — устранение торговых и инвестиционных барьеров); финансовая интеграция (упрощение процедуры двухстороннего обмена валюты, создание общеазиатского рынка облигаций с фиксированной ставкой). Китай собирается привлечь другие государства и их частный сектор к выпуску облигаций, эмитированных в юанях, на территории Китая, а собственные учреждения — к выпуску облигаций в юанях и других валютах в других странах.

Для осуществления интеграции торговых, инвестиционных и финансовых режимов, как и для финансирования проектов, в «Видении и действиях...» предлагается задействовать институты, обладающие такой компетенцией.[369] Это АБИИ, Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути, создаваемый Банк развития ШОС, а также Межбанковская ассоциация Китай — АСЕАН и Межбанковская ассоциация ШОС. Дополнительные ресурсы Китай получает от ВБ, МБРР, АБР, Чиангмайской многосторонней инициативы и Института кредитных гарантий и инвестиций. АБИИ является ключевым элементом финансовой инфраструктуры проекта. Банк был создан в очень сжатые сроки: предложение сформулировано в 2013, меморандум выпушен 22-я странами-основательницами в октябре 2014, а в декабре 2015 институт уже был учрежден. В качестве его экономических целей постулируются увеличение инвестиций в инфраструктурные проекты; мобилизация средств частного сектора; поддержка региональной интеграции; улучшение региональной инвестиционной среды; создание новых рабочих мест. АБИИ позиционируется как инструмент открытого регионализма: вопреки расхожему мнению, Китай не против участия США в Банке,[370] а участие в нем Тайваня (под названием Китайский Тайбэй) и перспектива вступления Гонконга показывают, что в этом отношении КНР опирается на практику АТЭС. Устав Банка содержит следующие важные отличительные особенности данного института:[371]

— Предусмотрено сотрудничество Банка с международными организациям.

---

[368] Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road [Электронный ресурс]. / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, with State Council authorization // National Development and Reform Commission. — 2015. Режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (дата обращения: 05.05.2019)

[369] Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road…

[370] AIIB president ‘patient in waiting’ for US [Электронный ресурс]. / Shanghai Daily. — 2016. — Режим доступа: http://www.shanghaidaily.com/business/finance/AIIB-president-patient-in-waiting-for-US/shdaily.shtml (дата обращения: 05.05.2019)

[371] Asian Infrastructure Investment Bank. Articles of Agreement [Электронный ресурс]. / AIIB. — 2016. — Режим доступа: https://www.aiib.org/en/about-aiib/basic-documents/_download/articles-of-agreement/basic_document_english-bank_articles_of_agreement.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

— Только экономические, а не политические, обстоятельства могут оказывать влияние на процесс принятия решений.

— Вес голоса складывается из трех факторов: базовый голос, наличие государства среди основателей Банка; размер вклада в фонд.

— Голос Китая имеет наибольший вес, что теоретически дает ему право вето.

— Кадровая политика, ориентированная на подотчетность: сотрудники Банка работают на основе трехлетнего контракта, который не продлевается, если их показатели падают.

В выступлении президента банка Цзинь Личуня на пресс-конференции в Тбилиси высказаны приоритеты в деятельности Банка:[372]

1) создание институциональной культуры, основанной на транспарентности, целостности и подотчетности;

2) обеспечение клиентов Банка услугами исходя из соображений устойчивого развития.

Таким образом, Банк предполагает не только финансирование как таковое, но и мониторинг инвестиционных проектов таким образом, чтобы они не шли вразрез с интересами оптимального использования технических, финансовых, экономических, социальных и экологических ресурсов. Иными словами, АБИИ — инструмент не только предоставления, но и управления финансами. Во-первых, это подчеркивает значение, которое придает КНР банку для использования его ресурсов в достижении своих инфраструктурных целей. Во-вторых, это демонстрирует, что данный механизм — своего рода китайское видение инструмента урегулирования споров между государством и инвестором, как было предусмотрено в ТТП.

По разным оценкам АБР, инфраструктура стран Азии нуждается в инвестировании размером от $ 320[373] до $ 800 млрд[374] к 2020 году, причем эта сумма должна инвестироваться каждый год. При этом KPMG, состоящая в Большой четверке аудиторских компаний, оценивает АБИИ как катализатор привлечения частных средств, позволяющего сократить разрыв между частным и государственным секторами.[375] Для сопоставления масштабов возможностей государственного и частного инвестирования можно привести пример роботизации промышленно-логистического комплекса в провинции Гуандун, КНР:[376] согласно трехлетнему плану действий, принятому властями провинции, к 2017 году планируется привлечь на реализацию этих целей частное инвестирование в размере $ 146 млрд, предоставленное 20000

[372] Statement by Jin Liqun at a Press Conference in Tbilisi [Электронный ресурс]. / AIIB. — 2016. — Режим доступа: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2015/20150826_001.html (дата обращения: 05.05.2019)

[373] Infrastructure for supporting inclusive growth and poverty reduction…

[374] More Public-Private Partnerships Can Help Meet Development Challenges [Электронный ресурс]. / ADB. — 2014. — Режим доступа: http://www.adb.org/news/more-public-private-partnerships-can-help-meet-development-challenges (дата обращения: 05.05.2019)

[375] 10 emerging trends in 2016 / [Электронный ресурс]. / KPMG. — 2016. — Режим доступа: https://home.kpmg/ke/en/home/insights/2016/09/10-emerging-trends-in-2016.html (дата обращения: 05.05.2019)

[376] Matsuda, Y. Challenges and Strategies for China's Industrial Robotics Market. Successful Sales Channel Management Tactics for Japan's Robot Manufacturers / Y. Matsuda // Mizuho Industry Focus. — 2015. — Vol. 169.

компаний. При этом в настоящий момент для выполнения этой задачи не хватает 800000 работников — несмотря на то, что избыток трудовых ресурсов всегда считался конкурентным преимуществом Китая.[377]

Специалисты одного из крупнейших японских аналитических центров, Исследовательского института Номура, полагают невозможным предсказывать развитие АБИИ исходя только лишь из логики развития внутренней политики Китая.[378] До сих пор существовал разрыв между силой Китая и его стремлением эту силу использовать. Однако теперь осторожных Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао сменил более амбициозный Си Цзиньпин. Несмотря на успех китайской инициативы, участие в АБИИ, как и любом другом международном институте, видоизменяет силу КНР и ее политику. Чем больше Пекин опирается на АБИИ, тем более жестко ему приходится следовать установленным международным стандартам, за счет которых этот институт существует. Как бы то ни было, на фоне менее популярных китайских внешнеполитических инициатив, влияющих на региональный баланс сил (как интенсификация территориальных споров в Южно-Китайском море и строительство новых военных баз), АБИИ выглядит более предпочтительным для аккумулирования и обеспечения интересов других региональных акторов, что в некоторой степени позволяет Пекину побуждать их к выбору как можно более гибкой политики.[379]

Предполагается, что АБИИ нужен КНР в том числе как инструмент облегчения строительства инфраструктуры для его же собственного проекта «Один пояс и один путь».[380] В этом отношении следует заметить, что для этих целей существует Фонд Шелкового пути с уставным капиталом в $ 40 млрд.[381] Тем не менее, Китай заинтересован в оптимизации расходов Фонда и обладает возможностью диверсифицировать инвестиции таким образом, чтобы страны, находящиеся на пути сухопутной части проекта, посредством АБИИ тоже были вовлечены в финансирование.

Китай, усвоивший общепринятую международную практику на собственном опыте участия в таких институтах, как АБР и ВБ, с помощью АБИИ адаптирует и модернизирует правила управления финансированием таким образом, чтобы они в конечном итоге пополнили

---

[377] Dongguan High-tech Firm to Build “Robots-Only Factory” [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 2015. — Режим доступа: http://hkmb.hktdc.com/en/1X0A2A15/hktdc-research/Dongguan-High-tech-Firm-to-Build-Robots-Only-Factory (дата обращения: 05.05.2019)

[378] アジアインフラ投資銀行（AIIB）の発足と今後想定される融資活動 [Электронный ресурс]. / 野村資本市場クォータリー. 2015. — Режим доступа: http://www.nicmr.com/nicmr/report/repo/2016/2016win11web.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[379] Wan, M. The Asian Infrastructure Investment Bank: The Construction of Power and the Struggle for the East Asian International Order [Электронный ресурс]. // The AIIB Tied in a Belt / M. Wan. — Palgrave Macmillan, 2016. — p. 54-55.

[380] アジアインフラ投資銀行…

[381] Фонд Шелкового пути приветствует участие китайских и зарубежных инвесторов [Электронный ресурс]. / СИНЬХУА Новости. — 2015. — Режим доступа: http://russian.news.cn/economic/2015-03/12/c_134062362.htm (дата обращения: 05.05.2019)

практику остальных финансовых институтов. Эти правила будут отличаться, так как Китай стремится найти собственный путь к пониманию и обеспечению нужд как развитых, так и развивающихся стран. Это перекликается, в частности, с заявлением Б. Обамы о том, что США «не должны допустить таким странам, как Китай, диктовать правила глобальной экономики».[382] В конечном итоге создание финансовых институтов, новых правил свободной торговли и инфраструктуры станет единой системой, на которой строится экономическое сотрудничество Китая со странами региона и мира. Специалисты МВФ подсчитали, что этот региональный актор уже к концу 2015 года выделил на достижение этой цели беспрецедентные по объемам экономические ресурсы: приобрел зарубежных активов на $ 6,2 трлн., из которых ~ $ 2,7 трлн. представляли собой прямые, портфельные и другие инвестиции. С 2008 года Китай активно пользуется валютными свопами, путем 30 двусторонних соглашений проведя сделок общим объемом в $ 500 млрд.[383]

Масштаб проекта делает понятным стремление Китая привлечь весь институциональный ресурс, к которому государство имеет доступ. Многостороннее сотрудничество для выполнения задач, поставленных в рамках ОПОП, осуществляется посредством ШОС, АСЕАН+1, АТЭС, АСЕМ, ДСА, СВМДА, Форума китайско-арабского сотрудничества, Стратегического диалога Китай — ССАГПЗ, ЦАРЭС, Форума «Пояс и путь» и некоторых других институтов, вне зависимости от их статуса и функциональной специфики.[384] Влияние глобальной системы опосредовано Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана, а АСЕАН использует созданный еще в 2013 году Форум трансграничного урегулирования инфраструктурных проектов. Китай активно использует региональные и межрегиональные организации для имиджевого и политического сопровождения своих инфраструктурных проектов. Параллельно со строительством инфраструктуры КНР ведет переговоры о создании зон свободной торговли. Помимо уже имеющейся с АСЕАН, Китай хочет либерализовать торговлю как с отдельными крупными экономиками региона — Японией и Южной Кореей, так

[382] Successful global trade agreements require China's participation [Электронный ресурс]. / Global Times. — 2015. — Режим доступа: http://www.globaltimes.cn/content/945689.shtml (дата обращения: 05.05.2019)

[383] Arslanalp, S.; Liao, W.; Piao, S.; Seneviratne, D.. China’s Growing Influence on Asian Financial Markets / IMF Working Paper. — August 2016. — 36 p.

[384] АСЕАН+1 — зона свободной торговли между АСЕАН и КНР; АСЕМ — Форум «Азия — Европа»; ДСА — Диалог по сотрудничеству в Азии; СВМДА — Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии; ССАГПЗ — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива; ЦАРЭС — Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество

и со всеми странами АТР в целом (на базе АТЭС), Евросоюзом[385] и странами Персидского залива.[386]

Сочетание потребностей в развитии инфраструктуры и возможностей, предоставляемых имеющимися институциональными ресурсами, является ключом для максимально эффективной реализации проекта. Характерным примером является дорожная инфраструктура: в настоящий момент на нее приходится лишь 10% перевозимых грузов, при этом ожидание пограничного контроля может занимать до 3-4 дней,[387] а сама дорога занимает 8–12 дней, что гораздо быстрее, чем морские грузоперевозки.[388] Решением проблемы несбалансированности для КНР оказалось вступление с января 2017 года в Таможенную конвенцию о международной перевозке грузов с применением книжки МДП — участие в этом институте позволит сократить время ожидания до 1 часа.[389] Китай также активно применяет инструменты мягкой силы — международные форумы и выставки, причем как уже существующие, так и новые, например, Международный кинофестиваль Шелкового пути, Международная книжная выставка Шелкового пути и другие.

Финансирование инициативы ложится тяжелым бременем на государственный банковский сектор КНР; несмотря на то, что предназначенный для частичного решения этой проблемы АБИИ был создан в 2015 г., деятельность по разработке и реализации программ государственно-частного партнерства за прошедшее время достигли весьма незначительных результатов. По различным оценкам, в 2018 г. на государственное финансирование инициативы приходилось от 80% до 90% всех инвестиций.[390] С другой стороны, подчас кредитная нагрузка оказывается непосильной для самих стран-участниц. Проект встречает критику не только в Шри-Ланке, Малайзии и Лаосе, оказавшихся первыми в ряду стран, чья экономика испытала негативное воздействие, но и в Непале, Индонезии, Мьянме и даже Венгрии и Кении. Обвинения в волюнтаризме стали частью политической риторики оппозиционных сил,

---

[385] Pelkmans, J.; Hu, W.; and others. Tomorrow's Silk Road. Assessing an EU-China Free Trade Agreement. 2016. / Foreign Trade Association and Centre for European Policy Studies [Электронный ресурс] // Centre for European Policy Studies. — 2016. — Режим доступа: https://www.ceps.eu/system/files/EUCHINA_FTA_Final.pdf (дата обращения: 05.05.2019)

[386] People's Republic of China-Gulf Cooperation Council Free Trade Agreement [Электронный ресурс]. / Asia Regional Integration Center. Tracking Asian Integration. — 2016. — Режим доступа: https://aric.adb.org/fta/peoples-republic-of-china-gulf-cooperation-council-free-trade-agreement (дата обращения: 05.05.2019)

[387] China joins U.N. trucking treaty, stepping onto new Silk Road. July 26, 2016 [Электронный ресурс] / Reuters. —2016. — Режим доступа: http://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-idUSKCN1060XC (дата обращения: 05.05.2019)

[388] Shepard, W. Transport Along China's Silk Road Economic Belt Just Got A Boost [Электронный ресурс]. / Forbes // W. Shepard. — 2016. — Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/07/29/transportation-along-chinas-silk-road-economic-belt-just-got-a-boost-tir-truck-transit-system (дата обращения: 05.05.2019)

[389] China joins U.N. trucking treaty, stepping onto new Silk Road…

[390] Expert insights: Infrastructure investment trends on the Belt and Road [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 20 September 2018. — Режим доступа: http://beltandroad.hktdc.com/en/insights/expert-insights-infrastructure-investment-trends-belt-and-road (дата обращения: 05.05.2019)

критикующих власти своих стран за необдуманные решения о согласии на получение финансирования тех или иных проектов.[391]

В заключение следует отметить, что ОПОП содержит в себе две характерные черты. Во-первых, как в свое время План Маршалла закрепил значение США в экономическом развитии пострадавших от Второй Мировой войны государств, так и китайское строительство инфраструктуры корректирует экономическую политику сотрудничающих с ним стран таким образом, чтобы адаптировать ее под китайскую модель регионального сообщества. Чем больше то или иное государство полагается в создании новых объектов инфраструктуры на финансирование Китая или связанных с ним институтов, тем больше финансовых обязательств ему приходится принимать, и тем выше издержки от переориентации политики в сторону ограничения китайских интересов. Во-вторых, логика организации строительства объектов инфраструктуры показывает, как участие государства в региональной интеграции становится прямым следствием его внутренней политики. Так, отдельные элементы ОПОП подразумевают выполнение проектов, не выходящих за границы Китая и направленных на развитие его собственных территорий; другие начинаются внутри КНР и продолжаются в сопредельных государствах; третьи реализуются полностью за пределами этого государства. При этом компетенции глобальных и региональных финансовых институтов, а также частных китайских организаций, тесным образом пересекаются, затрудняя понимание того, какой проект является чисто внутренней инициативой КНР, а какой — предметом международного сотрудничества. Является ли эта ситуация следствием политической воли Пекина или случайным эффектом, она усложняет проведение арбитража его партнерами, необходимость в котором неизбежно будет возникать по мере того, как все больше государств будет зависеть от новых торговых маршрутов.

По всей видимости, не только у исследовательских организаций, но и у самих участников ОПОП масштаб и многочисленность составляющих проекта вызывают сложности с однозначным определением его структуры, из-за чего стратегия в течение нескольких лет меняла свое название и концептуальное содержание, начиная с «Нового Шелкового пути». Региональные институты (фонды и международные организации), двустороннее сотрудничество, внутренняя политика отдельных государств, китайское руководство и его бизнес-структуры, выполняя одни и те же функции, создают определенную размытость в границах между их компетенциями. В конечном итоге это вредит самой стратегии: отсутствие однозначности в распределении ответственности усложняет аудит, настороженность

[391] Коростиков, М. Китай проводит перепись попутчиков [Электронный ресурс]. / М. Коростиков // Коммерсант. — 26 апреля 2019. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3955425 (дата обращения: 05.05.2019)

относительно политической повестки препятствует созданию атмосферы доверия, а все вместе приводит к несогласованности в экономической политике участвующих субъектов, невозможности организовать эффективное государственно-частное партнерство.

3.2 Потенциал дальнейшего становления Азиатско-Тихоокеанского региона как единой региональной подсистемы.

Если участие Японии в регионализме действительно характеризовалось высокой зависимостью от США, то ослабление стратегического альянса как следствие политики “America first” позволит точнее определить пределы этой зависимости. Избавившись от бремени американского давления, Япония будет вынуждена искать новые пути к обеспечению своей военно-политической безопасности путем создания новых альянсов, а также переформатировать свое отношение к участию в свободной торговле. С другой стороны, отсутствие принципиальных отличий по этим двум направлениям сможет стать как минимум косвенным свидетельством того, что американский фактор в саморепрезентации Японии в АТР систематически переоценивался.

В институциональном регионализме АТР наблюдается тенденция к преобладанию количества как самих переговорных процессов по двусторонним соглашениям о свободной торговле, так и примеров успешного их завершения, по сравнению с многосторонними соглашениями вроде ВРЭП и ЗСТ Трехстороннего сотрудничества. Между тем, растущая взаимозависимость и пересечение компетенций вступивших в силу институтов создадут запрос на упорядочивание свободной торговли в региональном масштабе. Акторам регионализма потребуется найти такие институциональные формы координации своего сотрудничества, которые сделают многосторонние соглашения в их нынешнем формате неактуальными.

Все страны АТР настаивают на сугубо практической и ориентированной на экономику позиции в региональной интеграции, однако практика показывает, что существуют неэкономические аспекты, существенные в процессах создания таких институтов, как ЗСТ КНР—Япония—РК и ВРЭП. Исследования (feasibility studies) показывают, что при достижении этих результатов объем выгоды в целом и по отраслям получат все участники, хотя и не в равном количестве, но этого оказывается недостаточно, чтобы эти институты наконец оказались созданы. Самым близким к воплощению решением стало Соглашение о ТТП, но оно стало жертвой влияния внесистемного фактора. Между тем, данный институт обладает беспрецедентной сложностью, объемом и масштабом задействованных отраслей и механизмов сотрудничества, а участие нескольких стран АСЕАН в нем бросало вызов стремлению Ассоциации действовать сообща по отношению к таким крупным вне-Асеановскими акторами, как США. Эти же неэкономические ограничения не позволяют возникнуть двусторонней зоне

свободной торговли между КНР и Японией, Японией и РК. Отказ от сотрудничества объясняется либеральной исследовательской перспективой через индивидуальные различия, а из реалистских моделей следует вывод, что акторы оценивают ущерб от саботажа институциональных инициатив как более приемлемый, чем то относительное преимущество, которое приобретет партнер.

В то время как КНР не предпринимает никаких инициатив по институционализации военно-политической безопасности в регионе, строительство профильных институтов со стороны других стран региона неизбежно привлекает внимание этой страны. Китай последователен в своем желании не допустить возникновения любого регионального режима, который может быть направлен против него, и поэтому всегда старается принимать участие в подобных инициативах. В перспективе это может сыграть на руку другим странам региона, если издержки от дальнейшего усиления китайской позиции (особенно по вопросам спорных территорий) превысят возможные издержки при создании сбалансированного юридически обязывающего механизма, институционализирующего региональное сотрудничество в вопросе военно-политической безопасности. При его появлении КНР неизбежно сделает попытку вступления, и в зависимости от подобранных правил поведения ему придется либо пересмотреть какие-либо аспекты своей политики, либо испытывать ущерб от неучастия в институте, в особенности если Пекин будет подозревать, что вместо него позицию в нем могут занять США. Тем не менее, вероятность появления такого института невелика, так как подобный формат нетипичен для АТР.

Оценивая потенциал становления регионального сообщества как институционально оформленного регионального порядка в АТР через конфигурацию влияния ведущих акторов на ход регионализма в его институциональном измерении, следует сделать вывод, что в первом квартале 2017 года наибольшим весом обладает КНР, за которой следуют АСЕАН и Япония. Пекин примеряет на себя роль локомотива институционализации правил свободной торговли — экономической основе интеграции во многих регионах мира — и расширяет свое влияние через активное строительство объектов инфраструктуры, обслуживающих торговлю. В обоих направлениях эта страна пока что не имеет сопоставимых конкурентов. США как один из лидирующих глобальных акторов обладают внутренними ресурсами в виде сильной экономики и развитых вооруженных сил и внешними ресурсами в виде доверия со стороны государств, стремящихся сбалансировать позицию Китая. Тем не менее, само по себе наличие ресурсов не означает готовность и желание их использовать, поэтому Вашингтон фактически устраняет себя из региональной политики, облегчая позицию Китая. Таким образом, гипотеза о со-зависимости роста позиций претендентов на региональное лидерство через взаимную

обусловленность привлекательности и эффективности соответствующих институтов проявляет себя в моделях институционального регионализма следующим образом.

Выводы по главе 3: сценарии самоорганизации АТР как регионального сообщества

Реалистские модели применены для объяснения предпосылок к возникновению регионального порядка и показывают, что в институциональном измерении содержатся условия для следующих тенденций регионального развития в ближайшей перспективе:

— КНР будет с помощью ВРЭП и ОПОП закреплять свою позицию как гегемона и продолжать распространять региональную повестку.

— АСЕАН, Япония и РК будут стремиться сбалансировать позицию Китая.

— Малые страны региона в отсутствие альтернативы будут вынуждены постепенно уступать давлению со стороны Китая и все больше и больше поддерживать его.

Либеральные модели проливают свет на сценарии, вокруг которых будут развиваться эти тенденции в их институциональном содержании:

1) Отсутствие альтернативы несколько снижает, но не исключает вероятность положительного окончания переговоров по ВРЭП. Институт может вступить в силу только на консенсуальной основе, но отсутствие конкуренции не стимулирует Китай идти на большие уступки, чем сейчас. Поэтому другим участникам переговорного процесса выгодно его затянуть, чтобы либо дождаться появления альтернативного формата, либо выторговать более выгодные условия, снизив способность Китая влиять на этот институт до приемлемого минимума (инструменты соперничества). Последние годы важным фактором было параллельное создание ТТП, но внезапная гибернация этого института заставит страны еще раз переоценить свои позиции. При этом с точки зрения сотрудничества переоценку позиций субъектам наиболее выгодно производить в согласованном порядке, прибегнув к какому-либо неформальному институту. КНР выгодно ускорить переговоры по ВРЭП, что происходит уже сейчас[392], сделав ставку на то, что набравший обороты процесс обсуждений приведет к соответствующему его интересам разрешению по инерции, пока другие его участники не успели перехватить инициативу. Китай, по всей видимости, понимает, что находится беспрецедентно близко к позиции лидера. Шанс выиграть от форсирования институционального строительства выше, чем когда-либо, ведь в существующей конфигурации регионализм не пребывал длительное время: нет альтернативных проектов, собственная инициатива близка к реализации, растет зависимость партнеров из-за новой инфраструктуры и

[392] The 17th Round of RCEP Negotiations Held in Kobe, Japan [Электронный ресурс]. / Ministry of Foreign Affairs. — 2017. — Режим доступа: http://fta.mofcom.gov.cn/enarticle/enrelease/201703/34420_1.html (дата обращения: 05.05.2019)

схем ее финансирования, США не проявляют себя в институционализации. Излишняя настойчивость может спровоцировать остальных к сокращению сотрудничества, что отбросит региональный порядок к предыдущему устойчивому состоянию, но выигрыш в случае успеха очень высок. Тем не менее, ретроспектива традиционного поведения Китая свидетельствует о предпочтении им постепенных, обдуманных действий, поэтому он вряд ли станет идти ва-банк, стремительно заполнив вакуум в институциональном строительстве. Его оптимальное стратегией является поддержка экономического развития партнеров, приобретение все большего доверия, недопущение любых действий, которые могут трактоваться как часть движения к гегемонии.

2) Другим претендентам на региональное лидерство требуется срочно предложить какой-либо альтернативный формат, пока доверие со стороны остальных стран региона не будет компенсировано растущей способностью Китая влиять на их экономическую политику, вынудив прибегнуть к стратегии bandwagoning. Решению этой задачи наиболее релевантно обращение к инструментам сотрудничества по нескольким совместимым друг с другом направлениям. Во-первых, им необходимо прибегнуть к помощи одного из глобальных лидеров с сильной армией и экономикой — то есть, вернуть США в регионализм. Возвращение этой страны в ближневосточную политику, с одной стороны, демонстрирует способность администрации Д. Трампа кардинально пересматривать ключевые элементы предвыборной риторики, поэтому нельзя утверждать, что Вашингтон в ближайшие годы не вернется к структурированию регионального пространства АТР. С другой стороны, из-за смещения фокуса внимания внешней политики на Сирию руководство Соединенных Штатов может пропустить точку невозврата для решительных действий по отношению к АТР. Во-вторых, им придется так или иначе отложить противоречия в своих отношениях на второй план, чтобы открыть дорогу для создания института-преемника ТТП без участия США. Логичнее всего использовать в качестве основы ТСЭП, актуализировав его содержание с учетом изменений последних 10 лет с помощью дополнительных договоренностей и расширив его членский состав, чтобы кумулятивная экономическая позиция достигла глубины и масштабов, сопоставимых с китайскими. Здесь ключевым моментом является способность Японии и РК не допускать взаимных провокаций, связанных с исторической памятью, что последние годы было заметным препятствием в их отношениях. В-третьих, им следует обратиться к новым форматам сотрудничества с субъектами, лежащими на периферии регионального пространства — в первую очередь Индии и России, обладающими достаточно развитыми экономиками и вооруженными силами, но в этом случае придется смириться с необходимостью в будущем конкурировать еще и с ними. Что касается инструментов соперничества, то их применение осложняется прагматической настроенностью китайской внешней политики, разделяющей

экономическую и политическую повестки. Во-первых, следует пользоваться недовольством Индии по отношению к сотрудничеству между КНР, Бангладеш и в особенности Пакистаном: растущая взаимозависимость внутри этого треугольника по линии ОПОП — угроза национальным интересам Нью-Дели. Во-вторых, имеет смысл убедить Россию занять более настороженную позицию по отношению к факту роста влияния Китая на наиболее приоритетное направление внешней политики Москвы[393] — Центральную Азию, постепенную уступку инициативы в ШОС в пользу КНР, растущую способность этой страны извлекать выгоду из ЕАЭС, а также изменения в евразийской структуре энергетической безопасности, которые неизбежно последуют за появлением ЗСТ между Китаем и странами Персидского залива. В-третьих, следует перенести проблему спорных территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях в экономическую плоскость, настояв на невозможности договориться об общих правилах торговли морскими путями исходя из неопределенности статуса акваторий, через которые эти пути проходят.

3) Основной источник, из которого та или иная предлагаемая региональная модель мобилизует сторонников — это страны ЮВА, в меньшей степени — Центральной и Южной Америки. Чем больше КНР преуспеет в донесении до политического истеблишмента уверенности в том, что она не будет злоупотреблять своей способностью влиять на их экономическую политику и во всех случаях будет уважать их суверенитет, тем охотнее малые страны АТР будут поддерживать его инициативы. Источником этой уверенности является растущая взаимозависимость, причем взаимность (как равное влияние экономик друг на друга вне зависимости от их совокупных объемов и темпов роста) является ключевым фактором. Постепенный рост значения хода и темпов экономической интеграции для рынков малых стран может привести к ситуации, когда поддержка альтернативной модели будет заведомо обладать большим количеством издержек, чем продолжение поддержки китайской, в случае их несовместимости. Чем больше примеров выгодного сотрудничества будут характеризовать регионализм, тем больше стран будут соглашаться с поддержкой Китая. Однако те страны ЮВА, которые считают позицию КНР по спорным территориям неприемлемой, будут настроены на экономическое сотрудничество менее оптимистично. В рамках АСЕАН они уже имеют зоны свободной торговли с ведущими региональными державами, однако по отдельности могут участвовать и в других институциональных форматах. АСЕАН очень важно добиться единства в позиции своих участников, чтобы ОПОП не стал источником раскола среди ее членов. В условиях зависимости от участия в инфраструктурных проектах некоторые

[393] Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2016. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 07.04.2017)

страны могут создавать с Китаем институты, выгодные им, но противоречащие интересам других членов Ассоциации. Наличие территориальных споров как проявление военно-политического измерения и участие в ОПОП как проявление экономического — это два параметра, серьезно влияющие на внешнюю политику стран ЮВА. Чтобы сохранить целостность, рациональными инструментами сотрудничества для АСЕАН будет разработка и принятие мер (в том числе в рамках ВРЭП) по равномерному распределению издержек от воздействия указанных параметров, а для самих стран — развитие и углубление двусторонних институтов с другими претендентами на лидерство. Наконец, отложить вступление в силу самого ВРЭП возможно путем привлечения к переговорному процессу участников, не состоящих в АСЕАН+6.

Заключение

Предложенная оценка состояния сложившихся в регионе отношений стала возможной путем редуцирования всех взаимодействий, происходящих как между самими участниками региональных процессов, так и между ними и средой, к сотрудничеству и соперничеству. Такая бинарная модель трактует любую инициативу, реакцию, политический акт, в некоторых случаях даже отсутствие какого-либо действия как проявление конкурентной или кооперционной стратегии. Объектом этих стратегий всегда является статус-кво в сложившейся региональной подсистеме: речь идет либо о его сохранении, либо об изменении в свою пользу. Поскольку в АТР сразу несколько акторов обеспокоены способностью друг друга влиять на статус-кво, их поведение, описываемое в предыдущем абзаце, сводилось бы к сохраняющей равновесие матричной игре с нулевой суммой. Очевидно, что такая ситуация делает практически невозможным поступательное развитие регионального сотрудничества по направлению к более совершенным формам регионализма. Чтобы разрешить это противоречие, было выбрано институциональное (организационное) измерение: с помощью правил поведения и обеспечивающих их соблюдение организаций и режимов акторы способны изменять статус-кво в региональном масштабе.

Концептуальная предпосылка, ставшая основой для выделения и анализа институционального измерения, содержится в онтологическом статусе институционального регионализма как международно-политического аспекта и исследовательской единицы. Для его определения были рассмотрены основные подходы к понятиям региональная интеграция, регионализация и регионализм. Предложенные отечественными и зарубежными экспертами определения были рассмотрены в ключе системного подхода, были выявлены свойства и характеристики, существенные для экстраполяции процессов, соответствующих региональной интеграции, регионализации и регионализма, на институциональную среду. Вместе с тем были проанализированы и основные точки зрения на понятие международного института, что сделало возможным дать положительную оценку возможности использования этого концепта для создания моделей, в которых институт был бы явлением не только второго, но и первого порядка. Наконец, были обобщены различные концепции, стоящие за понятиями сотрудничества и соперничества, что позволило абстрагировать их как два взаимосвязанных инструмента изменения (увеличения либо нивелирования) относительного преимущества.

В итоге стремление каждого регионального актора к лидерству было сведено к его участию в формировании регионального сообщества, которое понимается в виде соответствующего ожиданиям и интересам своих создателей комплекса или подсистемы

институтов. В этой концептуальной модели все процессы, лежащие в экономическом и военно-политическом измерениях, оказались сведены в одну и ту же исследовательскую единицу. Этой единицей является институциональный порядок в регионе — совокупность всех процессов институционального строительства, отражающих ход и состояние регионализма. Цель работы заключалась в разработке таких моделей институционального регионализма, в которых каждое воздействие актора на региональную подсистему сопоставлено с сотрудничеством либо соперничеством. Исследование по ходу достижения цели позволило определить, что несмотря на одну и ту же область применения, обращение этих вариантов поведения к схожим инструментам, некорректно понимать их как безусловно симметричные отражения одного и того же явления. Более того, выяснилось, что на институциональном уровне модели, соответствующие реалистской (в первую очередь гегемонистская стабильность и кооперативная гегемония по Т. Педерсену) и либеральной (модель региональной сплоченности, учитывающая влияние правительственных и неправительственных акторов) перспективам, тесно взаимосвязаны между собой, а следовательно, существует возможность рассмотрения сотрудничества и соперничества в рамках единой объяснительной системы.

Предложенный аналитический аппарат, соответствующий концепции институционального регионализма, в дальнейшем был применен к подсистеме АТР с целью выявления структуры и существенных характеристик Азиатско-Тихоокеанского институционального регионализма. В результате анализа институционального измерения было обнаружено несоответствие между предпочтениями субъектов региональных отношений АТР и действительными условиями, в которых им приходится взаимодействовать. Удалось показать, что вопреки единодушной непримиримости каждого кандидата в региональные лидеры с тем, чтобы кто-либо из его конкурентов занял эту позицию, состояние региональной подсистемы не деградировало, как если бы ее существование было подчинено правилам игры с ненулевой суммой. Институциональный регионализм АТР организован таким образом, что региональные акторы способны адаптироваться к притязаниям друг друга, предпринимая различные действия в рамках институционального строительства. Это позволило переосмыслить борьбу за лидерство в региональном сообществе АТР в сторону влияния сотрудничества на модели институционального регионализма как игру с ненулевой суммой, в ходе которой возникают коалиции и оптимальные состояния, позволяющие равномерно распределить выигрыш от сотрудничества. При этом, данные закономерности оказались в большей степени выражены в экономическом аспекте взаимодействия, нежели военно-политическом, в первую очередь из-за того, что странам АТР традиционно свойственно большее доверие друг к другу в экономическом сотрудничестве. Институциональный регионализм, таким образом, подчинен следующим правилам:

1) Акторы соперничают не за абсолютное преимущество в виде гегемонии, а за относительное преимущество — выигрыш от торговли, доверие остальных по отношению к своим региональным инициативам.
2) Каждый актор делает выбор, какой объем относительного преимущества уступить в пользу всего регионального сообщества.
3) Если совокупное количество уступок набирает критическую массу, создающую новое качество существования региональной подсистемы, выигрыш распределяется между всеми региональными акторами.
4) Чем больше каждый актор уверен в невозможности кого-либо односторонне повлиять на распределение выигрыша, тем больше уступок он готов сделать.

Обнаружение этих правил позволило разработать дескриптивные и прогностические модели институционального регионализма в АТР, отражающие кооперативные и конкурентные стратегии вовлеченных государств. Главной мотивацией отдельных участников институционального строительства является стремление добиваться от сотрудничества относительного преимущества для себя, не создавая рисков собственному суверенитету. Для этого им приходится следить, чтобы создаваемые институты не давали конкуренту непропорционально высокое относительное преимущество. Отсюда естественным образом вытекает такая институциональная среда, которой присуще эндогенное стремление к балансу сил и интересов. Таким образом, недопущение чьего-либо лидерства — это функция от совокупности всех внешнеполитических курсов по институциональному строительству. При этом сотрудничество необходимо, потому что выживаемость экономик, а в некоторых случаях и политических режимов в странах АТР зависит от получения доступа к новым источникам роста, создаваемых сокращением транзакционных издержек.

Модели институционального регионализма показывают, что многосторонние институты свободной торговли станут гораздо более эффективными, когда их участники будут уверены, что никто из них не сможет злоупотреблять своим влиянием на них для приобретения несоизмеримо большего, чем у остальных, относительного преимущества. Наиболее востребованные функционирующие институты максимально ограничены в своей применимости, поэтому даже обладание значительными внутренними и внешними ресурсами не помогает актору манипулировать ими. Зависимость между уверенностью в надежности какого-либо средства формирования регионального сообщества и его жизнеспособностью проявляется в различных аспектах Азиатско-Тихоокеанского регионализма. Невозможность создать полноценный азиатский валютный фонд заставила реализовывать его функции по отдельности. Необходимость выбрать язык региональной интеграции в начале становления АТР

осложнялась высоким лингвистическим разнообразием и уверенностью в том, что выбор одного из распространенных языков азиатского происхождения позволит говорящему на нем государству приобрести привилегированное положение. Еще один пример — ведущая роль английского языка в функционировании институтов АТР, которая была им приобретена скорее благодаря стечению обстоятельств, нежели результату коллективного рационального выбора. Акторы регионализма АТР не только избавили сотрудничество от лишних издержек, но и осознали, что язык сам по себе не влияет на позицию стран, в которых является официальным.

Анализ институционального регионализма как международно-политического аспекта региональных отношений в АТР позволил выявить закономерности применения сотрудничества и конкуренции в эволюции институтов регионализма, регионализации и региональной интеграции АТР. Конкуренция за относительное преимущество состоит в применении тактик сотрудничества и соперничества, направленных на максимизацию пользы от управления неуверенностью (или манипуляции доверием) в региональном развитии. Актор регионализма делает свои намерения более явными, если его партнеры используют более прозрачный подход к своей политике, и поступает вопреки логике публичного выбора, если его интересы оказываются в той или иной мере ущемлены. Обратная сторона управления неуверенностью — максимизация пользы от формирования регионального сообщества, выраженная в росте взаимозависимости между акторами регионализма. Увеличение взаимозависимости делает более надежным публичный выбор, а он, в свою очередь, открывает дорогу к приобретению региональным развитием нового, положительного, качества. В конечном итоге институциональный регионализм раскрывает дихотомическую сущность сотрудничества и соперничества применительно к стремлению к региональному лидерству. Конкуренция может выражаться в интенсификации сотрудничества для усиления альтернативных институтов, а кооперативные стратегии, генерирующие новый расклад баланса сил и интересов в институциональной среде, создают почву для нового витка соперничества.

В то же время, для того, чтобы актор регионализма был склонен выбрать модель сотрудничества, необходимо, чтобы условия среды сформировали предпосылки для предпочтительности решения экономических вопросов по сравнению с военными и политическими в двусторонних и многосторонних отношениях. При этом военно-политическая составляющая отношений тоже способна стимулировать сотрудничество, если в ней происходит процесс, выходящий за пределы способности одного или более государств контролировать ситуацию. С другой стороны, поступательное и непрерывное экономическое сотрудничество государствам также может оказаться невыгодно, если дальнейшее институциональное строительство подразумевает асимметричный ущерб их претензиям на региональное лидерство. При этом они склонны не саботировать создание новых и развитие

имеющихся институтов средствами связанного с ними переговорного процесса, а используют внешние по отношению к нему инструменты так, чтобы вынудить партнера самостоятельно сократить сотрудничество.

Как итог, проведенная работа позволила дать оценку потенциала становления АТР как единой региональной подсистемы в ее институциональном измерении. Несмотря на наличие таких вызовов и угроз, как торговая война между КНР и США, возникновение обновленной версии Соглашения о ТТП без участия США, растущая роль Индии и других периферийных и полупериферийных государств в региональных делах, устойчивость АТР как региональной подсистемы обязана существованию механизмов институционального строительства, не допускающих чрезмерного возвышения одного из претендентов на региональное лидерство. Например, ВРЭП, способный обеспечить серьезное преимущество КНР в ущерб экономическому суверенитету других участников соглашения, долгое время оставался предметом новых обсуждений, затягивавших его подписание. В то же время, другие институты, построенные на перечисленных правилах, создают недискриминирующие условия для всех своих участников, вне зависимости от наличия у них претензий на региональное лидерство. Особенно это касается инициатив, предлагаемых в качестве разновидностей диалоговых партнерств АСЕАН. Дальнейшее развитие региональной подсистемы определяется тем, насколько хорошо в данный момент времени сложившаяся в ней институциональная среда защищает ее членов от внутренних и внешних угроз, и насколько способность ее участников эффективно решать собственные проблемы зависит от располагаемой ими военно-политической и экономической мощи. Влияние соперничества на модели институционального регионализма зависит от неопределенности по поводу соответствия предлагаемого института интересам одного из его участников. Каждый субъект региональных отношений в АТР, стремящийся обойти конкурентов по способности влиять на паттерны формирования регионального сообщества, знает, что любое его предложение по сотрудничеству будет оцениваться с точки зрения наносимого им потенциального ущерба. В случае, если предложение было доведено до исполнения, выбравшие соперничество акторы терпят ущерб в виде недополученной выгоды, увеличившей относительное преимущество акторов, выбравших сотрудничество. Эти соображения были положены в основу сценариев развития региона, соответствующим либеральным и реалистским моделям.

Список литературы

Источники:

1. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор [Электронный ресурс]. / Всемирный банк. — 2008. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2009.pdf

2. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2016. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

3. Программа по созданию экономического коридора Китай — Монголия — Россия [Электронный ресурс]. / Министерство промышленности и торговли Республики Бурятия. — 2016. — Режим доступа: http://minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf

4. Список наименее развитых стран / Организация Объединенных Наций и наименее развитые страны [Электронный ресурс].// ООН. — 2017. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/ldc/list.shtml

5. Фонд Шелкового пути приветствует участие китайских и зарубежных инвесторов [Электронный ресурс]. / СИНЬХУА Новости. — 2015. — Режим доступа: http://russian.news.cn/economic/2015-03/12/c_134062362.htm

6. Чжунъинь: Жэньби ляо чен «идай илу» чжулю хоби. [Электронный ресурс]. / Банк Китая, Гонконг. — 2016. — Режим доступа: http://www.boc.cn/aboutboc/ab8/201606/t20160620_7113013.html

7. 10 emerging trends in 2016 / [Электронный ресурс]. / KPMG. — 2016. — Режим доступа: https://home.kpmg/ke/en/home/insights/2016/09/10-emerging-trends-in-2016.html

8. 2008-2012 Progress Report of the Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2012. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/2.%20Progress%20Reports/1.%20English/2008-2012%20Progress%20Report.pdf

9. 2012-2013 Progress Report of the Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2013. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/2.%20Progress%20Reports/1.%20English/2012-2013%20Progress%20Report.pdf

10. 2014-2016 Progress Report of the Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2016. — Режим доступа: http://file.tcs-

asia.org/file_manager/files/tcs/publication/progress/2015-2016%20Progress%20Report%20of%20Trilateral%20Cooperation.pdf

11. 2014 Leader's Declaration. [Электронный ресурс]. / APEC. — 2014. — Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx

12. Action Plan for Promoting Trilateral Cooperation [Электронный ресурс]. / Japan-China-ROK Trilateral Summit. — 2008. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2008.12.13)Action%20Plan%20for%20Promoting%20Trilateral%20Cooperation.pdf

13. Agreement on the Establishment of Trilateral Cooperation Secretariat [Электронный ресурс]. / Japan-China-ROK Trilateral Summit. — 2010. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2010.12.16)Agreement%20on%20the%20Establishment%20of%20the%20Trilateral%20Cooperation%20Secretariat.pdf

14. APEC Achievements and Benefits [Электронный ресурс]. / APEC. — 2015. — Режим доступа: http://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Achievements%20and%20Benefits

15. Asian Infrastructure Investment Bank. Articles of Agreement [Электронный ресурс]. / AIIB. — 2016. — Режим доступа: https://www.aiib.org/en/about-aiib/basic-documents/_download/articles-of-agreement/basic_document_english-bank_articles_of_agreement.pdf

16. Brief on Trans-Pacific Partnership [Электронный ресурс]. / Ministry of International Trade and Industry of Malaysia. — 2015. — Режим доступа: http://fta.miti.gov.my/miti-fta/resources/auto%20download%20images/555e5f99650cf.pdf

17. China's Arab Policy Paper. January 13, 2016. [Электронный ресурс]. — Ministry of the Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 2016. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1331683.shtml

18. China's NPC Approves 13th Five-Year Plan. / National People's Congress of China. Issue 1, 2016. [Электронный ресурс]. / The National People's Congress (NPC) of the People's Republic of China. — 2016. — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/zgrdzz/site1/20160429/0021861abd66188d449902.pdf

19. China's One Belt, One Road: Will it reshape global trade? [Электронный ресурс]./ McKinsey&Company. — 2016. — Режим доступа: http://www.mckinsey.com/global-themes/china/chinas-one-belt-one-road-will-it-reshape-global-trade

20. China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation [Электронный ресурс]. — The State Council Information Office of the People's Republic of China, 2017. — Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm

21. Connectivity in Central Asia. Reconnecting the Silk Road [Электронный ресурс]. / European Parliament. — April 2019. — Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637891/EPRS_BRI(2019)637891_EN.pdf

22. First Round of EU-Japan Trade Talks A Success [Электронный ресурс]. / European Union. — 2013. — Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-348_en.htm

23. Free Trade Agreements by Country [Электронный ресурс]. / Asia Regional Integration Center. — 2017. — Режим доступа: https://aric.adb.org/fta-country

24. Free Trade Agreements with Dialogue Partners / ASEAN Economic Community [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: http://asean.org/asean-economic-community/asean-free-trade-area-afta-council/agreements-declarations

25. Global Economic and Financial Outlook. 2016 Annual Report / Bank of China. [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: http://pic.bankofchina.com/bocappd/rareport/201512/P020151231839629859302.pdf

26. Greater Mekong Subregion (GMS) in the Spotlight [Электронный ресурс]. / Азиатский банк развития. — 2016. — Режим доступа: https://www.adb.org/countries/gms/main

27. Infrastructure for Supporting Inclusive Growth and Poverty Reduction in Asia [Электронный ресурс]. / Asian Development Bank. — 2012. — Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29823/infrastructure-supporting-inclusive-growth.pdf

28. Investor-to-State Dispute Settlement (ISDS). Some facts and figures [Электронный ресурс]. / European Commission. — 2015. — Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/january/tradoc_153046.pdf

29. Joint Communique of the Leaders' Roundtable of the 2nd Belt and Road Forum for International Cooperation [Электронный ресурс]. / The Second Belt and Road Forum for International Cooperation. — April 27, 2019. — Режим доступа: http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0427/c36-1311.html

30. Joint Declaration on the Enhancement of Trilateral Comprehensive Cooperative Partnership [Электронный ресурс]. / The Fifth Trilateral Summit Meeting among The People's Republic of China, the Republic of Korea and Japan. Beijing, China. — 2012. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2012.05.13)Joint%20Declaration%20on%20the%20Enhancement%20of%20Trilateral%20Comprehensive%20Cooperative%20Partnership.pdf

31. Joint Declaration on the Promotion of Tripartite Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea [Электронный ресурс]. / Japan-China-ROK Trilateral Summit. — 2003. — Режим доступа: http://file.tcs-

asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2003.10.07)Joint%20Declaration%20on%20the%20Promotion%20of%20Tripartite%20Cooperation.pdf

32. Joint Statement — United States and India: Prosperity Through Partnership // Government of India. Ministry of External Affairs. 27 June 2017. Режим доступа: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/28560/United_States_and_India_Prosperity_Through_Partnership

33. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016 [Электронный ресурс]. / Annual Report to Congress. — Office of the Secretary of Defence. — 2019. Режим доступа: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf

34. Mongolia, 2016 [Электронный ресурс]. / The Observatory of Economic Complexity. — MIT. — 2016. — Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/mng

35. More Public-Private Partnerships Can Help Meet Development Challenges [Электронный ресурс]. / ADB. — 2014. — Режим доступа: http://www.adb.org/news/more-public-private-partnerships-can-help-meet-development-challenges

36. New Asian Security Concept For New Progress in Security Cooperation. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia [Электронный ресурс]. / By H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China. — 2014. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml

37. People's Republic of China-Gulf Cooperation Council Free Trade Agreement [Электронный ресурс]. / Asia Regional Integration Center. Tracking Asian Integration. — 2016. — Режим доступа: https://aric.adb.org/fta/peoples-republic-of-china-gulf-cooperation-council-free-trade-agreement

38. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership / World Bank. — 2016. — Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/freepdfdownloadservlet?articleID=1X0A7NFO&LANGUAGE=en

39. RCEP: Looking Ahead To 2017 [Электронный ресурс]. / Asian Trade Center. — 2016. — Режим доступа: http://www.asiantradecentre.org/talkingtrade//rcep-looking-ahead-to-2017

40. Regional Comprehensive Economic Partnership. RCEP market snapshot (including Australia) [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/Pages/regional-comprehensive-economic-partnership.aspx

41. Russia, 2016 [Электронный ресурс]. / The Observatory of Economic Complexity. — MIT. — 2016. — Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/rus

42. Statement by Jin Liqun at a Press Conference in Tbilisi [Электронный ресурс]. / AIIB. — 2016. — Режим доступа: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2015/20150826_001.html

43. The 17th Round of RCEP Negotiations Held in Kobe, Japan [Электронный ресурс]. / Ministry of Foreign Affairs. — 2017. — Режим доступа: http://fta.mofcom.gov.cn/enarticle/enrelease/201703/34420_1.html

44. The Action Strategy on Trilateral Cooperation among the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea [Электронный ресурс]. / Three-Party Committee. — 2004. — Режим доступа: http://file.tcs-asia.org/file_manager/files/tcs/1.%20Basic%20Documents/1.%20English/(2004.11.27)The%20Action%20Strategy%20on%20Trilateral%20Cooperation.pdf

45. The Facts and China’s Position on China-US Trade Friction [Электронный ресурс]. — The State Council Information Office of the People’s Republic of China. — 26 September 2018. — Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm

46. The Medium-Term Agenda for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. [Электронный ресурс]. — Ministry of the Foreign Affairs of the People’s Republic of China. — 2015. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1318038.shtml

47. The Suzhou Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. [Электронный ресурс]. — Ministry of the Foreign Affairs of the People’s Republic of China. — 2015. — Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1318039.shtml

48. Three Countries in the World Statistics [Электронный ресурс]. / Trilateral Cooperation Secretariat. — 2017. — Режим доступа: http://www.tcs-asia.org/en/data/statistics.php

49. Towards an Inclusive and Sustainable Asia-Pacific century [Электронный ресурс]. / Growing Together: Economic Integration for an Inclusive and Sustainable Asia-Pacific Century. — UNESCAP. — 2012. — Режим доступа: https://www.unescap.org/sites/default/files/themestudy2012-full.pdf

50. TPP Final Table of Contents [Электронный ресурс]. / Office of the United Stated Trade Representative. — 2016. — Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text

51. Vietnam Urbanization Review. Technical Assistance Report [Электронный ресурс]. / The World Bank in Vietnam. — 2011. — Режим доступа: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2826/669160ESW0P1130Review000Full0report.pdf

52. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road [Электронный ресурс]. / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, with State

Council authorization // National Development and Reform Commission. — 2015. Режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html

53. Wade, G. China's 'One Belt, One Road' initiative. 2016 год. [Электронный ресурс]. / Парламент Австралии, Департамент по международным делам, обороне и безопасности. — 2016. — Режим доступа: http://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/BriefingBook45p/ChinasRoad

54. World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files [Электронный ресурс]. / WB; OECD. — 2017. — Режим доступа: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KR-JP&view=chart

55. Zhu L. China's Carbon Emissions Report 2015 [Электронный ресурс]. / L. Zhu. — Belfer Center for Science and International Affairs. — 2015. — Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/carbon-emissions-report-2015-final.pdf

Литература

Монографии:

56. Арапова Е.Я. Регионализация в Восточной Азии в условиях диверсификации источников экономического роста / Е.Я. Арапова. — М.: Проспект, 2016. — 232 с.

57. Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды / Л.Г. Арешидзе. — М.: Международные отношения, 2007. — 296 с.

58. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии: науч. издание / А.А. Байков. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

59. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945-1995. — М.: Сюита, 1997. — 352 с.

60. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно- образовательный комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 444 с.

61. Воробьев В.Я., Денисов И.Е., Дикарев А.Д., Лукин А.В. Приход администрации Д.Трампа и китайско-американские отношения / В.Я. Воробьев, И.Е. Денисов, А.Д. Дикарев, А.В. Лукин // МГИМО МИД России, Институт международных исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 66 с.

62. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учебное пособие / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М: РОССПЭН, 2002 г. — 528 с.

63. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы: учебник для вузов / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 624 с.

64. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин [и др.]; Под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. — 332 с.

65. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. — 536 с.

66. Иванов О.В., Иванова А.О. Государственно-частное партнерство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: учебное пособие / О.В. Иванов, А.О. Иванова // Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. экономич. политики и государственно-частного партнерства. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 616 с.

67. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития : монография / Н.П. Малетин. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — 312 с.

68. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. — 448 с.

69. Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. — 416 с.

70. Михеев В.В. Китай-Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире: монография / В.В. Михеев. — М., ИМЭМО, 2009. — 360 с.

71. Никитина, Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности: монография / А.Ю. Никитина. — М.: Навона, 2009. — 200 с.

72. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 190 с.

73. Организации и объединения стран Тихоокеанского кольца: монография / И.И. Меламед, Е.А. Терентьева, А.Л. Абрамов [и др.] — Владивосток: издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. — 624 с.

74. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. — 560 с.

75. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова // Аспект Пресс, Москва. — 2019. — 432 с.

76. Хохлов И.И., Сидорова Е.А. Наднациональность в политике Европейского союза. 2-е изд., обновл. и доп. / И.И. Хохлов, Е.А. Сидорова. — М.: Международные отношения, 2014. — 304 с.

77. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. — М.: НОФМО, 2008. — 230 с.

78. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: учебное пособие / П.А. Цыганков. — М.: Радикс, 1994. — 208 с.

79. Широков Г.К. Тенденции современного развития: глобализация и/или регионализация? (Регионализация и ее типы) / Г. К. Широков, А. И. Салицкий // Восток (ORIENS). - 2003. - №5. -С. 85-96.

80. Ятманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений: учебно-методическое пособие / М.Г. Ятманова. — СПб: СПбГУ, 2010. — 156 с.

81. Acharya, A. Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the problem of regional order / A. Acharya. — London: Routledge, 2003. — Pp. 47–99. — Режим доступа: https://fmc90.files.wordpress.com/2010/05/constructing-a-security-in-asean.pdf

82. Acharya A., Johnston A.I. Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective / Edited by A. Acharya, A.I. Johnston. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 332 p.

83. Arslanalp, S.; Liao, W.; Piao, S.; Seneviratne, D.. China’s Growing Influence on Asian Financial Markets / IMF Working Paper. — August 2016. — 36 p.

84. Assessing the Trans-Pacific Partnership. Volume 1: Market Access and Sectoral Issues [Электронный ресурс]. / Peterson Institute for International Economies. — 2016. — Режим доступа: http://www.piie.com/publications/briefings/piieb16-1.pdf

85. Blackwill, R.D.; Tellis, A.J. Revising U.S. Grand Strategy Toward China / Council Special Report No. 72. — 2015. — 70 p.

86. Blaikie, N. Strategies for Answering Research Questions / Designing Social Research. The Logic of Anticipation. — Polity press, 2004. — Pp. 85–127

87. Buzan B. Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / B. Buzan, R. Little. — Oxford University Press, 2000. — 452 p.

88. Cases, Numbers, Models: International Relations Research Methods / Edited by D.F. Sprinz, Y. Wolinsky. — Harward University, 2002. — 414 p.

89. Dent, C.M., Jörn, D. The Asia-Pacific, Regionalism and the Global System. / C.M. Dent, D. Jörn. — World University Network, 2012. — 304 p.

90. Emmers, R. ASEAN and the Institutionalization of East Asia / R. Emmers. — Routledge Security in Asia Pacific, 2011. — 234 p.

91. Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton Studies in International History and Politics. 312 p.

92. Keohane, R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R.O. Keohane. — Princeton University Press, 1984. — 292 p.

93. Pempel, T.J. Remapping East Asia. The construction of a region / T.J. Pempel. — Cornell University Press, 2005. — 334 p.

94. Rathus. J. Japan, China and Networked Regionalism in East Asia (Critical Studies of the Asia-Pacific) / J. Rathus. — Palgrave Macmillan, 2011. — 235 p.

95. Segbers, K. Global Politics: How to Use and Apply Theories of International Relations / K. Segbers. — Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin, 2006. — 74 p.

96. Spar, D.L. The Cooperative Edge: The Internal Politics of International Cartels / D.L. Spar. — Cornell University Press, 1994. — 273 p.

97. Telo M. Regionalism in Hard Times. Competitive and Post-Liberal Trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas. London, New York: Routledge, 2017. 86 p

98. Voskressesnki A. D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. — 270 p.

Авторефераты диссертаций:

99. Арапова Е.Я. Перспективы становления и развития интеграционных объединений в Восточной Азии: автореф. дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.14 / Арапова Екатерина Яковлевна. — М., 2012. — 28 с.

100. Казанцев А.А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): автореф. дис. … доктора политических наук : 23.00.04 / Казанцев Андрей Анатольевич. — М, 2011. — 44 с.

101. Киреева А.А. Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии : автореф. дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Киреева Анна Андреевна. — М., 2013. — 34 с.

102. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского Союза): автореф. дис. … доктора политических наук : 23.00.04 / Лагутина Мария Львовна. — СПб, 2016. — 45 с.

103. Мишина С.И. Стратегия КНР в интеграционных процессах в АТР : автореф. дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Мишина Светлана Игоревна. — М., 2012. — 26 с.

104. Михневич С.В. Подходы КНР и США к развитию архитектуры безопасности в АТР: автореф. дис. … кандидата политических наук : 23.00.04 / Михневич Сергей Владимирович. — М.,: 2017. — 36 с.

105. Севастьянов С.В. Модели регионализма и регионализации в Восточной Азии : автореф. дис. ... доктора политических наук : 23.00.04 / Севастьянов Сергей Витальевич. — М., 2009. — 40 с.

Статьи

Научные и публицистические издания:

106. **Кожин Е.Г. Институциональное измерение Азиатско-Тихоокеанского регионализма: военно-политический и экономический аспекты / Е.Г. Кожин // Дипломатическая служба. — 2017. — № 5. — С. 24–31**

107. **Кожин Е.Г. Институциональное оформление инфраструктурных проектов КНР в АТР и Евразии / Е.Г. Кожин // Дипломатическая служба. — 2018. — № 1.**

108. **Кожин Е.Г. Форум «Один пояс, один путь» в формировании повестки институционального регионализма АТР / Е.Г. Кожин // Международные отношения. — 2019. — № 2. — С.56–66.**

109. Алехнович С.О., Слизовский Д.Е., Ожиганов Э.Н. Системно-динамическое моделирование: принципы, структура и переменные (на примере Московской области) / С.О. Алехнович, Д.Е. Слизовский, Э.Н. Ожиганов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2009. — Выпуск 1. — С. 22–36

110. Баталов Э. Новая институционализация мировой политики [Электронный ресурс]. / Э. Баталов // Международные процессы. — 2016. — Т.14, №1 (44). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1082/GRE11Djv6O.pdf

111. Богатуров А.Д. Динамическая стабильность в международной политике // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. — М.: НОФМО, 2002. — С. 145–171

112. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе [Электронный ресурс]. / А.Д. Богатуров // Международные процессы. — 2006. — №3. — Режим доступа: http://intertrends.ru/old/twelfth/001.htm

113. Богатуров А.Д. Среда — против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. — М.: НОФМО, 2002. — С. 266–282.

114. Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы [Электронный ресурс]. / О. Буторина // Полит.ру. — 2006. — Режим доступа: http://polit.ru/article/2006/04/10/butorina

115. Веремеев Н. Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане [Электронный ресурс]. / Международные процессы // Н. Веремеев. — 2016. — Т.14, №2 (45). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1584/9jGCFnJhjZ.pdf

116. Воскресенский А.Д. Восточная Азия и/или АТР: состав региона // Современные международные отношения и Мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Просвещение, 2004. — С. 408–426

117. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. — Сравнительная политика. — 2012. № 2 (8). — С. 30–58

118. Гарри, М. Конкурентные стратегии Пекина и малых стран АСЕАН в Южно-Китайском море [Электронный ресурс]./ М. Гарри // Международные процессы. — 2015. — Том 13, № 1. — С. 81-88. — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/732/Garri.pdf

119. Головнева Е.В. Регион как социальный конструкт. — Социум и власть. № 6 (56), 2015. — С. 58–63

120. Головнин М. Ю., Абалкина А.А. Финансовая интеграция в Европе и Азии // Информационно-аналитический бюллетень Центра проблем интеграции ИМЭПИ РАН. — 2005. — № 2

121. Гребенкина Е. Современная дипломатия на пути к сетевой структуре мира / Елена Гребенкина // Международная жизнь. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1839

122. Джереми, П., Саид, Ш. Как Китай подтолкнул Пакистан к кризису [Электронный ресурс]. / П. Джереми, Ш. Саид // Ведомости. — 30 июля 2018. — Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/07/31/776943-kitai-podtolknul-pakistan

123. Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? — Сравнительная политика. — 2018. — Т. 9, № 3. — Стр. 75–87

124. Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности [Электронный ресурс]. / К. Ефремова // МГИМО. — 2017. — Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/iblock/035/650-1336-1-SM.pdf

125. Киреева А.А. Инициатива «пояса и пути»: содержание, цели и значение. — Сравнительная политика. — 2018. Т. 9, № 3. — Стр. 61–74.

126. Кожин Е.Г. Методологические особенности исследования пространства Азия — Тихий океан как региональной системы // Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы. Сборник статей / Отв. редактор проф. М.А. Кукарцева. — М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. — Стр. 13-19.

127. Кожин Е.Г. Транстихоокеанское партнерство и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в формировании региональной интеграционной повестки США и КНР // Роль и

место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей / Отв. ред. Д.А. Сидоров. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2016. — С. 135–151.

128. Козырев В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР. [Электронный ресурс]./ В. Козырев // Международные процессы. — 2006. — Т.4, №2(11). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/636/Kozyrev-11.pdf

129. Колдунова Е. Дефицит лидерства в Восточной Азии: шанс для малых и средних стран. [Электронный ресурс]./ Е. Колдунова // Международные процессы. — 2011. — Т.9, №2 (26). — Режим доступа: http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/569/Koldunova-26.pdf

130. Конышев В.Н., Лагутина М.Л. Проблемы и перспективы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь» / Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века // Под ред. В.И. Михайленко. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. — С. 280–297

131. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. № 5 (2016). — С. 165–177.

132. Лексютина Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы. — Сравнительная политика. — 2018. Т. 9, № 3. Стр. 26–41

133. Лукин А. Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии. [Электронный ресурс]./ А. Лукин // Международные процессы. — 2010. — Т. 8, №1 (22). — Режим доступа: http://www. intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/772/Lukin-22.pdf

134. Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая / М. Мамонов // Международные процессы. — 2010. — Т. 8, №3 (24). — Режим доступа: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/577/Mamonov-24.pdf

135. Михеев В.В. Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в Северо-Восточной Азии / В.В. Михеев // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 2. — С. 29-34

136. Наркевский, Д. Китай — Индия: незамеченная встреча глобального масштаба [Электронный ресурс]. / Д. Наркевский // РСМД: Российский совет по международным делам. — 4 мая 2018. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-indiya-nezamechennaya-vstrecha-globalnogo-masshtaba/

137. Овчаров А.О. Организация научного исследования / А.О. Овчаров // Актуальные проблемы современных научных исследований: методология, экономика, статистика. Сборник статей. — М.: Директ-Медиа, 2013. — Стр. 17–24

138. Панов П.В. Институциональная фрагментация политического порядка в политиях разного типа / Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. — М.: ИНИОН, 2009. — № 3: Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы / Ред.-сост. вып. О.Ю. Малинова, П.В. Панов, С.В. Патрушев. — С. 84–130

139. Попов В. «Пекинский консенсус» и соревнование цивилизаций: «азиатские ценности» и отношения Китая и США в XXI веке. [Электронный ресурс] / В. Попов // Российская экономическая школа. — 2013. — Режим доступа: https://pages.nes.ru/vpopov/documents/China%20-%20AsianValues-Politzhurnal.pdf

140. Рязанцев С. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора. [Электронный ресурс]./ С. Рязанцев // Международные процессы. — 2012. — Т.10, №3 (30-31). — Режим доступа: http://intertrends.ru/old/thirtieth/Ryazantsev.pdf

141. Сафронова Е.И. Глобализация и взгляд на нее из КНР и развивающихся стран / Е.И. Сафронова // Проблемы Дальнего Востока. — 2003. — № 6. — С. 31-41

142. Стапран Н.В. Битва за интеграцию: Транстихоокеанское партнерство и «Один пояс, один путь» как главные экономические проекты года [Электронный ресурс]. / Н.В. Стапран // МГИМО. 11 января 2016. Режим доступа: http://mgimo.ru/about/news/experts/bitva-za-integratsiyu-transtikhookeanskoe-partnerstvo-i-odin-poyas-odin-put-kak-glavnye-ekonomichesk

143. Стрежнева М.В. Теории интеграции // Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. — М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. — С. 31–41

144. Хейсканен М. Северо-Восточная Азия как субрегион Азиатско-Тихоокеанского региона в Евразии / М. Хейсканен // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 2. — С. 3-10

145. Alt, J.E., Calvert, R.L., Humes, B.D. Reputation and Hegemonic Stability: A Game-Theoretic Analysis / J.E. Alt, R.L. Calvert, D.B. Humes // The American Political Science Review. — 1988. — Vol. 82, No. 2. — Pp. 445-466

146. Aneja, A. Bangladesh-China-India-Myanmar (BCIM) Economic Corridor no longer listed under BRI umbrella [Электронный ресурс]. / A. Aneja // The Hindu. — 28 April 2019. — Режим доступа: https://www.thehindu.com/news/international/bangladesh-china-india-myanmar-bcim-economic-corridor-no-longer-listed-under-bri-umbrella/article26971613.ece

147. Ariffin, E. How the CPTPP could widen inequality [Электронный ресурс]. / E. Ariffin. // The Asian Post. — 20 February 2019. — Режим доступа: https://theaseanpost.com/article/how-cptpp-could-widen-inequality

148. Azizian, R. Cramer, C. Regionalism, Security & Cooperation in Oceania [Электронный ресурс]. / R. Azizian, C. Cramer. — Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies. —

2015. — Режим доступа: http://apcss.org/wp-content/uploads/2015/08/Regionalism-Security-Cooperation-Oceania.pdf

149. Baird, V. Winners and losers [Электронный ресурс]. / V. Baird. // New Internationalist. — 7 January 2019. — Режим доступа: https://newint.org/features/2019/01/07/winners-and-losers

150. Barfield, C. The United States and East Asian Regionalism: Competing Paths to Integration [Электронный ресурс]. / C. Barfield // International Journal of Korean Studies. — 2012. — Vol. XVI, No. 2 — Режим доступа: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2013/01/-the-united-states-and-east-asian-regionalism-competing-paths-to-integration_145424278672.pdf

151. Barkin, J.S. On the Heuristic Use of Formal Models in International Relations Theory / J.S. Barkin // International Studies Review. — 2015. — № 17. — Pp. 617–634

152. Bates, R.H., Sened, I., Galiani, S. The New Institutionalism. The Work of Douglas North [Электронный ресурс]. / Institutions, Economic Growth, and Property Rights: The Legacy of Douglass North / R.H. Bates, I. Sened, S. Galiani. — Cambridge University Press. — 2014. — http://scholar.harvard.edu/rbates/publications/new-institutionalism-work-douglas-north

153. Beeson, M. East Asian Regionalism and the End of the Asia-Pacific: After American Hegemony [Электронный ресурс]. / M. Beeson // The Asia-Pacific Journal. — 2008. — Vol. 7 Iss. 2 № 2. — Режим доступа: http://apjjf.org/-Mark-Beeson/3008/article.html

154. Bello, W. China's Transformation: A Southeast Asian Perspective. [Электронный ресурс]. / W. Bello // Foreign Policy in Focus. — 2012. — Режим доступа: http://www.fpif.org/articles/chinas_transformation_a_southeast_asian_perspective

155. Bhattacharjee, R. Bangladesh, China, India and Myanmar-Economic Corridor: Ushering a New Era of Interconnectedness [Электронный ресурс]./ R. Bhattacharjee // Indian defence review. — 18 September 2016. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:7o3H06qG5zsJ:www.indiandefencereview.com/spotlights/bangladesh-china-india-and-myanmar-economic-corridor-ushering-a-new-era-of-interconnectedness/+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

156. Blavatskyy, P.R. Advances in the Theory of Contests and its Applications. Contest success function with the possibility of a draw: axiomatization [Электронный ресурс]. / P.R. Blavatskyy. — October 2004. — Режим доступа: https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/52103/1/iewwp208.pdf

157. Boutin, J.D.K. Balancing Act: Competition and Cooperation in US Asia-Pacific Regionalism [Электронный ресурс]./ J.D.K. Boutin // Japanese Journal of Political Science. — Vol. 12, issue 2. — 2011. — Режим доступа: https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/article/balancing-act-competition-and-cooperation-in-us-asiapacific-regionalism/2F7911183B67A6846331AF88D17CC9A0

158. Capannelli, G. Asian regionalism: How does it compare to Europe's? [Электронный ресурс]./ G. Capannelli. — East Asia Forum. — 2009. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2009/04/21/asian-regionalism-how-does-it-compare-to-europes/

159. China's Evolving Nuclear Deterrent. Major Drivers and Issues for the United States [Электронный ресурс]./ E. Heginbotham, M. Chase, J. Heim [и др.] // RAND Corporation. — 2017. — Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1628.html

160. Co-operation between China and the CEE Countries: The Medium-Term Agenda and The Suzhou Guidelines. 2015 / The Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 2015. — Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/One-Belt-One-Road/Co-operation-between-China-and-the-CEE-Countries-The-Medium-Term-Agenda-and-The-Suzhou-Guidelines/obor/en/1/1X3CGF6L/1X0A4F8J.htm

161. Credit Trends: Demystifying China's Domestic Debt Market [Электронный ресурс]. / S&P Global. — 15 February 2019. — Режим доступа: https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/credit-trends-demystifying-china-s-domestic-debt-market

162. Cropsey, S. The Rebalance to Asia: What Are Its Security Aims and What Is Required of U.S. Policy? / S. Cropsey. — Hudson institute. — 2014. — 28 p.

163. Dent, C.M. Free Trade Agreements in the Asia-Pacific: Going Around in Circles? [Электронный ресурс]. / C.M. Dent // International Affairs (London). — 2013. — Volume 89, number 4. Режим доступа: https://docplayer.net/38244994-Free-trade-agreements-in-the-asia-pacific-going-around-in-circles.html

164. Dziubiński, M., Goyal, S., Minarsch, D. The Dynamics of Conflict. Technology, Hegemony, Balance of Power and Buffer States [Электронный ресурс]. / M. Dziubiński, S. Goyal, D. Minarsch. — 2016. — Режим доступа: http://www.coalitiontheory.net/content/dynamics-conflict-technology-hegemony-balance-power-and-buffer-states

165. Expert insights: Infrastructure investment trends on the Belt and Road [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 20 September 2018. — Режим доступа: http://beltandroad.hktdc.com/en/insights/expert-insights-infrastructure-investment-trends-belt-and-road

166. Fawn R. Regions and their study: wherefrom, what for and whereto? // Review of International Studies, 2009. Vol. 35. P. 17–26

167. Fenson, A. While Trump and Abe Eye Bilateral Pact, Australia Keeps TPP Alive [Электронный ресурс]. / A. Fensom // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/while-trump-and-abe-eye-bilateral-pact-australia-keeps-tpp-alive

168. Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief [Электронный ресурс]. / Congressional Research Service. — 2016. — Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf

169. Froman, M. The Strategic Logic of Trade [Электронный ресурс]. / M. Froman // Foreign Affairs. —November/December. — 2014. — Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/strategic-logic-trade

170. Gady, F.-S. The Coming War in Asia: Why We Need Better Analysts [Электронный ресурс]./ F.-S. Gady // The Diplomat. — 2017. — Issue 28. — Режим доступа: http://magazine.thediplomat.com/#/issues/-KdYNdv6QWeKhsKfC5hO/preview/-KdYNfDSkGCs8arLtM8Q

171. Ganeshan W. Why the RCEP matters for Asia and the world / W. Ganeshan. — East Asia Forum. — 2013. Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2013/05/15/why-the-rcep-matters-for-asia-and-the-world

172. Gerstel, D. It's a (Debt) Trap! Managing China-IMF Cooperation Across the Belt and Road [Электронный ресурс]. / Dylan Gerstel // CSIS: Center for Strategic & International Studies. — 17 October 2018. — Режим доступа: https://www.csis.org/npfp/its-debt-trap-managing-china-imf-cooperation-across-belt-and-road

173. Gharleghi, B., Shafighi, N., Chan Yin Fah, B. Financial Integration and Common Currency Area in ASEAN [Электронный ресурс]. / B. Gharleghi, N. Shafighi, B. Chan Yin Fah // Journal of Economics, Business and Management. — 2015. — Vol. 3, No. 1. — Режим доступа: http://www.iki.rssi.ru/rus/gost.pdf

174. Golub, S.S. Comparative and absolute advantage in the Asia-Pacific region. [Электронный ресурс] / S.S. Golub. // Research Gate. — 1995. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/5033617_Comparative_and_absolute_advantage_in_the_Asia-Pacific_region

175. Hamanaka, S. Regionalism Cycle in Asia (-Pacific): A Game Theory Approach to the Rise and Fall of Asian Regional Institutions [Электронный ресурс]. / S. Hamanaka // ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. — 2010. — № 42. — Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28516/wp42-regionalism-cycle-asia.pdf

176. Hart, M. Central Asia's Oil and Gas Now Flows to the East [Электронный ресурс]. / M. Hart // The Diplomat. — 18 August 2016. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2016/08/central-asias-oil-and-gas-now-flows-to-the-east

177. He, Kai. Institutional Balancing and International Relations Theory: Economic Interdependence and Balance of Power Strategies in Southeast Asia / Kai He. — European Journal of International Relations. — 2008. — Vol. 14(3). — Pp. 489–518.

178. Heath, T.R. Taking Stock of the U.S. Rebalance and the Contest for Influence in Asia [Электронный ресурс]./ T.R. Heath // World Politics Review. — 2017. — Режим доступа:

http://www.worldpoliticsreview.com/articles/20949/taking-stock-of-the-u-s-rebalance-and-the-contest-for-influence-in-asia

179. Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regioness / New Rerionalism in the Global Political Economy. L., 2002. P. 457-472.

180. Hillman, J.E. China's Belt and Road Initiative: Five Years Later [Электронный ресурс]. / Jonathan E. Hillman // CSIS: Center for Strategic & International Studies. — 25 January 2018. — Режим доступа: https://www.csis.org/analysis/chinas-belt-and-road-initiative-five-years-later-0

181. Hiroyuki, H. Regionalization and Regionalism in East Asia [Электронный ресурс]. / H. Hiroyuki. — Institute of Social Science, The University of Tokyo. — 2012. — Режим доступа: http://www.iss.u-tokyo.ac.jp/publishments/dpf/pdf/f-162.pdf

182. Hofman, B. China's One Belt One Road Initiative: What we know thus far. / East Asia & Pacific on the Rise. [Электронный ресурс]. / B. Hofman // The World Bank. — 2015. — Режим доступа: http://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/china-one-belt-one-road-initiative-what-we-know-thus-far

183. Hu, R.W. Building Asia Pacific Regional Architecture: the Challenge of Hybrid Regionalism. [Электронный ресурс]. / R.W. Hu. — The Brookings Institution. — 2009 — Режим доступа: http://www.brookings.edu/~/media/research/files/papers/2009/7/asia-pacific-hu/07_asia_pacific_hu.pdf

184. Hurrell A. Hegemony and Regional Governance in the Americas // Regionalism and Governance in the Americas. Continental Drift / Ed. by Louise L'Estrange Fawcett, Monica Serrano. Basingstoke: Palgrave, 2005. P. 185–208.

185. Hurst, D. China-Japan-South Korea Trilateral (Finally) Meets Again / D. Hurst // The Diplomat. — 12 May 2018. — Режим доступа: https://thediplomat.com/2018/05/china-japan-south-korea-trilateral-finally-meets-again

186. Intellectual Property Rights In China [Электронный ресурс]. / Intellectual Property Office. — 2013. — Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/456352/IP_rights_in_China.pdf

187. Jakobson, L., Knox, D. New Foreign Policy Actors in China. [Электронный ресурс]. / L. Jakobson, D. Knox // SIPRI Policy Paper. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2010. — No. 26. — Режим доступа: http://lindajakobson.com/wp-content/uploads/2014/12/Jakobson-Knox-New-Foreign-Policy-Actors-in-China-SIPRIPP26.pdf

188. Jiuan, Zh. ASEAN plus Three (APT) As a Socializing Environment: China's Approach to the Internationalization of APT / I Asian Regional Integration Review. — Bind 4. – 2012. — Tokyo:

Waseda University Global COE Program, Global Institute for Asian Regional Integration (GIARI). — P. 46–65.

189. Kawai, M., Wignaraja, G. Regionalism as an Engine of Multilateralism: A Case for a Single East Asian FTA. [Электронный ресурс]. / M. Kawai, G. Wignaraja // Working Paper Series on Regional Economic Integration. — 2008. — № 14. — Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28471/wp14-east-asian-fta.pdf

190. Kim K. Korea chooses ‘stable change’. [Электронный ресурс]. / K. Kim. — East Asia Forum. — 2012. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2012/12/23/korea-chooses-stable-change

191. Kim Y.-H. Regional Integration in East Asia. Prospects and Tasks from a Korean Perspective. [Электронный ресурс]. / Y.-H. Kim. — Sungkyunkwan University. — Режим доступа: http://www.ide.go.jp/Japanese/Event/Sympo/pdf/kim_hand.pdf

192. March, J.G.; Olsen, J.P. The Institutional Dynamics of International Political Orders / International Organization // J.G. March, J.P. Olsen. — 1998. — Vol. 52, No. 4. — Pp. 943-969

193. Matsuda, Y. Challenges and Strategies for China's Industrial Robotics Market. Successful Sales Channel Management Tactics for Japan's Robot Manufacturers / Y. Matsuda // Mizuho Industry Focus. — 2015. — Vol. 169.

194. Li X. The Regional Integration in East Asia: A Chinese Perspective. [Электронный ресурс]. / X. Li. — Institute of World Economics & Politics, Chinese Academy of Social Science. — Режим доступа: http://www.esri.go.jp/jp/workshop/021118/021118paper1.pdf

195. Lind, J. Asia's Other Revisionist Power [Электронный ресурс]./ J. Lind // Foreign Affairs. — 2017. — March/April 2017 Issue. — Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2017-02-13/asias-other-revisionist-power

196. Lipsey, P.Y. Japan's Asian Monetary Fund Proposal / P.Y. Lipsey // Stanford Journal of East Asian Affairs. — 2003. — 3 (1). — Pp. 93–104

197. Moravcsik, A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics [Электронный ресурс]. / A. Moravcsik. — 1997. — Режим доступа: https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/preferences.pdf

198. Noesselt, N. Chinese Perspectives on International Power Shifts and Sino-EU Relations (2008–2011). [Электронный ресурс]. / N. Noesselt.— Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien. Institute of Asian Studies. Working Papers. — 2012. — №193. — Режим доступа: http://www.giga-hamburg.de/dl/download.php?d=/content/publikationen/pdf/wp193_noesselt.pdf

199. Our bulldozers, our rules. China’s foreign policy could reshape a good part of the world economy. [Электронный ресурс]. / The Economist. — 2016. — Режим доступа:

http://www.economist.com/news/china/21701505-chinas-foreign-policy-could-reshape-good-part-world-economy-our-bulldozers-our-rules

200. Parameswaran, P. China: New White Paper, Old Asia Conundrum [Электронный ресурс]. / P. Parameswaran // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/china-new-white-paper-old-asia-conundrum

201. Park, Y.-J. Strengthening ASEAN+3 Regional Financial Arrangements: A New Framework Beyond CMIM / Y.-J. Park // East Asian Economic Review. — 2017. — Vol. 21, no. 1. — P.p. 59-80

202. Pedersen, T. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration / T. Pedersen // Review of International Studies. — 2002. — Volume 28, Issue 4. — Pp. 677-696

203. Pelkmans, J.; Hu, W.; and others. Tomorrow's Silk Road. Assessing an EU-China Free Trade Agreement. 2016. / Foreign Trade Association and Centre for European Policy Studies [Электронный ресурс].// Centre for European Policy Studies. — 2016. — Режим доступа: https://www.ceps.eu/system/files/EUCHINA_FTA_Final.pdf

204. Petri P.A., Plummer M.G. The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates [Электронный ресурс]. / P.A. Petri, M.G. Plummer. — 2016. — Режим доступа: http://www.iie.com/publications/wp/wp16-2.pdf

205. Pomphret, R. The Eurasian Landbridge and China's Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / Richard Pomphret. // VOX: CEPR policy portal. — 2 May 2018. — Режим доступа: https://voxeu.org/article/eurasian-landbridge-and-chinas-belt-and-road-initiative

206. Pollack M.A. The New Institutionalisms and European Integration. [Электронный ресурс]. — Webpapers on Constitutionalism & Governancebeyond the State. — 2008, № 1. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/5014887_The_New_Institutionalisms_and_European_Integration

207. Przystup, James J. Japan-China Relations: 40th Anniversary: "Fuggetaboutit!" [Электронный ресурс]. / James L. Przystup. // Comparative Connections. — January 2013. — Режим доступа: http://cc.pacforum.org/2013/01/40th-anniversary-fuggetaboutit/

208. Przystup, J.J. Japan-China Relations: Treading Troubled Waters [Электронный ресурс]. / James J. Przystup. // Comparative Connections. — May 2013. — Режим доступа: http http://cc.pacforum.org/2013/05/treading-troubled-waters/

209. Quah, D. Is the ASEAN Way the Right Way? / D. Quah // The Economist. — 2015. — Режим доступа: http://aseaninsight.economist.com/2015/07/28/is-the-asean-way-the-right-way

210. Ramachandran, S. Iran, China and the Silk Road Train [Электронный ресурс]. / The Diplomat. —30 March 2016. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2016/03/iran-china-and-the-silk-road-train

211. Rapp-Hooper, M. Parting the South China Sea [Электронный ресурс]./ M. Rapp-Hooper // Foreign Affairs. — 2016. — September/October 2016 Issue. — Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-07-22/parting-south-china-sea

212. Rathus, J. China-Japan-Korea trilateral cooperation and the East Asian Community. [Электронный ресурс]. / J. Rathus. — East Asia Forum. — 2010. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2010/06/15/china-japan-korea-trilateral-cooperation-and-the-east-asian-community

213. Regional Integration: Asia's New Frontier in 2013. [Электронный ресурс]. / V. Salze-Lozac'h, N. Merchant-Vega, K. Loh [и др.] — The Asia Foundation. — 2013. — Режим доступа: http://asiafoundation.org/in-asia/2013/01/09/regional-integration-asias-new-frontier-in-2013

214. Roland-Holst, D. East Asian Patterns of Comparative Advantage. [Электронный ресурс] / D. Roland-Holst. — ADB Institute. — June 2003. — Режим доступа: https://are.berkeley.edu/~dwrh/CERES_Web/Docs/ADBI_EACompAdv.pdf

215. Roland-Holst, D. Infrastructure as a Catalyst for Regional Integration, Growth, and Economic Convergence: Scenario Analysis for Asia [Электронный ресурс]. / D. Roland-Holst. — 2009. — Режим доступа: https://are.berkeley.edu/~dwrh/Docs/ADB_CH4_Infrastructure_DRH.pdf

216. Ryo, S. New thinking about foreign policy strategy in Japan. [Электронный ресурс]. / Ryo S. — East Asia Forum. — 2010. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2010/01/27/new-thinking-about-foreign-policy-strategy-in-japan

217. Sally, R. Regional Economic Integration in Asia: the Track Record and Prospects. [Электронный ресурс]. / R. Sally. — European Centre for International Political Economy. — 2010. — Режим доступа: http://paftad.org/files/33/Sally.pdf

218. Schweller, R.L. Bandwagoning for Profit. Bringing the Revisionist State Back In // International Security / R.L. Schweller. — The MIT Press, 1994. — Vol. 19, No. 1. — Pp. 72-107

219. Slaughter, A.M. International Relations, Principal Theories [Электронный ресурс]. / A.M. Slaughter. — 2011. — Princeton University. — Режим доступа: https://www.princeton.edu/~slaughtr/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf

220. Sumiko, M. Japan's Public Diplomacy and Regional Integration in East Asia: Using Japan's Soft Power / USJP Occasional Paper 06-10. Program on U.S.-Japan Relations. — Harvard University. — 2006. — Pp. 52-53.

221. Sundararaman, S. Indo-Pacific economic corridor: A vision in progress [Электронный ресурс]. / S. Sundararaman. // Observer Research Foundation. — 10 February 2018. — Режим доступа: http://www.orfonline.org/research/indo-pacific-economic-corridor-a-vision-in-progress/

222. Sutton, M. Open regionalism and the Asia Pacific: Implications for the rise of an East Asian economic community / M. Sutton / Ritsumeikan International Affairs. — Vol.5. — Pp. 133–152

223. Suzuki, Sh. Can the “history issue” make or break the Japan-ROK “quasi-alliance”? / Sh. Suzuki // Korean Journal of Defense Analysis. — 27 (2). — 2015. — Pp. 201–215

224. Szczudlik-Tatar, J. Regionalism in East Asia: A Bumpy Road to Asian Integration [Электронный ресурс]. / J. Szczudlik-Tatar // Policy paper. — 2013. — No. 16 (64). — Режим доступа: https://www.pism.pl/files/?id_plik=14176

225. Takashi T., Japan and the TPP Conclusion: Regional Order, Negotiations, and Domestic Adjustment [Электронный ресурс]. / T. Takashi. — The Asan Forum. — 2015. — Режим доступа: http://www.theasanforum.org/japan-and-the-tpp-conclusion-regional-order-negotiations-and-domestic-adjustment

226. Tan M., Tan Bin Eng. Trade Secrets. ASEAN economic community: The last mile toward 2015 and beyond [Электронный ресурс]. / EY ASEAN Business Services Network. — 2015. — Режим доступа: https://www.ey.com/sg/en/industries/government---public-sector/ey-the-asean-economic-community-toward-a-streamlined-asean-supply-chain

227. Tanaka, H., Liff, A.P. Japan’s Foreign Policy and East Asian Regionalism. [Электронный ресурс]. / H. Tanaka, A.P. Liff // International Institutions and Global Governance Program, Japan Studies Program. — Council on Foreign Relations. — 2009. — Режим доступа: http://www.cfr.org/content/publications/attachments/NEAsiaSecurityTanaka.pdf

228. Thayer, C.A. New Strategic Uncertainty and Security Order in Southeast Asia // Changing Security Dynamics in East Asia / C.A. Thayer. — Critical Studies of the Asia Pacific Series. — 2014. — pp. 127–146

229. The Silk Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / Global Security. — 2016. — Режим доступа: http://www.globalsecurity.org/military/world/china/silk-road-initiative.htm

230. The Belt and Road Initiative [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 2016. — Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/The-Belt-and-Road-Initiative/The-Belt-and-Road-Initiative/obor/en/1/1X000000/1X0A36B7.htm

231. Thompson, N. Is Trouble Brewing in the Taiwan Strait? [Электронный ресурс]./ N. Thompson // The Diplomat. — 2017. — Режим доступа: http://thediplomat.com/2017/02/is-trouble-brewing-in-the-taiwan-strait

232. Tiezzi, S. With Trilateral Summit, China-Japan-Korea Cooperation 'Completely Restored' / S. Tiezzi // The Diplomat. — 3 November 2015. — Режим доступа:

https://thediplomat.com/2015/11/with-trilateral-summit-china-japan-korea-cooperation-completely-restored

233. Trading down [Электронный ресурс]. / The Economist. — 2016. — Режим доступа: http://www.economist.com/news/asia/21710287-big-free-trade-deals-demise-leaves-worrying-void-asia-trading-down

234. Vu, Truong-Minh. International Leadership as a Process: The case of China in Southeast Asia [Электронный ресурс]. / Revista Brasileira de Política Internacional // Truong-Minh Vu. — 2015. — Vol. 60, № 1. — Режим доступа: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0034-73292017000100201

235. Wagle, S., McKenna, M. Trade Regionalism in the Asia-Pacific: New Game, Old Rules? [Электронный ресурс]./ S. Wagle, M. McKenna. — World Bank. — 2013. — Режим доступа: http://blogs.worldbank.org/trade/trade-regionalism-asia-pacific-new-game-old-rules

236. Wan, M. The Asian Infrastructure Investment Bank: The Construction of Power and the Struggle for the East Asian International Order [Электронный ресурс]. / The AIIB Tied in a Belt / M. Wan. — Palgrave Macmillan, 2016. — p. 54-55.

237. Webb, M.C., Krasner, S.D. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment / M.C. Webb, S.D. Krasner // Review of International Studies. — 1989. — Vol. 15, No. 2. — Pp. 183-198

238. Weixing Hu, R. Building Asia Pacific Regional Architecture: The Challenge of Hybrid Regionalism. [Электронный ресурс]. / Richard Weixing Hu // Brookings Institution. July 14, 2009. — Режим доступа: https://www.brookings.edu/research/building-asia-pacific-regional-architecture-the-challenge-of-hybrid-regionalism/

239. Why the RCEP is The Only Game in Town For Asean Following TPP Trumping [Электронный ресурс]. / East Asia Forum. — 2017. — Режим доступа: https://aecnewstoday.com/2017/why-the-rcep-is-the-only-game-in-town-for-asean-following-tpp-trumping

240. Williams B.R., Dolven B., Fergusson I.F. The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications [Электронный ресурс]. / Congressional Research Service. — 2016. — Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf

241. Williams, B.R. Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Trade and Economic Analysis [Электронный ресурс]. / Congressional Research Service. — 2013. — Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf

242. Wook, Ch. South Korea’s regionalism policies. [Электронный ресурс]. / Ch. Wook. — East Asia Forum. — 2012. — Режим доступа: http://www.eastasiaforum.org/2012/06/04/south-korea-s-regionalism-policies-in-the-asian-century

243. Wright, J.A. Rising Regionalism: Trends in Southeast (and Wider) Asia [Электронный ресурс]. / J.A. Wright. — Council on Foreign Affairs. International Institutions and Global Governance Program. — 2013. — Режим доступа: http://www.cfr.org/content/publications/attachments/Rising_Regionalism_Meeting_Note_11-15-13.pdf

244. Xianbai, Ji. Why the ASEAN Economic Community Will Struggle [Электронный ресурс]. / Ji Xianbai // The Diplomat. September 24, 2014. — Режим доступа: https://thediplomat.com/2014/09/why-the-asean-economic-community-will-struggle/

245. Yamakage S. New Regionalism and Japan's Options; Evaluating Recent Trends in North-South Regionalism of Vertical Integration. [Электронный ресурс]. / S. Yamakage. — Режим доступа: http://www2.jiia.or.jp/pdf/asia_centre/h15_japan/1_yamakage.pdf

246. Yang, J. China's Diplomacy: Achievements, Experiences and Theoretical Thinking In 30 Years' Reform and Opening-up / J. Yang // Shanghai Institute for International Studies. — International Review. — 2009. — Winter. — Pp. 1–16

247. Yesmin, S. Tapping the potential of BCIM-EC [Электронный ресурс]. / S. Yesmin // The Financial Express. — 17 February 2019. — Режим доступа: https://thefinancialexpress.com.bd/views/views/tapping-the-potential-of-bcim-ec-1550415602

248. Yuan, Ch. Research Fellow Paper on "East Asian Integration and Japan's Regional Policy". [Электронный ресурс]. / Ch. Yuan. — The Japan Forum on International Relations, Inc. — 2010. — Режим доступа: http://www.jfir.or.jp/e/publication/pdf/100831.pdf

249. Zaccone, J. The Trans Pacific Partnership: A Corporate Wish-List [Электронный ресурс]. / J. Zaccone. — 2016. — Режим доступа: s://www.researchgate.net/publication/294428661_The_Trans_Pacific_Partnership_A_Corporate_Wish-List

250. Zhang, B. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications. [Электронный ресурс]. / B. Zhang // Journal of Current Chinese Affairs. — China aktuell. — 2010. — №2. — Pp. 39-68. — Режим доступа: http://hup.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/download/254/254

251. アジアインフラ投資銀行（AIIB）の発足と今後想定される融資活動 [Электронный ресурс]. / 野村資本市場クォータリー. 2015. — Режим доступа: http://www.nicmr.com/nicmr/report/repo/2016/2016win11web.pdf

СМИ:

252. Абэ отказался от визита в «милитаристский» храм Ясукуни в преддверии визита в Китай [Электронный ресурс]. / Интерфакс. — 18 октября 2018. — Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/633911

253. Белов, А. Asia Times: Рост влияния КНР не должен повергать Индию в панику [Электронный ресурс]. / А. Белов // REGNUM. — 27 апреля 2019. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/2620549.html

254. Внешнеторговый оборот Монголии в 2018 году вырос на 22,3 процента [Электронный ресурс]. / СИНЬХУА Новости. — 15 января 2019. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2019-01/15/c_137745872.htm

255. Второй Форум высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь»: новые вызовы и возможности [Электронный ресурс]. / Жэньминь жибао. — 26 апреля 2019. — Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0426/c95181-9572824.html

256. Глава МИД Южной Кореи в знак протеста отменил визит в Японию [Электронный ресурс]. / Лента. — 22 апреля 2013 — Режим доступа: http://lenta.ru/news/2013/04/22/cancelled/

257. Индия вновь бойкотирует форум «Один пояс — один путь» в КНР [Электронный ресурс]. / REGNUM. — 21 марта 2019. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/2596034.html

258. Коростиков, М. Китай проводит перепись попутчиков [Электронный ресурс]. / М. Коростиков // Коммерсант. — 26 апреля 2019. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3955425

259. КНР осудила посещение премьером Японии «милитаристского» храма в Токио. [Электронный ресурс]. / РИА Новости. — 26.04.2013. — Режим доступа: https://ria.ru/20131226/986514726.html

260. Мирзиёев предложил ввести сквозной тариф по железной дороге из Китая в Европу [Электронный ресурс]. / Sputnik News. — 27 апреля 2019. — Режим доступа: https://uz.sputniknews.ru/politics/20190427/11368751/Mirziev-predlozhil-vvesti-skvoznoy-tarif-po-zheleznoy-doroge-iz-Kitaya-v-Evropu.html

261. Посещение Синдзо Абэ храма Ясукуни бросило еще одну тень злого рока на Азию и весь мир [Электронный ресурс]. / Жэньминь Жибао. — 18.10.2012. — Режим доступа: http://russian.people.com.cn/31520/7981878.html

262. Си Цзиньпин призвал ускорить создание экономического коридора Китай — Монголия — Россия [Электронный ресурс]. / ТАСС. — 25 апреля 2019. — Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/6376830

263. 10 Presidential Candidates Criticize the Trans-Pacific Partnership, Upping Political Costs of Supporting the Pact [Электронный ресурс]. / Citizen.org. — 2015. — Режим доступа: https://www.citizen.org/documents/presidential-candidates-TPP.pdf

264. Abe, Trump agree to discuss post-TPP bilateral trade framework [Электронный ресурс]. / The Japan Times. — 2017. — Режим доступа:

http://www.japantimes.co.jp/news/2017/02/11/national/politics-diplomacy/abe-trump-agree-discuss-bilateral-trade-framework

265. AIIB president ‘patient in waiting’ for US [Электронный ресурс]. / Shanghai Daily. — 2016. — Режим доступа: http://www.shanghaidaily.com/business/finance/AIIB-president-patient-in-waiting-for-US/shdaily.shtml

266. AIIB to co-finance 1st project with ADB in Pakistan [Электронный ресурс]. / CCTV. — 5 May 2016. — Режим доступа: http://english.cctv.com/2016/05/05/VIDEIhiTxWIGn8ibSnUiRGMA160505.shtml

267. Borowiec S., Pyeongtaek: A US base, Americana in rural South Korea [Электронный ресурс]. / S. Borowiec // Al Jazeera. — 2017. — Режим доступа: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/pyeongtaek-base-americana-rural-south-korea-170213115535035.html

268. Chandran, N. After US drops TPP, China joins member states in trade talks [Электронный ресурс]. / N. Chandran // CNBC. — 2017. — Режим доступа: http://www.cnbc.com/2017/03/14/china-south-korea-join-tpp-members-in-trade-talks.html

269. Chandran, N. As Pence kicks off his Asia tour, other countries have their own ideas for the 'Indo-Pacific' [Электронный ресурс]. / N. Chandran // CNBC. — 11 November 2018. — Режим доступа: https://www.cnbc.com/2018/11/12/us-japan-and-indonesia-set-their-sights-on-the-indo-pacific-region.html

270. China cautiously welcomes Trans-Pacific free trade deal [Электронный ресурс]. / BBC. — 2015. — Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-asia-34451326

271. China joins U.N. trucking treaty, stepping onto new Silk Road. July 26, 2016 [Электронный ресурс]. / Reuters. —2016. — Режим доступа: http://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-idUSKCN1060XC

272. China proposes ASEAN+3 mega free trade agreement sans India, Australia and NZ [Электронный ресурс]. / Hindu Business Line. — May 26, 2019. — Режим доступа: https://www.bilaterals.org/?china-proposes-asean-3-mega-free

273. China vigorously promotes free trade across Asia-Pacific [Электронный ресурс]. / Xinhua. — 6 November 2017. — Режим доступа: https://www.chinadailyhk.com/articles/53/30/249/1509982036094.html

274. China’s Economic Corridors [Электронный ресурс]. / New Dehli Times. — 29 January 2016. — Режим доступа: http://www.newdelhitimes.com/chinas-economic-corridors123

275. Domínguez, G. The pros and cons of the Trans-Pacific Partnership pact [Электронный ресурс]. / G. Domínguez // DW. — 2016. — Режим доступа: http://www.dw.com/en/the-pros-and-cons-of-the-trans-pacific-partnership-pact/a-18597149

276. Dongguan High-tech Firm to Build “Robots-Only Factory” [Электронный ресурс]. / HKTDC Research. — 2015. — Режим доступа: http://hkmb.hktdc.com/en/1X0A2A15/hktdc-research/Dongguan-High-tech-Firm-to-Build-Robots-Only-Factory

277. Edwards N., Tait P. China eyes faster trade talks as trans-Pacific pact advances [Электронный ресурс]. / N. Edwards, P. Tait // Reuters. — 2013. — Режим доступа: http://www.reuters.com/article/2013/03/19/us-china-trade-talks-idUSBRE92I03N20130319

278. Emott, R., Evans, D. China sees chance of six-party talks with North Korea [Электронный ресурс]. / R. Emott, D. Evans // Reuters. — 2017. — Режим доступа: http://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-missiles-china-idUKKBN15W27H

279. Greece sells largest port Piraeus to Chinese company [Электронный ресурс]. / RT. — 2016. — Режим доступа: https://www.rt.com/business/338949-greece-china-port-sale

280. Harding, R., Mitchell, T., Peel, M. China and Japan vie for control of Asia trade deal / R. Harding, T. Mitchell, M. Peel // Financial Times. — 2017. — Режим доступа: https://www.ft.com/content/d34d324c-03d8-11e7-ace0-1ce02ef0def9

281. Hornby, L.; Zhang, A. Belt and Road debt trap accusations hound China as it hosts forum [Электронный ресурс]. / L. Hornby, A. Zhang // Financial Times. — 24 April, 2019. — Режим доступа: https://www.ft.com/content/3e9a0266-6500-11e9-9adc-98bf1d35a056

282. Hui. L. China, Japan, ROK end 1st FTA talks with progress [Электронный ресурс]. / L. Hui // Xinhua. — 2013. — Режим доступа: http://www.wtocenter.vn/chuyen-de/2654-china-japan-rok-end-1st-fta-talks-with-progress

283. IE Singapore and China Construction Bank sign MOU for infrastructure projects. April 26, 2016 [Электронный ресурс]. / China Go Abroad. — 2016. — Режим доступа: http://www.chinagoabroad.com/en/market_review/ie-singapore-china-construction-bank-sign-mou-for-infrastructure-projects

284. Inman, P. TTIP: the key to freer trade, or corporate greed? [Электронный ресурс]. / P. Inman // The Guardian. — 2016. — Режим доступа: http://www.theguardian.com/business/2016/jan/02/ttip-terms-growth-markets-worker-protection

285. Janssen, P. Land-locked Laos on track for controversial China rail link [Электронный ресурс]. / Peter Janssen // Nikkei Asian Review. — 24 June 2017. — Режим доступа: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Land-locked-Laos-on-track-for-controversial-China-rail-link

286. Japan marks 'return of sovereignty' day [Электронный ресурс]. / BBC. — 28 April 2013. — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-22330635

287. Khan, S. PM Imran reaches Beijing for second official visit of China [Электронный ресурс]. / S. Khan // Dawn. — 25 April 2019. — Режим доступа: https://www.dawn.com/news/1478336/pm-imran-reaches-beijing-for-second-official-visit-of-china

288. Li Shipeng, Zheng Dongchao. The Belt and Road Initiative does not lay debt traps [Электронный ресурс]. / Li Shipeng, Zheng Dongchao // China Watch. — 4 April 2019. — Режим доступа: https://www.telegraph.co.uk/china-watch/business/belt-and-road-debt-trap/

289. Malaysia's Mahathir Mohamad warns against 'new colonialism' during China visit [Электронный ресурс]. / ABC News. — 20 August 2018. — Режим доступа: https://www.abc.net.au/news/2018-08-21/mahathir-says-china-will-sympathise-with-malaysia-problems/10145750

290. Myanmar-China oil pipeline opens, reduces shipping time [Электронный ресурс]. / The Gulf Times. — 2015. — Режим доступа: http://www.gulf-times.com/story/425788/Myanmar-China-oil-pipeline-opens-reduces-shipping-

291. Rapoza, K. China To Spend Trillions On 'Green Tech' [Электронный ресурс]. / K. Rapoza // Forbes. — 2015. — Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/08/11/china-to-spend-trillions-on-green-tech

292. Rosenberg, M. Pacific Rim and Economic Tigers [Электронный ресурс]. / M. Rosenberg. — 2017. — Режим доступа: https://www.thoughtco.com/pacific-rim-and-economic-tigers-1435777

293. Sen Amiti. Indian, Chinese officials hold dialogue to break deadlock in RCEP trade negotiations [Электронный ресурс]. / Hindu Business Line. — June 11, 2019. — Режим доступа: https://www.bilaterals.org/?indian-chinese-officials-hold (дата обращения: 05.05.2019)

294. S. Korea advised to sign FTA with Japan to overcome global protectionism [Электронный ресурс]. / Yonhap News Agency. — 29 March 2017. — Режим доступа: https://en.yna.co.kr/view/AEN20170329002700320

295. Shepard, W. How China's Belt And Road Economic Corridors Are Enhanced By The UN's TIR Convention [Электронный ресурс]. / W. Shepard. // Forbes. — 22 August 2016. — Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/08/22/how-the-emerging-china-mongolia-russia-economic-corridor-is-enhanced-by-the-uns-tir-convention

296. Shepard, W. Transport Along China's Silk Road Economic Belt Just Got A Boost [Электронный ресурс]. / Forbes // W. Shepard. — 2016. — Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/07/29/transportation-along-chinas-silk-road-economic-belt-just-got-a-boost-tir-truck-transit-system

297. Successful global trade agreements require China's participation [Электронный ресурс]. / Global Times. — 2015. — Режим доступа: http://www.globaltimes.cn/content/945689.shtml

298. Trump says North Korea nuclear crisis 'long way from conclusion' [Электронный ресурс]. / The Guardian. — 22 April 2018. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/trump-north-korea-nuclear-crisis

299. U.S. trade war set to hurt China, but may render ASEAN winner [Электронный ресурс]. / ABS-CBN news. — 27 December 2018. — Режим доступа: https://news.abs-cbn.com/overseas/12/27/18/us-trade-war-set-to-hurt-china-but-may-render-asean-winner

Приложения

Приложение 1. Аппроксимации моделей институционального регионализма

Как было продемонстрировано в тексте диссертационного исследования, каждый участник региональной интеграции, регионализации и регионализма АТР предпринимает принимающие кооперативные либо конкурентные формы действия по институциональному строительству, соблюдая баланс между потребностями в получении доступа к новым источникам роста и сохранении экономического суверенитета. Нижеследующая матрица ожидаемой полезности была разработана в целях выявления наиболее вероятных действий, присущих региональной интеграционной политике стран АТР:

Опция	Драйверы роста (полезность)	Драйверы роста (вероятность)	EV	Экономический суверенитет (полезность)	Экономический суверенитет (вероятность)	EV	Option EV
Поддержать повестку свободной торговли	100	0.4	**40**	30	0.6	**18**	58
Оставлять и увеличивать тарифы и пошлины	30	0.25	**7.5**	100	0.75	**75**	82.5
Поддерживать институты, увеличивающие относительное преимущество «Запада» или Китая	90	0.2	**18**	10	0.7	**7**	25
Поддерживать институты, независимые от «Запада» или Китая	90	0.4	**36**	30	0.6	**18**	54
Воздерживаться от участия в институтах	60	0.2	**12**	75	0.8	**60**	72
Принять предложение о создании двусторонней ЗСТ	80	0.4	**32**	25	0.6	**15**	47
Принять предложение о создании многосторонней ЗСТ	90	0.2	**18**	10	0.8	**8**	26
Затягивать переговоры	40	0.1	**4**	70	0.9	**63**	67
Поддержать открытый рынок	100	0.4	**40**	10	0.6	**6**	46

Наращивать внутреннее потребление	90	0.3	**27**	90	0.7	**63**	90
Поддержать проект региональной валюты	100	0.2	**20**	10	0.8	**8**	28
Укреплять национальную валюту	100	0.3	**30**	100	0.7	**70**	100
Развивать институты интеграции	100	0.5	**50**	25	0.5	**12.5**	62.5
Полагаться на иностранную финансовую помощь	100	0.8	**80**	10	0.2	**2**	82
Полагаться на национальный промышленный потенциал	50	0.6	**30**	50	0.4	**20**	50

Табл. 1а. Матрица ожидаемой полезности

Поскольку каждое из действий содержит условные единицы полезности одновременно для обеих переменных (U_1 — источники роста и U_2 — экономический суверенитет), вероятности получения этой полезности (P_1 и P_2) находятся в такой зависимости, что $P_1 = 1 - P_2$.

Матрица показывает, что наибольшей ожидаемой полезностью в качестве источников роста ($EV(U_1) \geq 40$) являются, в порядке увеличения этого значения, поддержка региональной повестки свободной торговли, создание открытых рынков, поддержка институтов региональной интеграции и получение финансовой помощи из зарубежных источников. Ожидаемая полезность от двусторонних институтов выше, чем от многосторонних институтов, т.к. государства АТР в целом больше доверяет первому типу отношений. Более того, отсутствие или наличие каких-либо механизмов увеличения относительного преимущества одного из претендентов на региональное лидерство служит модификатором вероятности поддержки того или иного института, причем этот модификатор будет отличаться в зависимости от того, насколько в целом рассматриваемый кандидат в члены института поддерживает ту или иную модель:

	Поддержка «талассократического» аттрактора	Поддержка «теллурократического» аттрактора	Поддержка независимого аттрактора	Модификатор внешнего долга перед КНР
Австралия	0.6	0.4	0.8	1
АСЕАН	0.6	0.44	0.8	1.1
Бангладеш	0.5	0.5	0.8	1
Бруней Даруссалам	0.6	0.4	0.8	1
Вануату	0.5	0.4	0.8	1

Восточный Тимор	0.5	0.4	0.8	1
Вьетнам	0.6	0.4	0.8	1
Гонконг	0.2	0.8	0.8	1
ЕАЭС	0.4	0.5	0.6	1
Евросоюз	0.6	0.4	0.8	1
Индия	0.6	0.4	0.8	1
Индонезия	0.5	0.48	0.8	1.2
Камбоджа	0.5	0.4	0.8	1
Канада	0.6	0.4	0.8	1
Кирибати	0.5	0.4	0.8	1
Китай	0.2	0.8	0.7	1
КНДР	0.1	0.1	0.1	1
Лаос	0.5	0.48	0.8	1.2
Макао	0.2	0.8	0.8	1
Малайзия	0.6	0.48	0.8	1.2
Маршалловы Острова	0.5	0.4	0.8	1
Мексика	0.6	0.4	0.8	1
Микронезия	0.5	0.4	0.8	1
Монголия	0.5	0.5	0.8	1
Мьянма	0.6	0.48	0.8	1.2
Науру	0.5	0.4	0.8	1
Ниуэ	0.5	0.4	0.8	1
Новая Зеландия	0.6	0.4	0.8	1
Острова Кука	0.5	0.4	0.8	1
Пакистан	0.5	0.98	0.8	1.4
Палау	0.5	0.4	0.8	1
Папуа-Новая Гвинея	0.5	0.5	0.8	1
Перу	0.6	0.4	0.8	1
Республика Корея	0.5	0.5	0.8	1
Россия	0.5	0.6	0.8	1
Самоа	0.5	0.4	0.8	1
Сингапур	0.6	0.4	0.8	1
Соломоновы Острова	0.5	0.4	0.8	1
США	0.8	0.2	0.5	1
Тайвань	0.6	0.3	0.8	1
Таиланд	0.5	0.4	0.8	1
Тонга	0.5	0.4	0.8	1
Тувалу	0.5	0.4	0.8	1
Фиджи	0.5	0.4	0.8	1
Филиппины	0.4	0.6	0.8	1
Чили	0.6	0.4	0.8	1
Шри-Ланка	0.5	0.6	0.8	1.2
Япония	0.6	0.4	0.8	1

Табл. 1b. Поддержка аттракторов государственными субъектами регионализма АТР

Что же касается экономического суверенитета, с наибольшей вероятностью окажутся полезными ($EV(U_2) \geq 63$) для его сохранения такие действия, как затягивание переговорных процессов, проведение политики по стимулированию внутреннего потребления, укрепление национальной валюты и сохранение таможенных барьеров.

В свою очередь, наиболее компромиссными тактиками (Option $EV \geq 72$) являются (в порядке убывания) поддержка национальной валюты, стимулирование внутреннего потребления, сохранение таможенных барьеров, использование зарубежного финансирования и избегание участия в институтах. Любопытно, что все эти тактики, за исключением привлечения инвестиций, предназначены в первую очередь для защиты экономического суверенитета. При этом иностранное инвестирование и тарифно-пошлинная защита импорта, являясь своего рода противоположностями, обладают примерно одинаковой ожидаемой полезностью. Все пять тактик широко применяются развивающимися странами, — именно такой экономический тип наиболее распространен в АТР. Вкупе с тем фактом, что суммы ожидаемой полезности всех действий, относящихся к U_1 и U_2, равны, но разброс значений ожидаемой полезности действий по защите экономического суверенитета существенно выше, это показывает, что интеграционные процессы сдерживают не только отсутствие лидера либо конкуренция между моделями, но и отсутствие острой необходимости самих стран АТР из числа экономически развивающихся государств обращаться именно к институтам региональной интеграции, т.к. их внутренние возможности для роста еще далеки от исчерпания. Наименьшей ожидаемой полезностью обладает поддержка инициатив, увеличивающих относительное преимущество США или Китая; развивающиеся страны не видят пользу, которую могла бы принести их экономике одна из моделей, но при этом понимают возможные издержки для экономического суверенитета. В действительности, это касается не только США и Китая, но и других претендентов на региональное лидерство, в первую очередь Японии.

Для дальнейшего построения матрицы ожидаемой полезности объявим два класса объектов, — государство (рассматриваемое с точки зрения экономики, т.е. economy) и институт, рассмотрим их характеристики, существенные для институционального регионализма, и добавим три аттрактора, т.е. концепцию устройства институционального регионализма, которое возникнет в случае, если один из претендентов на региональное лидерство получит неоспоримое преимущество. Следует заметить, что такой объект, как АСЕАН, является одновременно economy, поскольку способен вступать в субъектные

отношения наравне с другими economies, и институтом. Государственные субъекты обладают следующими характеристиками:

1) Степень поддержки одного из трех аттракторов

2) Вовлеченность в процессы институционального регионализма

Государства (и аналогичные образования) также могут использовать тактики, перечисленные в Таблице 1a, и применять некоторые из них по отношению к тому или иному институту. Комбинация выбора тактики и института соответствует транзакции, которая носит кооперативный либо конкурентный характер в зависимости от модели, чей ресурс относительного преимущества такая транзакция либо увеличивает, либо уменьшает. Наконец, склонность государства поддерживать одну из моделей или воздерживаться от такой поддержки (в реальности тем самым увеличивая относительное преимущество независимой модели), как показано в таблице 1b, позволяет представить все внешнеполитические курсы economies по отношению к претендентам на региональную гегемонию в виде векторного пространства, в котором проводники этих курсов будут кластеризоваться вокруг одного из трех аттракторов.

Вовлеченность в процессы институционального регионализма может быть измерена различными способами; в первом приближении наиболее удобным представляется участие economies в региональных зонах свободной торговли, базовым этапом, с которого традиционно начинается построение более сложных форм взаимозависимости. Государства (а в случае в АТР — также глубоко интегрированные сообщества, такие как АСЕАН, ЕАЭС и Евросоюз) способны создавать друг с другом зоны свободной торговли на двухсторонней и многосторонней основе, а при создании такого режима каждый субъект проходит несколько этапов: озвучивание намерения, проведение экономической оценки целесообразности, ведение переговоров, подписание договора, вступление института в силу. Для простоты эта последовательность была сокращена до пяти состояний: отсутствие объявленных намерений (0 баллов); объявление о намерениях (0.25 баллов); переговоры (0.5 баллов); подписание без вступления в силу (0.75 баллов); вступление в силу (1 балл). Что характерно для Азиатско-Тихоокеанского региона, зачастую одни и те же страны инициируют процесс по созданию режима свободной торговли одновременно на многостороннем и двухстороннем уровне. В таком случае предпочтение отдавалось состоянию, достигнутому по двухсторонним переговорам, исходя из предположения, что стороны не стали бы тратить на него усилия, будучи полностью удовлетворенными выгодами, получаемыми от участия в многостороннем

	Австралия	АСЕАН	Бангладеш	Бруней Даруссалам	Вануату	Восточный Тимор	Вьетнам	Гонконг	ЕАЭС	Евросоюз	Индия	Индонезия	Камбоджа	Канада	Кирибати	Китай	КНДР	Лаос	Макао	Малайзия	Маршалловы Острова	Мексика	Микронезия	Монголия	Мьянма	Науру	Ниуэ	Новая Зеландия	Острова Кука	Пакистан	Палау	Папуа-Новая Гвинея	Перу	Республика Корея	Россия	Самоа	Сингапур	Соломоновы Острова	США	Тайвань	Таиланд	Тонга	Тувалу	Фиджи	Филиппины	Чили	Шри-Ланка	Япония
Австралия	—	1	0	0	1	0	0	0,75	0	0,5	0,5	0,75	0	0	1	1	0	0	0	1	1	0,25	1	0	0	1	1	1	0	0,5	1	0,75	1	0	1	1	1	1	0	1	1	1	1	0,25	1	0	1
АСЕАН	1	—	0	1	0	0	1	0,75	0,25	0,25	1	1	1	0,25	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0,25	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1
Бангладеш	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0
Бруней Даруссалам	0	1	0	—	0	0	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0,25	0	0	0,75	0	0	0	1	0	0,25	0	1	0	0	0	1	1	0	1
Вануату	1	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Восточный Тимор	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Вьетнам	0	1	0	1	0	0	—	0	1	0,5	0	1	1	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0,25	0	0	0,75	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	1
Гонконг	0,75	0,75	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
ЕАЭС	0	0,25	0	0	0	0	1	0	0	0	0,5	0,25	0,25	0	0	0,75	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0,5	0	0	0,5	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0
Евросоюз	0,5	0,25	0	0	0	0	0,5	0	0	—	0,25	0	0	1	0	0,25	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0	0	0	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0,75	0	0	0,5	0	0	0	0	0,5	0	0	1
Индия	0,5	1	0,25	0	0	0	0	0	0,5	0,25	—	0,5	0	0,5	0	0,25	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0	0	0	0	1	0,25	0	1	0	0	0,25	0,5	0	0	0	0	1	1	1
Индонезия	0,75	1	0	1	0	0	1	0	0,25	0	0,5	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0,25	0,5	0	0	0	0	0,25	0,25	0	0	0	0	0	0,75	0	1
Камбоджа	0	1	0	1	0	0	1	0	0,25	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Канада	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	1	0,5	0	0	—	0	0,25	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0,5	0	1	0,25	0	0	0	0	0,25	1	0	0,5
Кирибати	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	0	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Китай	1	1	0,25	0	0	0	0	1	0,75	0,25	0,25	0	0	0,25	0	—	0	0	1	0	0	0,25	0	0,25	0	0	0	1	0	1	0	0,25	1	1	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0,25	0	1	0,5	0,5
КНДР	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лаос	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Макао	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Малайзия	1	1	0	1	0	0	1	0	0	0,5	1	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	1	0	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0,75	0,25	0	0	1	0	0,5	0	1	0	0	0	1	1	0,25	1
Маршалловы Острова	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Мексика	0,25	0	0	1	0	0	1	0	0	0,5	0	0	0	1	0	0,25	0	0	0	1	0	—	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,5	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	1	1	0,25	1	0	1
Микронезия	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	—	0	0	1	1	0	0	0	0,5	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Монголия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Мьянма	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0,25	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Науру	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	—	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Ниуэ	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	—	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Новая Зеландия	1	1	0	0	1	0	0	1	0	0,5	0,5	0	0	0	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	1	1	—	1	0	0,5	1	0	0	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	0	1
Острова Кука	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	0	0	1	1	1	—	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Пакистан	0	0,25	0,5	0,25	0	0	0,25	0	0,25	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0,25	0	0	0,5	0	1	0	0,5	0	0	0	0,25	0	1	0,25
Палау	0,5	0	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0	0,5	0,5	0,5	0,5	0	—	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	1	0	0	0,5	0,5	0,5	0	0	0	0
Папуа-Новая Гвинея	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0,5	—	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Перу	0,75	0	0	0,75	0	0	0,75	0	0	0	0	0,25	0	1	0	1	0	0	0	0,75	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	1	0	0	0,75	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0,75
Республика Корея	1	1	0	0	0	0	1	0	0,5	0	1	0,5	0	1	0	1	0	0	0	0,25	0	0,5	0	0,25	0	0	0	1	0	0,25	0	0	1	—	0,25	0	1	0	0,75	0	0,25	0	0	0	0,5	0,5	0	0,5
Россия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Самоа	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	—	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
Сингапур	1	1	0	1	0	0	1	0	0,5	0,75	1	0	0	0,5	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0,5	0	0	0,75	1	0	0	0	—	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1
Соломоновы Острова	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	—	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0
США	1	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	1	0	0	0	0	0	0,5	1	1	1	0	0,25	0	0	0	0	1	1	0	1	0,75	0	0	1	0	—	0,25	0,5	0	0	0	0,25	1	0,25	0,25
Тайвань	0	0	0	0	0	0	0	0	0,25	0	0,25	0,25	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0,25	—	0	0	0	0	0,25	0	0	0
Таиланд	1	1	0	1	0	0	1	0	0	0,5	0,5	0	0	0,25	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0,5	0	0	1	0,25	0	0	0	0,5	0	—	0	0	0	0	1	0,5	1
Тонга	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	—	1	1	0	0	0	0
Тувалу	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	—	1	0	0	0	0
Фиджи	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,25	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0,5	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	1	—	0	0	0	0
Филиппины	0,25	1	0	1	0	0	1	0	0	0,5	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	1	0	0,25	0	0	1	0	0	0	0	0,25	0	0	0	0,5	0	0	0	0	0,25	0,25	0	0	0	0	—	0,25	0	1
Чили	1	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0,75	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,5	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0,25	—	0	1
Шри-Ланка	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0,5	0	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0,25	0	0	0	0	0	0	—	0,25
Япония	1	1	0	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0,5	0	0,5	0	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0,25	0	0	0,75	0,5	0	0	1	0	0,25	0	1	0	0	0	1	1	0,25	—

Условные обозначения: 0 — нет предложений; 0,25 — договор предложен; 0,5 — переговоры; 0,75 — договор подписан, не вступил в силу; 1 — договор вступил в силу.

Табл. 1с: Сводная таблица участия стран и основных интеграционных объединений в двух- и многосторонних режимах свободной торговли.

институте. Если субъект имеет режим свободной торговли с другим субъектом, но не напрямую, а посредством своего участия в режиме многосторонней торговли (например, проект зоны свободной торговли АСЕАН и Гонконга), такие институты не учитывались, т.к. невозможно достоверно измерить реальный вклад такого субъекта в инициативу, вовлеченность его в переговорный процесс и степень интегрированности его экономики (см. на предыдущем развороте *Табл. 1с*: Сводная таблица участия стран и основных интеграционных объединений в двух- и многосторонних режимах свободной торговли). Результаты проведенной оценки по состоянию на май 2019 г. представлены в таблице:

	Баллы, абс.	Баллы, норм.	Баллы (без островных гос.-в), абс.	Баллы (без островных гос.-в), норм.
Австралия	27.25	0.57	14.75	0.42
АСЕАН	17.75	0.37	17.75	0.5
Бангладеш	1.25	0.03	1.25	0.04
Бруней Даруссалам	15.75	0.33	14.25	0.4
Вануату	14	0.29		
Восточный Тимор	0	0	0	0
Вьетнам	16.5	0.34	16.5	0.47
Гонконг	5.5	0.11	5.5	0.16
ЕАЭС	4.5	0.09	4.5	0.13
Евросоюз	7	0.15	7	0.2
Индия	11.25	0.23	11.25	0.32
Индонезия	8.5	0.18	8.5	0.24
Камбоджа	3.25	0.07	3.25	0.09
Канада	9	0.19	8.5	0.24
Кирибати	3	0.06		
Китай	15.75	0.33	15.5	0.44
КНДР	0	0	0	0
Лаос	4	0.08	4	0.11
Макао	2	0.04	2	0.06
Малайзия	17.25	0.36	16.25	0.46
Маршалловы Острова	15.5	0.32		
Мексика	11.75	0.24	11.75	0.34
Микронезия	12.5	0.26		
Монголия	1.5	0.03	1.5	0.04
Мьянма	6.25	0.13	6.25	0.18
Науру	14.5	0.3		
Ниуэ	14.5	0.3		
Новая Зеландия	24.5	0.51	14	0.4
Острова Кука	13.5	0.28		
Пакистан	8.25	0.17	8.25	0.24
Палау	8.5	0.18		

Папуа-Новая Гвинея	13.75	0.29	2.25	0.06
Перу	11.75	0.24	11.75	0.34
Республика Корея	14	0.29	14	0.4
Россия	0.5	0.01	0.5	0.01
Самоа	14.5	0.3		
Сингапур	18	0.38	18	0.51
Соломоновы Острова	14.5	0.3		
США	13.5	0.28	10.5	0.3
Тайвань	4.75	0.1	4.75	0.134
Таиланд	13.5	0.28	13.5	0.39
Тонга	14.5	0.3		
Тувалу	14.5	0.3		
Фиджи	14.75	0.3		
Филиппины	8.75	0.18	8.75	0.25
Чили	14.5	0.3	14.5	0.41
Шри-Ланка	5	0.1	5	0.14
Япония	18	0.38	18	0.51

Полученные значения в этой таблице были суммированы с целью выявления наиболее активных субъектов, а полученные значения нормированы (путем деления общего балла на количество других участников) с целью получения коэффициента, пригодного в дальнейшем моделировании. Первое приближение показало, что отдельные страны, особенно Австралия и Новая Зеландия, получают высокие баллы в силу наличия большого количества соглашений о свободной торговле с малыми островными государствами Тихого океана: Вануату, Кирибати, Маршалловы Острова, Микронезия, Науру, Ниуэ, Острова Кука, Палау, Самоа, Соломоновы Острова, Тонга, Тувалу, Фиджи. Эти государства сами по себе являются активными участниками региональной интеграции, большинство из них уже состоят в Соглашении о свободной торговле в рамках Форума Тихоокеанских островов и Южнотихоокеанском соглашение о региональной торговле и экономическом сотрудничестве, а также ведут переговоры по Тихоокеанскому соглашению о сближении экономических отношений (PACER, также в рамках Форума Тихоокеанских островов). Хотя они обладают потенциальной способностью оказывать заметное влияние на институциональный регионализм в АТР, действуя как единое целое и обращаясь за поддержкой к Австралии и Новой Зеландии, их совокупный ресурс в экономическом и военно-политическом измерении пренебрежимо мал, что требует получить контрольные значения по вовлеченности в зоны свободной торговли путем перерасчета баллов без учета вышеперечисленных государств (Таблица 1d). Нормированные значения округлены до второго знака после запятой.

Разместив данные в последних двух столбцах в порядке убывания, получим список субъектов с наиболее активной интеграционной политикой:

Сингапур	18	0.51
Япония	18	0.51
АСЕАН	17.75	0.5
Вьетнам	16.5	0.47
Малайзия	16.25	0.46
Китай	15.5	0.44
Австралия	14.75	0.42
Чили	14.5	0.41
Бруней-Даруссалам	14.25	0.4
Новая Зеландия	14	0.4
Республика Корея	14	0.4
Таиланд	13.5	0.39
Перу	11.75	0.34
Мексика	11.75	0.34
Индия	11.25	0.32
США	10.5	0.3
Филиппины	8.75	0.25
Канада	8.5	0.24
Индонезия	8.5	0.24
Пакистан	8.25	0.24
Евросоюз	7	0.2
Мьянма	6.25	0.18
Гонконг	5.5	0.16
Шри-Ланка	5	0.14
Тайвань	4.75	0.13
ЕАЭС	4.5	0.13
Лаос	4	0.11
Камбоджа	3.25	0.09
Папуа-Новая Гвинея	2.25	0.06
Макао	2	0.06
Монголия	1.5	0.04
Бангладеш	1.25	0.04
Россия	0.5	0.01
Восточный Тимор	0	0
КНДР	0	0

Табл. 1d: Вовлеченность субъектов институционального регионализма АТР в режимы свободной торговли (ранжированная)

Расчет не учитывает ситуации, при которой субъект договаривается со своим партнером одновременно о нескольких режимах многосторонней торговли. Добавление в таблицу этих показателей является избыточным, т.к. они не меняют существенным образом нормированные значения и, следовательно, не влияют на последовательность субъектов в рейтинге. В то же время следует отметить, что способность субъекта создать многостороннюю зону свободной

торговли демонстрирует его высокую договорную способность и интеграционный потенциал, что в построении дальнейших моделей следует рассматривать в качестве положительного модификатора.

Проведенное в диссертационном исследовании исследование институционального регионализма позволил показать, что существуют факторы, с помощью оценки которых можно анализировать институциональный регионализм и выявлять черты, отличающие одну институционализированную региональную подсистему от другой. Эти факторы являются следствием характеристик самих институтов, которые являются каркасом формирующегося сообщества:

1) Сфера деятельности (scope): экономическая, военно-политическая, социетальная, экологическая
2) Латеральность (lateralism): двухсторонний или многосторонний
3) Степень обязательства (commitment): рекомендательный, обязывающий
4) Уникальность (uniqueness): есть ли аналогичные альтернативные институты
5) Наследование (inheritance): является ли институт производным от уже существующего или совершенно новым
6) Требование к наследованию (required inheritance): требуется ли вступление в базовый институт (только для производных институтов)
7) Открытость (inclusiveness): институт открытого или закрытого регионализма
8) Поддержка аттрактора (advocacy): «талассократический», «теллурократический», «независимый»

Сфера деятельности является в целом независимой переменной. Для упрощения анализа в дальнейшем будут рассматриваться только институты, носящие экономический и военно-политический характер. Здесь следует отметить, что в то время как субъекты институционального регионализма АТР охотно идут на сближение по экономическим вопросам (хоть и с определенными ограничениями, связанными с желанием обеспечить наилучшим образом свой экономическим суверенитет), они с большим недоверием относятся к идее создания институционализированного военно-политического порядка. Таким образом, при прочих равных инициатива по созданию экономического института имеет больше шансов поддержки и положительного исхода, нежели инициатива по созданию режима коллективной безопасности, не говоря о совместной обороне. Хотя институт может быть одновременно военно-политическим и экономическим, такая практика распространена сравнительно мало; так, рассматривая три сообщества АСЕАН, можно увидеть, что даже в случае столь глубоко

интегрированного образования стороны предпочли разделить сферы деятельности и вести дальнейшее развитие институциональной среды в рамках отдельных направлений.

Латеральность института также является независимой переменной. В то же время следует отметить, что субъекты институционального регионализма в АТР отдают предпочтение двухсторонним форматам в ущерб многосторонних, поэтому для второго типа институтов установлен более низкий модификатор. К этому следует добавить, что проведенные выше исследование режимов свободной торговли показало, что инициативы по созданию многосторонних институтов свободной торговли, по всей видимости, имеют тем больший шанс прийти к положительному исходу, чем больше соглашений о двухсторонней торговле уже заключено между их участниками. Так, отчасти отсутствием зон свободной торговли между Японией и Китаем, с одной стороны, и Японией и Южной Кореей, с другой стороны, может интерпретироваться как причина, отчасти не позволяющая появиться трехсторонней зоне свободной торговли КНР — РК — Япония, а также ВРЭП и ВАЗСТ. В целом, представляется более логичным, что проблемы, не дающие возникнуть двух- и многосторонним зонам свободной торговли, представляют собой явления одного порядка, и в действительности существуют более глубинные противоречия, одновременно не позволяющие появиться и двусторонним, и многосторонним соглашениям. Эти причины изложены в тексте данного диссертационного исследования и соответствуют исследовательскому вопросу. Тем не менее, сама тема последовательного строительства зон свободной торговли от двусторонних «блоков», на каркасе которых могут появляться более сложные институциональные образования, и поиск зависимости успеха многосторонних инициатив от наличия подобных «блоков» заслуживают отдельного исследования.

Степень обязательств, предполагаемых вступлением в институт, находится в зависимости с другими переменными. С одной стороны, в целом субъекты, следующие соображениям сохранения независимости в своих действиях, предпочитают рекомендательные инициативы, нежели обязывающие. С другой стороны, находясь в поисках источников роста, субъекты экономической интеграции проявят меньше заинтересованности в сугубо рекомендательных мерах, регулирующих экономические аспекты сотрудничества, и будут в большей степени стремиться добиваться таких условий, которые бы обязывали партнера выполнять предлагаемые условия, тем самым обеспечивая себе возможность встраивать выполнение этих обязательств в экономические прогнозы, формулировать те или иные ожидания. В то же время, достигая договоренностей о военно-политической сфере, субъекты институционального регионализма предпочитают рамочные соглашения, носящие

рекомендательный характер, и избегают брать на себя какие-либо обязательства. Этому аспекту регионального сообщества АТР присуще большее недоверие, чем экономическому.

Наличие или отсутствие аналогичного (альтернативного) института — ключ к пониманию как того, какую дальнейшую стратегию в институциональном строительстве предпримет субъект, так и того, какой дальнейшей судьбы следует ожидать от того или иного института. Следует напомнить, что стратегии, в сумме и определяющие дальнейшее развитие института, сводятся к трем субоптимумам: присоединение к институту; изменение института (вплоть до упразднения); создание альтернативного института. Если альтернативный институт существует, следует оценить его по предложенным характеристикам: регулирует ли он экономическую или военно-политическую сферу; носит обязывающий или рекомендательный характер; относится к регионализму открытого или закрытого типа; стремится ли к тому или иному аттрактору, то есть, создает ли относительное преимущество кому-либо из претендентов на региональное лидерство. Последний фактор является решающим: в случае, если имеющийся институт создает слишком высокую выгоду, например, Японии или США, то Китай и АСЕАН будут искать институциональные инструменты для восстановления баланса сил и интересов, даже если бы в ином случае у них не было заинтересованности в таком сотрудничестве. Также следует добавить, что аналогичным является такой институт, который на 50% и более состоит из тех же субъектов, что составляют рассматриваемый институт, и если они оба действуют в одной и той же сфере.

Наследование уточняет предпосылки, обеспечивающие изначальную состоятельность предлагаемого института. Развитие успеха, когда субъекты уже создали базовые условия для сотрудничества, предпочтительнее создания совершенно нового института, за появлением которого стоит лишь переговорный процесс в рамках встреч рабочих групп. Институты, построенные на базе имеющихся, способны регулировать более узкие области с более высокой степенью предлагаемых обязательств, нежели совершенно новые. Классическим примером являются институты на базе АСЕАН, например, возникшее в 2015 году соглашение о Рамках многовалютного выпуска облигаций. Этот институт возник в ходе деятельности Форума развития рынка облигаций ИРАРО (2010), который, в свою очередь, появился в результате совместной инициативы Финансового сотрудничества АСЕАН+3 и АБР.

Требование о вступлении в базовый институт влияет на потенциальную его поддержку в региональном сообществе. Если субъекту необходимо присоединиться к базовому институту, чтобы участвовать в производном, это существенно замедляет переговорный процесс. Следует

заметить, что в этом плане институциональной среде АТР присуща гибкость, и в нем широко распространены такие форматы, как АСЕАН+3, АСЕАН+6 и другие.

Вопрос о том, относится ли данный институт к открытому или закрытому регионализму, необходимо определять ad hoc. В Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и в целом в мире, нет практики формулирования дискриминирующих требований о вступлении, направленных конкретно против той или иной страны. Вместо этого инициаторы ставят требования по характеристикам, несовместимым с политическим или экономическим устройством того субъекта, которого они не хотели бы видеть своим партнером. Типичным примером является ВПСТТП, условия которого по регулированию экологического и трудового законодательства, как и возможности по судебной защите интересов бизнеса создают издержки, которые китайское правительство считает недопустимыми. Определенные сложности возникают, если можно отнести тот или иной институт к закрытому регионализму. В таком случае эта переменная становится зависимой, будучи связанной с тем, предоставляет ли она кому-либо из участников слишком высокое относительное преимущество. Состоятельность такого института будет зависеть от того, каков в целом уровень поддержки среди его потенциальных членов того или иного аттрактора, то есть готовность мириться с чьим-либо относительным преимуществом. В то же время, успешное создание такого института с большой долей вероятности приведет к появлению альтернативного, даже если форсировать переговорный процесс конкурирующему претенденту на лидерство придется путем снижения своего ожидаемого относительного преимущества.

Наконец, последняя характеристика, отражающая поддержку институтом того или иного аттрактора, связана не только с другими переменными, но и с характеристиками субъектов, которые являются или станут членами данного института. Ориентированность института на того или иного претендента на гегемонию, как и отсутствие такой ориентированности, может быть измерено напрямую (если институт предложен самим претендентом) либо косвенно (по совокупной поддержке того или иного аттрактора теми субъектами, которые заявили о своем интересе к переговорам). Аналогичным образом, если в институте нет однозначной поддержки того или иного аттрактора, конкуренция между их сторонниками, выраженная в коэффициенте расхождения поддержки, будет влиять на способность этого института регулировать те вопросы, для решения которых он был создан.

Приложение 2. Список сокращений

АБИИ — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций

АЕС — Экономическое сообщество АСЕАН

АСЕАН — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион

АТРАМ — Азиатско-Тихоокеанский регион и Америка

ВАЗСТ — Восточно-Азиатская зона свободной торговли

ВБ — Всемирный банк

ВРЭП — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство

ВЭПВА — Всеобъемлющее экономическое партнерство для Восточной Азии

ЕАЭС — Евразийский экономический союз

ЗСТ — зона свободной торговли

ОПОП — Один пояс, один путь

ТТП — Транстихоокеанское партнерство

Приложение 3. Словарь терминов

Абсолютное преимущество: способность регионального актора менять подсистему путем одностороннего влияния, а также ресурсы и условия, создающие такую способность.

Азиатско-Тихоокеанский регион: региональная подсистема, включающая пространство Большой Восточной Азии и Тихого океана, в рамках которой идут процессы институциональных взаимодействий между государствами, жизненно важные интересы которых определяются географической близостью к Тихому океану.

Институт: документально зафиксированная практика, предназначенная для изменения какого-либо параметра двух- или многосторонних отношений путем внедрения новых правил, сокращающих издержки и/или увеличивающих преимущества от имеющейся у ее создателей взаимозависимости.

Институциональный регионализм: экстраполяция содержания регионализма на его институциональное измерение, институциональный порядок региональной подсистемы.

Интеграционная стратегия: содержание внешнеполитического курса, направленного на упрощение условий для развития имеющегося сотрудничества и создания условий для возникновения его новых направлений на двух- и многосторонних уровнях.

Относительное преимущество: совокупность внутренних и внешних ресурсов, позволяющих региональному актору более эффективно влиять на подсистему и получать большую выгоду от участия в ней по сравнению со средними показателями.

Регионализация: процесс аккумулирования государственными и негосударственными региональными субъектами сложившихся практик и достижений в региональных взаимодействиях, направленный на возникновение нового состояния региональной подсистемы, повышающего эффективность коллективных усилий при взаимодействии с выходящими за пределы подсистемы процессами и явлениями.

Регионализм: детерминированная имеющимися пространственно-временными условиями совокупность экономических, социальных, политических и других процессов возникновения и закрепления правил поведения, признаваемых всеми участниками и предназначенных для создания регионального сообщества, способного действовать в качестве единого целого.

Региональная подсистема: «совокупность государств, объединяемых географическим фактором (как близостью на материке, так и просторами океана); стремлением к деятельности на основе общих интересов и общих признаваемых институтов (организаций и норм) в сфере экономики, торговли, безопасности, иногда в политической сфере, в том числе по вопросам

мирорегулирования (с целью превращения подсистемы в коллективный центр влияния в мировой политике); близостью исторического опыта и культуры».[394]

Региональное сообщество: институционализированная региональная подсистема, способная выступать как единое целое при решении задач, преодолении вызовов и угроз, воспринимаемых участниками данной группы в качестве общих.

Сотрудничество: поведение, направленное на приобретение относительного преимущества путем двух- и многосторонних договоренностей об условиях, создающих какую-либо выгоду и допускающих ее равномерное распределение между всеми участниками.

Соперничество: поведение, направленное на уменьшение относительного преимущества других акторов путем нанесения ущерба доверию, отказа от участия в предлагаемых форматах сотрудничества и/или создания альтернативных форматов, схожих по поставленным целям или задействованным ресурсам.

[394] Мегатренды… С. 84

Приложение 4. Список иллюстративного материала

Рис. 1. Дерево решений государства А по применению сотрудничества и соперничества в условиях игры с нулевой суммой

Рис. 2: Проекция региональных процессов на институциональное измерение

Рис. 3. Модели равновесного и неравновесного состояния в привлекательности института как инструмента создания регионального порядка.

Рис. 4. Модель взаимодействия глобальных, региональных институтов и среды.

Рис. 5. Дерево решений для применения инструментов сотрудничества

Рис. 6. Дерево решений для применения инструментов соперничества

Рис. 7. Чередование инструментов сотрудничества и соперничества в условиях развития международного взаимодействия

Рис. 8. Дерево решений для создания условий изменения статуса-кво

Рис. 9. Модель гегемонистской стабильности

Рис. 10. Предпосылки кооперативной гегемонии по Т. Педерсену

Рис. 11. Модель кооперативной гегемонии

Рис. 12. Влияние государственных и негосударственных акторов на процессы регионализма

Рис. 13. Диаграмма, включающая основные институты АТР

Рис. 14. Диаграмма Венна для взвешенных пересечений между институтами

Рис. 15. Диаграмма основных экономических институтов АТР

Рис. 16. Состояние свободной торговли в АТР в середине 2013 года

Рис. 17. Структурно-функциональная модель применения инструментов сотрудничества и соперничества в реализации внешнеполитической стратегии

Табл. 1. Матричная игра для распределения выигрышей между конкурентными и кооперационными стратегиями государства и средневзвешенной стратегии других государств

Рис. 18. Развитие противоречий между позициями Китая и Японии

Рис. 19. Циклы противостояния Японии и США в развитии региональных институтов

Табл. 2. Общее и различное в ожиданиях ведущих акторов АТР относительно будущего регионального сообщества

Рис. 20. Маршруты инициативы «Один пояс, один путь»